

А.А. Горелов

ПОЛИТОЛОГИЯ

Конспект лекций

Учебное пособие

КНОРУС • МОСКВА • 2013

KnorusMedia
электронные версии книг

УДК 32.001(075.8)
ББК 66.0я73
Г68

Рецензенты:

Ю.А. Головин, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, д-р полит. наук, проф.,

В.И. Буренко, проф. кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, д-р полит. наук, проф.

Горелов А.А.

Г68 Политология. Конспект лекций : учебное пособие / А.А. Горелов. — М. : КНОРУС, 2013. — 184 с. — (Конспект лекций).

ISBN 978-5-406-02717-2

Рассмотрен необходимый программный минимум по дисциплине «Политология». Пособие направлено на создание у студентов целостного представления о политике, ее сущности, месте и роли в обществе, закономерностях ее развития, а также на выработку умения ориентироваться в политических реалиях и формировать собственную мировоззренческую позицию. Позволяет максимально быстро и качественно подготовиться к семинарам, зачетам и экзаменам по данному предмету.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения.

Для студентов бакалавриата высших учебных заведений и всех интересующихся проблемами политологии.

УДК 32.001(075.8)
ББК 66.0я73

Горелов Анатолий Алексеевич

ПОЛИТОЛОГИЯ. КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ

Сертификат соответствия № РОСС RU. АЕ51. Н 16208 от 04.06.2012.

Изд. № 5602. Подписано в печать 05.12.2012. Формат 60х90/16.

Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 2000 экз. Заказ №

ООО «КноРус».

127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5а, стр. 1.

Тел.: (495) 741-46-28.

E-mail: office@knorus.ru <http://www.knorus.ru>

Отпечатано в ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение».
241019, г. Брянск, пр-т Ст. Димитрова, 40.

ISBN 978-5-406-02717-2

© Горелов А.А., 2013
© ООО «КноРус», 2013

Содержание

Предисловие	6
Лекция 1. Становление и сущность политики	7
Определение политики	7
Причины становления политики в Древней Греции	9
Демократия в Афинах	10
Сущность политики	13
Политика и власть	14
Объекты и субъекты политики	17
Лекция 2. Предмет и методы политологии	19
Определение политологии	19
Предмет политологии	20
Методы политологии	20
Структура, функции и значение политологии	26
Понятие закона в политологии	28
Лекция 3. История политических учений	30
Гражданское общество Дж. Локка	30
Представления о народном суверенитете и общей воле Ж.-Ж. Руссо	31
Принцип разделения властей Ш. Монтескье	33
Концепция прав человека Т. Пейна	36
Классическая концепция демократии А. Токвиля	38
Лекция 4. Концепции политологии	41
Социально-политическое учение О. Конта	41
Исторический материализм К. Маркса	42
Концепция элит В. Парето и Г. Моски	45
Концепция бюрократизации М. Вебера и концепция олигархизации Р. Михельса	50
Концепция заинтересованных групп А. Бентли	54

Лекция 5. Концепции политологии. Продолжение	57
Новая концепция демократии Й. Шумпетера	57
Плюралистическая концепция демократии Р. Даля	60
Партисипаторная концепция демократии	63
Потребительское общество и одномерный человек	66
Психологическая концепция власти	68
Концепция национального интереса	69
Лекция 6. Политическая система общества	72
Структура политической системы	72
Определение государства	73
Происхождение государства	76
Концепции государства	79
Функции государства	80
Виды государственного устройства	82
Формы государственного устройства	84
Будущее государства	86
Лекция 7. Политические режимы	88
Определение политического режима	88
Классификация политических режимов	89
Тоталитарный режим	90
Авторитарный режим	94
Определение демократического режима	97
Виды демократических режимов	101
Экономическая, социальная и политическая демократия	104
Формальная, реальная и идеальная демократия	106
Лекция 8. Уровни и детерминанты политических процессов	111
Уровни политических процессов	111
Международная политика: глобальный уровень	111
Геополитика	113
Концепция мировой системы	115
Тенденция глобализации	117
Региональный уровень	120
Внутренняя политика	122
Детерминанты политических процессов	124
Объективная и субъективная детерминанты	126

Лекция 9. Политическая социология	130
Виды политических процессов	130
Ненасилие в политике	133
Определение политической социологии	134
Политическая стратификация	135
Типы политических лидеров	137
Властвующая элита	139
Гражданское общество и политическое участие	141
Инертное большинство и принципы неучастия	146
Лекция 10. Партии и их идеологическая основа	147
Определение партии и партийной системы	147
Классификации партий	149
Определение идеологии	151
Три этапа развития идеологии	152
Три источника идеологии	154
Либерально-капиталистическая идеология	156
Националистическая идеология	157
Социалистическая идеология	158
Эволюция идеологии: апофеоз подмен	159
Социально-политические типы общества	159
Современные политические течения	160
Лекция 11. Политическая культура	165
Определение политической культуры и политического сознания	165
Типы и виды политической культуры	167
Авторитарная, тоталитарная и демократическая личность	170
Политическая социализация	172
Лекция 12. Избирательные системы	174
Избирательные права граждан	174
Проблема представительства	175
Виды избирательных систем	177
Правила ведения избирательного процесса	178
Отношение избирателей к выборам	180
Проблема контроля и отзыва депутатов	180
Литература	182

Предисловие

Древнегреческий философ Гераклит считал, что в мире «все течет, все изменяется». И если можно возразить Гераклиту, что по крайней мере берега остаются, то в социальном «море» часто не видно «берегов». Люди живут при различных политических режимах и социальное целое постоянно модифицируется, с чем человек вынужден бороться или, что бывает чаще, к чему он должен приспосабливаться. В любом случае знание условий развития общества способно помочь как в выработке мировоззренческой позиции, так и в решении конкретных жизненных проблем.

Особая необходимость политологии вызвана тем обстоятельством, что в современном мире имеет место приобщение к политике широких слоев населения, которые привлекаются к ней существующими государственными системами и общественными организациями. Отсюда задача объективного информирования масс о сути происходящих политических процессов, насущная потребность подготовки их к принятию осознанных решений и активному участию в политической жизни общества. «В современном обществе человек не столько наследует определенный тип поведения, сколько избирает его в соответствии со своей системой ценностей» (*Панарин А.С. Политология. М., 2001. С. 84*). Систему ценностей надо создать, и этому способствует в разной степени все то, что окружает человека.

Структура учебного пособия обусловлена стремлением, с одной стороны, познакомить студентов с основными политологическими понятиями, представлениями и теориями, а с другой стороны, дать им сведения, которые помогли бы разобраться в современной политической ситуации.

Лекция 1

СТАНОВЛЕНИЕ И СУЩНОСТЬ ПОЛИТИКИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ

Слово «политика» понимается в двух основных смыслах. В широком смысле это сфера общественной жизни, имеющая дело с управлением. Так, можно говорить о семейной политике, политике в области образования, спорта и т.д. В рамках политологии нас будет интересовать политика в узком смысле слова, а именно сфера общественной жизни, имеющая дело с управлением обществом. Политика в этом смысле существовала не всегда, а появилась с возникновением государства как социального института.

Слово «политика» происходит от древнегреческого слова «полис», обозначающего город. В Древней Греции города с прилегающими к ним территориями представляли собой государства, т.е. полностью распоряжались всеми вопросами управления. Соответственно политика первоначально представляла собой искусство управления городом-государством. Система городов-государств, как, например, Афины, Спарта и т.д., существовала не только в Древней Греции, но и на Ближнем Востоке, в Древней Индии и в других частях мира. Известны города-государства в средневековой Европе. В Древней Руси такими городами были Новгород и Псков.

Существует несколько определений политики, каждое из которых подчеркивает какую-либо из ее особенностей. Все они имеют право на существование, если не допускать их абсолютизации.

Определение политики как управленческой деятельности не совсем точно, поскольку политика не сводится к деятельности, а есть скорее отношение между людьми, и человек, политически пассивный, также

оказывается вовлеченным в эту сферу, являясь не субъектом, но объектом политики по известному афоризму: «Если вы не занимаетесь политикой, то политика займется вами».

По этой же причине не точно определение политики как стремления к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти. **М. Вебер** пишет, что все люди являются «политиками», когда опускают избирательный бюллетень или высказывают свое мнение по вопросам управления государством. При этом, конечно, совсем не обязательно стремиться к участию во власти или оказанию влияния на ее распределение.

Изначальное определение политики как искусства управления людьми имеет веские исторические основания. Именно такое значение имело слово «политика» в Древней Греции аналогично тому, как риторика является искусством красноречия. Но это античное определение ушло в прошлое, так же как времена греческого полиса, когда оно сформировалось. Оно ныне также представляется неоправданно узким, так как политические решения могут быть далеки от искусства в высоком смысле слова и попросту некомпетентные.

Столь же ограниченным будет определение политики как науки управления, и не только потому, что политика возникла гораздо раньше, чем наука, но и потому, что конкретный политический уровень деятельности зачастую не основывается на объективных научных данных и вообще протекает на бессознательном уровне, не доходящем до разумной оценки событий. Опять-таки, как и в случае с политикой-искусством, оно не соответствует реалиям современной действительности, особенно после появления политологии как науки.

Определение политики как сферы общественной жизни, имеющей дело с управлением в государстве, более общее и адекватное практике. Мы в дальнейшем будем ему следовать.

Но политику в смысле государственного управления тоже можно понимать в широком и узком смысле. «В широком смысле политика появляется вместе с зарождением цивилизации, характеризующейся такими признаками, как наличие профессиональной системы централизованного управления, создание государства, территориальной организации вместо родоплеменных образований» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 26).

В узком смысле политика выступает как соревнование различных групповых интересов и как соперничество за власть при наличии свободного избирателя и единых правовых «правил игры». В этом смысле политика появляется в Древней Греции в Афинах в период демократии. Само слово «политика» связано с этим узким значением. Здесь политика становится массовым явлением, а свободный гражданин полиса — поли-

тическим субъектом, т.е. человеком, принимающим участие (и даже обязанным делать это) в решении политических, государственных проблем, политически управляющим самим собой.

ПРИЧИНЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Выделение и осмысление политики как особой социальной сферы именно в Древней Греции имело веские причины. Первой из них следует назвать национальный характер и менталитет народа, породившего политику. Древние греки были рационально мыслящими людьми, поднявшими до небывалых высот духовную и материальную культуру. То же время, примерно 2,5 тыс. лет назад, породило философию как первую рациональную отрасль духовной культуры, историю, риторику и такие достигшие небывалого расцвета виды искусства, как театр и скульптура. Все это имело один духовный источник, образно говоря, Кастальский родник у подножья горы Парнас, хотя в числе девяти греческих муз нет музыки политики.

Второй причиной следует назвать социальную, а именно становление в Древней Греции новой формы общественного устройства, получившей название демократии (в буквальном переводе «власть народа»). Оно приобщило к управлению государством если и не самые широкие массы населения, но всех совершеннолетних граждан полиса (в их число не входили женщины, чужестранцы и рабы). Проблема управления существовала, конечно, и в других странах, но там она решалась узким кругом лиц, принимающих решения. В Древней Греции действительно стало возможным говорить о политике как о широкой сфере общественной жизни. Понятие политики неразрывно связано с Древней Грецией, потому что каждый гражданин демократических городов-государств должен был уметь заниматься ею. Отметим, что слово «полис» однокоренное со словом «поли», означающем «много», и, возможно, произошло от него (полис — город, в котором живет много людей). В слове «политика» можно услышать, что много людей участвует в управлении государством.

У афинян не было термина для обозначения государства. Слово «полис» есть и государство, и общество, поэтому выражение Аристотеля «Человек — существо политическое» можно перевести как «существо общественное» или «существо государственное». Гражданин в Древней Греции — человек, занимающийся политикой (от греч. *politias*), так как город есть полис. Занятие политикой до такой степени считалось обязательным и само собой разумеющимся делом для гражданина, что человек, не питающий интереса к политике, а занимающийся лишь сво-

ими частными делами, назывался словом «идиот» — понятие, противоположное гражданину.

Древняя Греция была богатой, процветающей торговой страной, вызвавшей к жизни новую форму правления. Демократия возникла из аристократии — формы правления, при которой к власти допускалась часть граждан, которая в свою очередь образовалась из монархии — власти одного.

ДЕМОКРАТИЯ В АФИНАХ

Демократия Древней Греции не похожа на существующую в современном мире. Это было то, что в наше время получило название **прямой демократии, а также демократии участия**. Когда мужчине, родившемуся в Афинах, исполнялось 18 лет, он приносил присягу на верность полису и отныне считался гражданином Афин. Всеми гражданскими правами в Афинах пользовались с 20 лет, когда юношей вносили в список Народного собрания, за исключением доступа к должностям, что допускалось с 30-летнего возраста. Правом и обязанностью всех свободных граждан было собираться на главной площади города (это называлось Народным собранием) и совместно обсуждать наиболее важные политические вопросы — объявления войны, заключения мира и т.п. Каждый мог выступить с обоснованием собственной точки зрения. Всех желающих выслушивали и большинством голосов принимали решения. Древние греки умели и владели искусством выражать свои мысли, что необходимо для убеждения других в собственной правоте. Тот, кого не хотели слушать, мог переехать в другой город и проповедовать свои взгляды там.

У истоков афинской демократии стоял выдающийся политический деятель **Перикл**. Обосновывая необходимость и значение демократии, Перикл говорил: «Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы, скорее, сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству. Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из ува-

жения к ним, и повинемся властям и законам, в особенности установленным в защиту обижаемых, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным» (Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1991. С. 167—168).

Здесь обращают на себя внимание четыре момента. Во-первых, участие в управлении большинства народа; во-вторых, выдвижение на основе личных достоинств; в-третьих, равенство всех перед законом (правовое равенство); в-четвертых, особая защита слабых.

Относительно того, каким должен быть гражданин демократического общества и как должны вестись общественные дела, Перикл говорит: «Ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, неблагонамеренным гражданином, бесполезным обывателем. Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами и за и против. В отличие от других, мы, обладая отвагой, предпочитаем вместе с тем сначала основательно обдумывать наши планы, а потом уже рисковать, тогда как у других невежественная ограниченность порождает дерзкую отвагу, а трезвый расчет — нерешительность... Одним словом, я утверждаю, что город наш — школа всей Эллады, и полагаю, что каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях» (Там же. С. 168—169).

Высшим органом власти в Афинах являлось Народное собрание, которое производило проверку действий властей, обсуждало вопросы продовольствия, защиты страны и прочее по желанию самих граждан. Военачальников выбирали поднятием рук, а основным способом выбора на другие должности, в том числе в высший орган исполнительной власти — Совет пятисот, был жребий. Любой гражданин должен был быть готов к занятию государственного поста. Стало быть, в политике должен был разбираться каждый, и значение этой сферы жизни резко возросло. «По некоторым оценкам, рядовой гражданин по крайней мере один раз в жизни имел возможность получить по жребию высшую должность в государстве» (*Даль Р. О демократии. М., 2000. С. 18*).

В Совете пятисот председатель пританов — дежурных членов Совета — выбирался из числа членов по жребию и не мог пробыть в этой должности более одного дня или занимать ее дважды. Председатель Народного собрания и ведущий заседания Совета пятисот также избирались по жребию и не могли исполнять эти обязанности более одного раза в году. Исключение составляли военные должности, которые можно было занимать несколько раз. Имело место разделение исполнительной

и судебной власти, которая в виде суда присяжных только и могла налагать взыскания.

Известный ныне принцип разделения законодательной и исполнительной властей не осуществлялся в Афинах, поскольку четкого разделения законодательных и исполнительных функций между Народным собранием и Советом пятисот не проводилось и народное собрание оставалось высшим законодательным и исполнительным органом, координирующим свою деятельность с Советом пятисот, который был высшим судебным органом.

Французский политический мыслитель **Б. Констан** (1767—1830) в своей работе «О свободе у древних в сравнении со свободой у современных людей» отметил, что в понятие свободы у современного человека входит свобода **от произвола властей**, т.е. **отрицательная свобода**, в то время как в Древней Греции понятие свободы включало в себя свободу для непосредственного участия в решении дел, связанных с совместным управлением полисом, т.е. **положительную свободу**. Платой за это явилось отсутствие права на частную жизнь, которая находится под постоянным наблюдением общества. «Целью древних было разделение общественной власти между всеми гражданами страны. Это-то они и называли свободой. Цель наших современников — безопасность частной сферы; и они называют свободой гарантии, создаваемые общественными институтами в этих целях» (*Констан Б. О свободе у древних в сравнении со свободой у современных людей // Полис. 1993. № 2. С. 98*). «Человек политической античности решал все общественные дела в духе демократии участия. Иными словами, технологии политического участия он применял для решения своих повседневных проблем» (*Панарин А.С. Цит. соч. С. 50*).

Демократия в Древней Греции существовала в отдельные периоды, начиная с V в. до н.э., сменяясь другими формами общественного устройства на протяжении двух веков, пока в III в. Древняя Греция не попала под власть **Александра Македонского**. Столетия спустя Греция была захвачена Римом и надолго (до захвата Рима варварами) вошла в состав Римской империи. Тем не менее этот отрезок истории был столь же важен для политики, как греческая мифология, философия и искусство для культуры в целом.

Прямая демократия в Древней Греции могла существовать, поскольку в типичном городе-государстве количество граждан колебалось от 2 до 10 тыс. (в Афинах в период высшего расцвета демократии — 450 г. до н.э. — 60 тыс. граждан). Рост числа граждан накладывает ограничения на развитие данного вида демократии. Это стало заметно на примере Древнего Рима, в котором в период республики (от лат. —

«общее достояние») наделение все большего количества граждан правом принимать участие в решении государственных вопросов уже не приводило к росту реальной демократии, так как граждане, проживающие в других городах империи, не могли регулярно ездить в Рим для участия в народных собраниях, на которых принимались политические решения.

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИКИ

Одним из первых суть политики определил древнегреческий философ **Платон** в диалоге «Политик». Платон рассматривал политическое искусство как умение «ткать» из отдельных индивидуальностей государственное целое. Политика — сфера общего блага и общих интересов.

Политика «...выполняет **интегративную** функцию, выступая как искусство приведения несовпадающих групповых интересов к «единому знаменателю» — показателю общественного единства» (*Панарин А.С. Цит. соч. С. 24*).

Одной из первых задач, которую решала политическая власть, было объединение людей не по родоплеменному, а по территориальному признаку. Политика — это прикладная сфера деятельности. Ее задача не нахождение решений на века, а принятие конкретных решений в условиях недостаточности информации и влияния на ситуацию огромного числа факторов.

Здесь можно провести такую аналогию. Нахождение «вечных» решений на основе рассмотрения небольшого числа переменных величин — задача философа и ученого-астронома, который открывает «вечные» законы вращения небесных тел с помощью закона всемирного тяготения. Нахождение конкретных решений в постоянно меняющейся ситуации — задача политика-практика и ученого-метеоролога, который пытается сделать прогноз погоды на завтра на основе обработки огромного количества данных. Это не значит, что «вечные» законы философии и науки не имеют значения для политики. Они являются граничными условиями политических решений, как и принципы морали. Высший смысл политики в том, чтобы реализовать смысл жизни человека.

Платон также называл политиков «пастухами человеческого стада». Будем ли мы считать политику наукой или искусством? В любом случае она имеет дело с управлением. Умением управлять может обладать не только царь, но и любой человек. Образ политика, т.е. совокупность черт, принадлежащих пастуху-правителю, можно, по Платону, абстрагировать и представить в чистом виде. Политики — люди, разбирающиеся в государственных делах, каковыми и должны быть граждане греческих городов. Политик, по Платону, умеет судить и повелевать.

Платон называет политическим такое правление, в противоположность тираническому, которое не основывается на силе, а является мягким, попечительским, а владеющего таким искусством попечительства — подлинным царем и политиком. Говоря современным языком, мы называем политическим легитимное правление.

Современный ученый **А.А. Зиновьев** дает такое определение политического общества: «Общество, в котором политические отношения становятся господствующими в системе социальных отношений» (*Зиновьев А.А. Зияющие высоты. М., 2000. С. 527*). Политические отношения означают отношения между гражданами и властями как равноправными независимыми партнерами. Политические нормы регулируют взаимоотношения граждан и государства.

Определяющей границей политики будет, по Платону, не количество правителей, не насилие или добрая воля, не богатство или бедность, а знания. Здесь Платон следует за своим учителем **Сократом**. Второе, что Платон добавляет к знанию, — это справедливость, и формулирует следующее «великое правило» для правителей, состоящее «в том, чтобы умно и искусно, уделяя всем в государстве самую справедливую долю, уметь оберечь всех граждан и по возможности сделать их из худших лучшими» (*Платон. Политик. 297 в.*).

ПОЛИТИКА И ВЛАСТЬ

Платон называл политикой специфическое знание власти над людьми, взятое в своем предельном обобщении. Современный политолог **Р. Арон** пишет, что сущность политики заключается в способе осуществления власти и в выборе правителей. Политикой занимается тот, кто имеет власть, хочет завладеть властью (оппозиция), имеет собственные политические цели (заинтересованные группы).

Политика и власть — близкие понятия, хотя и не тождественные. Власть — это система социально-политических отношений, выражающих способность, право и возможность кого-либо решающим образом влиять на действия и поведение других людей, опираясь на свою волю, авторитет, правовые и моральные нормы, угрозу принуждения и наказания, обычаи и традиции. Сущность власти находит свое выражение в отношениях господства и подчинения.

По **А.С. Панарину**, власть есть средство борьбы с неопределенностью, один из ответов человека на «космический» вызов хаоса. «Что означает выражение: “А имеет власть над Б?” Это значит, во-первых, что влияние А на Б выше, чем влияние Б на А, во-вторых, что пове-

дение Б для А более предсказуемо, чем поведение А для Б... властные отношения между А и Б при этом увеличивают их взаимную предсказуемость и упорядоченность поведения» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 16). «А убежден в своем праве и способности ожидать от Б повиновения, а Б, в свою очередь, не сомневается ни в праве А повелевать, ни в своем долге повиноваться» (Там же. С. 130). «А нужна для убеждения в своем праве только внутренняя психологическая установка. Способность управлять есть результат его собственных возможностей. А вот чтобы не сомневался Б, на него надо действовать извне, и это осуществляется или путем насилия, или посредством хитрости». А.С. Панарин формулирует следующий принцип: «Чем меньше мы способны обуздывать свои стихии самостоятельно, тем ближе для нас перспектива внешнего обуздания и подавления. Причем это касается не только людей, но и целых народов» (Там же. С. 17). Есть опасность сверхвласти, но есть и опасность безвластия. Худший вариант — когда присутствует и то, и другое вместе: когда сверхвласть государства направлена только на обеспечение собственных интересов самой власти, а подданные тонут в океане окружающего безвластия.

Понятие власти имеет более широкую сферу применения, чем понятие «политика» в узком смысле. Можно говорить о власти в семье, экономике и т.д. Именно политическая власть будет нас интересовать в рамках нашего курса. А.А. Зиновьев проводит еще одно содержательное отличие власти от политики. «Отношения между социальными индивидами разделяются на отношения господства — подчинения и отношения сотрудничества (соподчинения). Политические отношения суть третий тип социальных отношений. Они имеют место между индивидами, которые не находятся в отношении господства — подчинения и в отношении соподчинения одному и тому же индивиду, т.е. между социально независимыми индивидами. Таким образом, политические отношения начинаются со стремления к независимости и кончаются с ее уничтожением» (*Зиновьев А.А.* Цит. соч. С. 525). Это отличие восходит к разделению Платоном политического и тиранического правления. Значение власти в политике сравнивают со значением денег в экономике. Продолжая сравнение с экономикой, власть называют «товаром с нулевой суммой», т.е. наличие власти у одной структуры или личности означает отсутствие ее у других личностей и структур. Отметим, что русское слово «власть» происходит от слова «владеть».

Г. Киссинджер назвал власть «самым сильным возбуждающим средством». Власть — средство, которое в отсутствие цели может стать самоцелью. Как смотреть на правителей: как на богоподобных существ или как на испорченных властью людей? Р. Арон утверждает, что «в характере

власти проявляется степень человечности общественных отношений» (Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 32) и что структура власти — основная характерная черта сообщества.

Власть определяется как совокупность всякого рода решений, которые принимают люди относительно жизненных условий и относительно событий, создающих историю их жизни. В этом отличие власти от политики как совокупности способов осуществления власти или стремления к этому. Этими способами будут принуждение с помощью положительных или отрицательных стимулов, «авторитет (власть, обоснованная убеждениями сознательно подчиняющегося) и манипулирование (власть, осуществляющаяся незаметно для подчиненного)» (Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 158).

Осуществление властных полномочий требует наличия определенных ресурсов и связано с использованием определенных методов. Американский политолог **А. Энциони** разделяет ресурсы: 1) на утилитарные, к которым относятся материальные и социальные блага (зарплата, бесплатное медицинское обслуживание и т.п.); 2) принудительные (административное и общественное порицание и наказание); 3) нормативные (средства воздействия на внутренний мир человека). Методы власти можно разделить на позитивные и негативные («кнута и пряника»). К позитивным методам относят убеждение, приманивание обещаниями, использование положительных стимулов, создание новых потребностей, которые может удовлетворить носитель власти. К негативным методам относят контроль, принуждение, блокирование нежелательных последствий, шантаж (угрозы в настоящем, обещание бед в будущем и т.д.).

Формами проявления власти являются поощрение, контроль, управление, принуждение, наказание, насилие. Власть основывается на авторитете, силе и даже любви. Авторитет — индивидуальный или институционализированный — определяет вероятность того, что приказание встретит повиновение.

М. Дюверже отличает власть от силы тем, что власть базируется на вере в законность принуждения, а сила — на способности заставить. Принуждение с помощью убеждения Дюверже называет принуждением с анестезией. Хотя отношение власти противоположно отношению любви, последнее может служить основанием добровольной власти одного человека над другим.

К политическими относятся лишь публичные и властные решения. «Власть означает формальное могущество, которым наделены индивиды или группы, с тем, чтобы их решения выполнялись и уважались»

(Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 19). Если подчиненные не подчиняются, то в дело вступает сила (принуждение) и формальное могущество превращается в реальное. Если используется физическая сила, то это называется насилием. «Политическая власть есть способ установления регулируемых общественных отношений путем централизации функций принуждения» (Панарин А.С. Цит. соч. С. 21). А.С. Панарин считает, что энергия насилия есть величина постоянная: в период ослабления государственной власти она приобретает диффузный характер, а в период ее укрепления концентрируется в руках государства, становясь его монополией.

Гарантия против насилия имеет место в двух формах: гарантией от стихийного насилия выступает государство, а гарантией от государственного насилия служит правовой конституционный порядок, включающий неотчуждаемые права человека. И еще одно правило: в политике принимаются во внимание лишь те интересы и позиции, которые достаточно организованы и влиятельны, чтобы успешно лоббировать в свою пользу.

ОБЪЕКТЫ И СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ

Так как политика неразрывно связана с управлением, имеющих к ней отношение можно разделить на управляющих и управляемых, хотя такое деление до некоторой степени условно. Соответственно выделяют объекты и субъекты политики.

Субъектами политики являются те, кто занимает управляющую позицию, т.е. принимает политические решения или по крайней мере имеет влияние на их принятие.

Если человек просто соглашается с какими-либо политическими действиями или возмущается ими, это не делает его субъектом политики. Сначала надо понять свои интересы и характер их связи с политикой (политическое сознание), затем выразить их в политических формах (политическая культура) и бороться за их осуществление (политическое поведение).

Объект политики есть, по философскому определению слова, нечто пассивное («инертное большинство») в противоположность субъекту как активному деятелю.

Вопрос перехода из объекта в субъект — это вопрос о том, как человек может повлиять на политику. В момент, когда человек опускает бюллетень с принятым решением, он является субъектом, но во все остальное

время он может быть простым объектом политики, если не участвует в принятии политических решений.

Характеристика человека политического принадлежит каждому гражданину без изъятия. Этот универсалистский принцип политики как всеобщего достояния относится к категорическим императивам современной политической этики, запрещающей заранее деление людей на субъектов и объектов политики.

Принцип верховенства и суверенитета народа зафиксирован сейчас практически во всех конституциях. Например, в Конституции США говорится «об управлении народом». Следует, конечно, отличать формального носителя верховной власти, народ в целом, от реального носителя — политической элиты и, стало быть, формального субъекта политики от реального.

Отсюда вывод: каждый человек в той степени является субъектом политики, в которой он реально может воздействовать на принятие политических решений.

Понятия объекта и субъекта относятся не только к отдельным людям, но и к странам и регионам. Причем эти понятия следует рассматривать не в абсолютном (как принято в философии), а в относительном смысле. На шкале «объект — субъект» располагаются все люди и объединения от не способного и не желающего голосовать (минимум субъектности и максимум объектности) до президента великой державы (минимум объектности и максимум субъектности).

Лекция 2

ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ПОЛИТОЛОГИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТОЛОГИИ

В Древней Греции политику называли наукой. В Новое время **Д. Юм** в эссе «О том, что политика может стать наукой» выдвинул так называемые универсальные аксиомы политики, думая, что это сделает политику наукой. Но уподобления политики математике для становления науки недостаточно. Предложенные аксиомы слишком умозрительны, чтобы создать политическую науку. Юм думал, что политику сделает наукой «нахождение вечных политических истин», но сейчас мы знаем, что не этот признак характеризует науку, а проверка следствий из теорий.

Вопрос о том, сможет ли политика стать наукой, остается открытым. Но развитие гуманитарных наук привело к становлению политологии как науки о политике. Мы определили политику как сферу общественных отношений, имеющую дело с государственным управлением.

Соответственно, **задачами политологии как науки о политике, как любой другой науки, будут эмпирико–теоретическое познание данной сферы отношений и формулирование законов ее развития.**

Появление этого понятия снимает использование слова «политика» в смысле науки.

Каковы главные отличия политологии от политики?

Политология — идеальная система, политика реальна; политология объективна, политика субъективна, хотя в ней существует понятие объекта политики; политология рациональна, в политике наравне с рациональными присутствуют и нерациональные (порой бессознательные) моменты, и не только у подданных — объектов политики, но и у правителей.

Если политика возникла 2,5 тыс. лет назад, то политология — только в XIX в. в процессе дифференциации социологического знания. Сначала должна была возникнуть социология как наука об обществе, чтобы затем от нее отпочковалась дисциплина, изучающая ту часть общественной системы, которая имеет дело с государственным управлением.

ПРЕДМЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

Предметом науки является то, что она изучает. Предмет следует отличать от объекта. Объект реально существует и обладает в принципе бесконечным количеством свойств. Ученый вычленяет из объекта свойства, которые представляют для него интерес, и их совокупность становится предметом исследования. Вопросы управления в государстве не ограничиваются деятельностью собственно государства. Существуют проблемы, непосредственно не связанные с государством, но влияющие на него. Это деятельность партий, других общественных организаций — профсоюзов и т.п., отдельных людей и заинтересованных групп с присущим им политическим сознанием и культурой; совокупность политических процессов в мире.

В целом это составляет предмет политологии.

Конечная цель политологии, как любой другой науки, — выявление закономерностей, в данном случае закономерностей управления обществом, закономерностей функционирования политики как особой сферы общественной жизни.

МЕТОДЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Метод — это совокупность действий, призванных помочь достижению желаемого результата.

Первым на значение метода указал французский математик и философ **Р. Декарт** в работе «Рассуждения о методе». Но еще ранее один из основателей эмпирической науки **Ф. Бэкон** сравнил метод познания с циркулем. Способности людей различны, и для того, чтобы всегда до-

бываться успеха, требуется инструмент, который уравнивал бы шансы и давал возможность каждому получить нужный результат. Таким инструментом и является научный метод. Метод не только уравнивает способности людей, но также делает их деятельность единообразной, что является предпосылкой для получения единообразных результатов всеми исследователями.

Научный метод как таковой подразделяется на методы, используемые на каждом уровне исследований. Выделяются, таким образом, эмпирические и теоретические методы.

К **эмпирическим методам** относятся: *наблюдение* — целенаправленное восприятие объективной действительности; *описание* — фиксация средствами естественного или искусственного языка сведений об объектах; *измерение* — количественная характеристика свойств объектов; *сравнение* — сопоставление объектов по каким-либо сходным свойствам или сторонам; *эксперимент* — наблюдение в специально создаваемых и контролируемых условиях, что позволяет восстановить ход явления при повторении условий.

К **теоретическим методам** относятся: *формализация* — построение абстрактно-математических моделей, раскрывающих сущность изучаемых процессов; *аксиоматизация* — построение теорий на основе аксиом (утверждений, доказательства истинности которых не требуется); *гипотетико-дедуктивный метод* — создание системы дедуктивно связанных между собой гипотез, из которых выводятся утверждения об эмпирических фактах.

Другим принципом классификации является сфера использования метода: применение во всех отраслях человеческой деятельности, во всех областях науки, в отдельных разделах науки. Соответственно выделяют всеобщие, общенаучные и конкретно-научные методы.

К **всеобщим методам** относятся: *анализ* — расчленение целостного предмета на составные части (стороны, признаки, свойства или отношения) с целью их всестороннего изучения; *синтез* — соединение выделенных частей предмета в единое целое; *абстрагирование* — отвлечение от несущественных для данного исследования свойств и отношений изучаемого объекта с одновременным вычленением интересующих свойств и отношений; *обобщение* — прием мышления, в результате которого устанавливаются общие свойства и признаки объектов; *индукция* — метод исследования и способ рассуждения, в котором общий вывод строится на основе частных посылок; *дедукция* — способ рассуждения, посредством которого из общих посылок с необходимостью следует заключение частного характера; *аналогия* — прием познания, при котором на основе сходства объектов в одних признаках заключают об их сходстве в дру-

гих признаках; *моделирование* — изучение объекта (оригинала) путем создания и исследования его копии (модели), замещающей оригинал с определенных сторон, интересующих исследователя; *классификация* — разделение всех изучаемых предметов на отдельные группы в соответствии с каким-либо важным для исследователя признаком (особенно часто используется в описательных науках).

К **общенаучным методам** относятся *научное наблюдение, научный эксперимент, научное моделирование*. Научное наблюдение в отличие от обыденного подчинено ясной исследовательской цели, планируется по заранее обдуманной процедуре, все данные фиксируются по определенной системе, а полученная информация поддается контролю на обоснованность и устойчивость.

По условиям организации наблюдения делятся на **полевые** (в естественных условиях) и **лабораторные**. По степени формализованности выделяют **неконтролируемые** (или нестандартные, бесструктурные) наблюдения и **контролируемые**, т.е. регистрирующие события по детально разработанной процедуре.

В зависимости от положения наблюдателя различают **соучаствующее** (включенное) наблюдение, при котором исследователь имитирует вхождение в социальную среду, и **простое** (невключенное) наблюдение, при котором он регистрирует события со стороны.

Ограничивает применение наблюдения сложность, а порой и невозможность проведения повторного наблюдения, что является обычной и необходимой процедурой научного исследования. Проблемы можно избежать, если заменить наблюдение экспериментом, проводящимся в контролируемых условиях.

Эксперимент делится на **натурный** и **мыслительный**. Натурный эксперимент предполагает вмешательство экспериментатора в естественный ход событий. Он может быть **контролируемым** и **неконтролируемым**. При контролируемом эксперименте производится тщательное выравнивание всех условий, которые могут исказить влияние экспериментального фактора. Но здесь есть ограничения, связанные с этическими и иного рода соображениями. При мыслительном эксперименте вместо манипулирования с реальными объектами оперируют информацией о свершившихся событиях.

Большое значение в современной науке приобрели статистические методы, позволяющие определять средние значения, характеризующие всю совокупность изучаемых предметов.

Методы политологии, как и любой другой науки, делятся на те же три большие группы. Ко всеобщим относятся логические методы: индукция — дедук-

ция, анализ — синтез, аналогия, а также сравнение, классификация, измерение, идеализация и т.п.

Политология использует все основные методы, которые применяются в других науках, видоизменяя их в соответствии со спецификой своего предмета. Как любая наука, она имеет в своем распоряжении собственные конкретные методы исследования.

К основным **конкретно-научным** методам в политологии относят анализ документов, который может быть качественным или количественным (последний называют контент-анализом), опрос и т.п.

Анализ документов является наиболее экономичным методом исследования. Он позволяет оперативно получить объективные данные об изучаемой системе. Правда, такая информация не всегда бывает достоверной и нуждается в проверке с помощью наблюдения и опросов. Она также не содержит информацию о субъективных факторах, подлежащих исследованию, поэтому этот метод используется наряду с наблюдением и опросом.

Документальной в политологии называют любую информацию, зафиксированную в печатном и рукописном тексте, на магнитной ленте, на фото- или киноплёнке. Она и классифицируется таким образом: по способу фиксирования информации. С точки зрения целевого назначения выделяются материалы, которые избраны и составлены по желанию самих исследователей, — они называются **целевыми**, и **нецелевые**, т.е. любые наличные документы, существующие независимо от исследователя. По степени персонификации документы делятся на **личные** и **безличные**. К личным относятся карточка индивидуального учета (библиотечные формуляры, анкеты, бланки), характеристики, письма, дневники, заявления, мемуары. Безличные документы — это архивы, данные прессы, протоколы собраний и т.п. В зависимости от статуса выделяют **официальные** и **неофициальные** документы. К первым относятся правительственные материалы, данные государственной статистики (переписи населения и т.п.), архивы и текущие документы различных организаций. Неофициальные документы — это личные материалы, а также составленные частными гражданами безличные документы (статистические исследования и т.п.). Наконец, по источнику информации документы делятся на **первичные** — составляемые на основе прямого наблюдения или опроса, **вторичные** — представляющие собой обработку, обобщение или описание, сделанные на основе первичных источников.

Анализ текста без использования процедур измерения называется качественным. Так как он применяется давно, то его называют традиционным методом. В последние десятилетия широкое распространение полу-

чил метод квантификации материала — **контент-анализ** (его разработали американские социологи **Г. Лассуэлл** и **Б. Берельсон**). Контент-анализ изучает информацию количественно.

Опрос является наиболее распространенным методом сбора политологической информации. Он предусматривает: 1) устное (интервью) или письменное (анкетирование) обращение исследователя к определенной совокупности людей, называемых респондентами, с вопросами, содержание которых представляет проблему на уровне эмпирических индикаторов; 2) регистрацию и статистическую обработку полученных ответов; 3) их теоретическую интерпретацию.

Опрос используется в тех случаях, когда изучаемая проблема недостаточно обеспечена документальными источниками информации, характеристики исследования недоступны для наблюдения; когда предметом исследования является индивидуальное или общественное сознание: потребности, интересы, мотивации, настроения, ценности, убеждения людей; в качестве контрольного дополнительного метода для расширения возможностей описания и анализа изучаемых характеристик. Опросы могут быть *очными* (личные) или *заочными* (звонок по телефону, обращение с анкетой через средства массовой информации).

Интервью — это проведенная по определенному плану беседа, предполагающая контакт интервьюера с респондентом, причем запись ответов производится либо самим интервьюером, либо автоматически. Интервью может быть свободным — по общей программе, без детализации, и формализованным, или стандартизованным, — с детальной разработкой всей процедуры. В зависимости от целевого назначения интервью разделяют на клинические (долговременные) — с целью получить сведения о внутренних побуждениях, мотивах и склонностях опрашиваемого и фокусированные (кратковременные) — с целью извлечь информацию о реакции человека на данное воздействие. По количеству респондентов интервью делятся на *индивидуальные* и *групповые*.

Анкетирование предполагает жестко фиксированный порядок, содержание и форму вопросов, причем ответы даются опрашиваемым либо наедине (заочный опрос), либо в присутствии анкетера (прямой опрос). Различают *открытые опросы*, когда респонденты высказываются в свободной форме, и *закрытые*, когда все варианты ответов заранее предусмотрены. Опрос-молния (или опрос-голосование, зондаж) содержит три-четыре пункта основной информации. Может иметь место опрос по почте, когда ожидается возвращение опросного листа по заранее оплаченному почтовому отправлению. По теме опросов анкеты делятся на событийные, статистические (в переписях населения), анкеты на выяснение ценностных ориентаций и т.д.

К опросу прилагается так называемая паспортчика с указанием пола, возраста, образования, стажа работы, семейного положения респондента и т.п.

В некоторых случаях политолог может исследовать объект целиком. Тогда говорят, что предмет исследования тождественен **генеральной совокупности**, т.е. совокупности всех возможных социальных объектов, подлежащих изучению. Такое исследование называется **сплошным**. Но чаще исследование является несплошным, или **выборочным**, т.е. изучает **выборочную совокупность**. Последняя может быть **репрезентативной**, когда воспроизводит параметры и значительные элементы генеральной совокупности, или **нерепрезентативной**. При нерепрезентативной выборке неизвестны пропорции существенных характеристик в генеральной совокупности или известно, что в выборке они не соблюдаются. Например, если известно, что среди рационализаторов большинство составляют рабочие, то такой вывод будет справедлив, только если учитывать процентное отношение рабочих к другим слоям общества. Или исследование студентов второго курса не дает оснований для переноса результатов на всех студентов вообще.

Имеются различные приемы достижения репрезентативности выборки. Выборка называется случайной, если любой элемент в генеральной совокупности (или любое сочетание элементов) может быть с одинаковой вероятностью включен в выборку. Последнее делается для того, чтобы избежать влияния субъективного фактора. В работе используются таблицы случайных чисел, составленные с помощью компьютера. Номера выбираются совершенно случайно. Данный метод можно использовать при наличии списков генеральной совокупности. Основанием для выборки может быть также картотека, географическая карта и т.п.

Выборка называется *систематической*, или *псевдослучайной*, если соотношение между размером выборки и численностью генеральной совокупности используется для определения интервала. Скажем, выбирается каждый десятый человек из генеральной совокупности.

Стратифицированная выборка предполагает деление генеральной совокупности на слои, а затем составление выборки внутри каждого слоя. Способ применяется, когда предмет изучения имеет сложную социальную структуру, требующую учета специфики каждого слоя (особенности его функционирования, численность, степень важности).

При *кластерной выборке* проводится классификация групп населения по географическому признаку. Такой метод применяется при значительной пространственной разбросанности объектов исследования.

При крупномасштабных исследованиях применяются *многоступенчатые выборки*, при которых используется несколько простых

методов. Все данные методы являются вероятностными. Могут быть и целевые выборки, когда ученый сам отбирает респондентов. Здесь большое значение имеет предварительное знание ситуации.

Политология пользуется общенаучными подходами. К числу последних относятся системный анализ, получивший широкое распространение в науке в середине XX в.; бихевиоризм, пришедший в политологию из психологии; политико-культурологический подход, а также получившие большое применение структурный и функциональный подходы. В рамках сравнительной политологии широко используется сравнительный метод или, как предпочитал его называть **М.М. Ковалевский**, историко-сравнительный метод.

В политологии широко применяются метод идеализации в двух смыслах: в веберовском смысле выделения «идеальных типов» и в смысле создания утопических систем наилучшего государственного устройства; метод классификации — один из основных в политологии; генетический метод анализа предмета исследований, исходя из особенностей его происхождения и развития.

Специфические политологические подходы — формационный (**К. Маркс**) и цивилизационный (**А. Тойнби**). Основных формаций пять: первобытно-коммунистическая, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая (они основаны на классовых различиях). Основных типов цивилизаций шесть: китайский, индийский, буддистский, западнохристианский, восточнохристианский, мусульманский (они основаны преимущественно на религиозных различиях). Формационный подход линеен и монологичен, цивилизационный подход цикличен и плюралистичен (полифоничен).

СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТОЛОГИИ

В политологии, как и в любой науке, выделяют два уровня исследований — **эмпирический** и **теоретический**.

На эмпирическом уровне происходит сбор социальных фактов, их обработка и эмпирическое обобщение. Теоретический уровень — это уровень создания гипотез и теорий на основе эмпирических исследований.

Из теории дедуктивным путем выводятся эмпирически проверяемые следствия, и исследование вновь спускается на эмпирический уровень в целях проверки теоретических концепций. Таким образом, в структуре политологических исследований теоретическое и эмпири-

ческое представляют собой две подсистемы единого целого и отвечают тем самым критерию научности.

Эмпирический уровень преимущественно аналитичен, поскольку из объекта исследований вычленяется посредством абстрагирования предмет исследования и затем происходит изучение его частей. На теоретическом уровне начинает преобладать синтез. Он сначала выступает в роли гипотезы, обобщающей отдельные результаты исследования во всеобщем утверждении, а затем в виде теоретического конструкта. Аналитическое и синтетическое в политологическом исследовании, так же как эмпирическое и теоретическое, находятся в неразрывном единстве, поскольку без предшествующего анализа нет последующего синтеза. В этом политологическое исследование не отличается от любого научного исследования. Другое дело, что соотношение анализа и синтеза может меняться в зависимости от целей: в одном исследовании может преобладать анализ, в другом — синтез.

Соответственно различают **эмпирическую** и **теоретическую политологию** как два относительно обособленных друг от друга типа исследований. В эмпирических исследованиях основное внимание уделяют сбору социальных фактов и их обобщению. Эмпирические исследования в свою очередь делятся на **полевые** и **лабораторные**. В теоретических исследованиях внимание обращается прежде всего на создание теории, описывающей социальные явления, т.е. на исследование преимущественно теоретическое.

Выделяют также **фундаментальную** и **прикладную политологию**. Всякое исследование в основе своей имеет какую-либо проблему, требующую решения. Последняя может сформироваться в рамках самой науки, а может быть задана извне. Задачей фундаментальных исследований является решение проблем, стоящих перед политологией как наукой. Прикладные исследования нацелены на изучение имеющих непосредственное практическое значение проблем, которые не являются собственно предметом политологии как таковой. Сюда же относятся и проблемы политической инженерии — практического внедрения политических знаний с целью конструирования новых систем и модификации имеющихся.

Политика — это реализация альтернатив управления государством. А в задачу политологии входит поиск таких альтернатив. Политология не подменяет конкретных политических решений, но на ее основе могут быть разработаны варианты политических рецептов и сделан прогноз последствий их применения.

Между фундаментальной и прикладной политологией нет непроходимой пропасти. Фундаментальное исследование при необходимости

можно продолжить как прикладное (самое практичное решение дает, как известно, теория). В то же время из хорошего прикладного исследования не всегда можно сделать фундаментальные выводы.

Что касается функций политологии, то основные из них такие же, как и в любой науке. Это прежде всего **познавательная** функция, в соответствии с которой политология познает политическую реальность. Она обеспечивает прирост нового знания и раскрывает закономерности политической жизни. **Прогностическая** функция, в соответствии с которой политология дает прогноз развития политической ситуации, перспектив и тенденций политической жизни, вариантов будущего. **Преобразовательная** функция, в соответствии с которой политология практически влияет на изменение политической ситуации в мире. **Методологическая** функция служит разработке новых методов исследования, **методическая** — разработке отдельных новых методик. Выделяют **мировоззренческую** функцию, посредством которой политология вносит вклад в формирование мировоззрения человека. Можно говорить о **гуманистической** функции политологии. Еще Платон сравнивал политика с врачом и призывал к тому, чтобы политики-врачеватели «действовали на благо наших тел, превращали их из слабых в более крепкие и тем самым всегда спасали врачуемых» (*Платон. Политик. 293 в.*). «До сих пор политологическая традиция выделяла две позиции: позицию защиты системы как гарантию порядка, с одной стороны, и позицию защиты субъекта как гарантию свободы, с другой. Первую в наше время представляет системно-функциональный анализ, вторую — различные формы персонализма, экзистенциализма, феноменологии, „акционизма“» (*Панарин А.С. Цит. соч. С. 136*).

ПОНЯТИЕ ЗАКОНА В ПОЛИТОЛОГИИ

Понятие закона в современной науке трактуется гораздо шире, чем в XIX в., когда наличие закона предполагало жесткую и однозначную причинную связь между явлениями (так называемый *детерминизм*). Развитие квантовой механики в начале XX в. показало, что законы природы могут быть результатом действия объективной неопределенности, когда одна причина может повлечь за собой несколько различных следствий, а одно и то же следствие может быть вызвано разными причинами (так называемый *неоднозначный детерминизм*, первоначально названный *индетерминизмом*). Такие законы, или закономерности, получили название вероятностных, или статистических.

В общественных науках в свою очередь сформировалось представление о закономерности как тенденции, когда сохранение действующих причин при отсутствии вновь появляющихся приводит к законообразному поведению социальных систем. Большинство утверждений, претендующих в общественных науках на статус закона, относятся к этой категории, поскольку вновь возникающие феномены могут оказать существенное влияние на функционирование общества.

Само наличие определенных тенденций может оказывать влияние на их замену другими тенденциями («Знание законов биржи разрушает эти законы», — говорил основатель кибернетики **Н. Винер**). Социальное познание может давать саморазрушающийся результат. Развитие современного естествознания (в частности, синергетики) подтверждает, что и в природе закономерности данного типа распространены гораздо шире, чем представлялось раньше, а сфера действия так называемых вечных законов природы свелась к минимуму.

Наконец, с появлением кибернетики в середине XX в. стали говорить о наличии закона четвертого типа: закона как ограничения разнообразия, который всего-навсего запрещает определенные процессы, но не регулирует их протекание (например, закон палеонтологии о необратимости эволюции).

Лекция 3

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ДЖ. ЛОККА

Государство, по Т. Гоббсу, защищает людей друг от друга. Но что защищает человека от государства? На этот вопрос ответил **Дж. Локк** (1632–1704). Каждый человек в отдельности защититься не сможет. Необходима общественная структура. Ее он назвал гражданским обществом.

Под **гражданским обществом в широком смысле** можно понимать совокупность всех людей, являющихся подданными государства, но не входящих во властную элиту, принимающую политические решения или борющуюся за власть. В этом смысле гражданское общество существует в любом государстве. В **узком смысле под гражданским обществом** понимают **совокупность общественных объединений, не входящих в политическую систему**. По наличию или отсутствию таких объединений можно делать вывод о наличии гражданского общества в конкретном социуме.

Дж. Локк пытается вырваться из порочного круга — либо беды анархии, либо беды диктатуры. «Он отражает характерное для буржуазного (мещанского) сословия подозрительное отношение к политике как сфере опасных стихий и страстей, которые необходимо сузить и заковать в границы» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 32). Дж. Локк за ограничение вмешательства политики в межчеловеческие отношения и в этом смысле является предтечей современного либерализма.

Локк занимал промежуточную позицию между **Т. Гоббсом** и **Ж.-Ж. Руссо** по поводу моральной характеристики «естественного

состояния». «И если Гоббс полагал, что государство должно быть Левиафаном — благожелательным диктатором, которому граждане должны уступить всю свою власть, то Локк поддерживал идею ограниченного правительства» (Алмонд Г. и др. Цит. соч. С. 22).

Эта концепция получила название «государства ночного сторожа». Такое обеспечивает порядок, когда необходимо, и защищает граждан в то время, когда они могут подвергнуться нападению, но не препятствует им в их хозяйственной и бытовой деятельности, когда та протекает в рамках закона, т.е. вмешивается в естественные взаимоотношения людей в минимально необходимой степени (государство-минимум).

«Для правильного понимания политической власти и определения источника ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это — *состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли. Это также *состояние равенства*, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, — никто не имеет больше другого» (Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 1. С. 359). Дж. Локк подходит здесь к формуле Великой французской революции — свобода, равенство, братство. Но его основная посылка — естественное состояние человека — является абстрактной, так как в таком состоянии человек никогда не находился. Цель введения такой абстракции — снять некоторые ограничения феодального общества, без которых можно обойтись в обществе буржуазном. За естественное принимались социальное мироощущение и статус определенного сословия — буржуазии, в среде которой сделки могут иметь характер взаимовыгодного, рационального обмена, предпосылками чего являются равенство общественно-правового статуса сторон и их взаимная независимость.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАРОДНОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ И ОБЩЕЙ ВОЛЕ Ж.-Ж. РУССО

Французский мыслитель Ж.-Ж. Руссо (1712—1778) жил в эпоху Просвещения, когда изменилось общее представление о человеке. Он развил принцип «общественного договора», но в оценке «естественного состояния», т.е. состояния без вмешательства государства, Ж.-Ж. Руссо был антиподом Т. Гоббса. Руссо считал, что человека

портит несправедливое общественное устройство, а по природе он добр и его поведение не сводится к удовлетворению эгоистических желаний, а включает в себя жажду свободы и осуществления «естественных прав», к каковым Руссо относил свободу слова, печати, собраний, митингов, демонстраций и объединений. Человек рождается свободным и должен оставаться таковым в течение всей жизни. Он отдает государству часть своих прав по собственной воле, но государство не должно отнимать у него естественные права, принадлежащие ему от рождения. Руссо шел от человека к государству, а не от государства к человеку, как Т. Гоббс. Стержнем политической концепции Ж.-Ж. Руссо является представление о народном суверенитете как об осуществлении общей воли. «По Общественному договору, — пишет Руссо, — человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть. Приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем обладает» (Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 428). Гражданское состояние и гражданская свобода — это, конечно, не совсем то, что имел в виду Гоббс, когда писал о взаимной безопасности подданных. «Все то, чем гражданин может служить Государству, он должен сделать тотчас же, как только суверен этого потребует, но суверен со своей стороны не может налагать на подданных узы, бесполезные для общины; он не может даже желать этого» (Там же. С. 428). «Обязательства, связывающие нас с Общественным организмом, — продолжает Руссо, — непреложны лишь потому, что они взаимны, и природа их такова, что, выполняя их, нельзя действовать на пользу другим, не действуя также на пользу себе» (Там же. С. 428—429). «Волю делает общей не столько число голосов, сколько общий интерес, объединяющий голосующих, ибо при такого рода устройении каждый по необходимости подчиняется условиям, которые он делает обязательными для других» (Там же. С. 429—430). Эта общая воля лежит в основе суверенитета, который «не соглашение высшего с низшим, но соглашение Целого с каждым из его членов» (Там же. С. 430).

Ж.-Ж. Руссо дает определение закона как акта общей воли, имеющего отвлеченный характер и относящегося ко всем гражданам и ни к одному в особенности.

В связи с этим ни государь не может быть выше закона, ибо он член государства, ни закон не может быть несправедливым, ибо никто не бывает несправедливым по отношению к самому себе.

Сам Ж.-Ж. Руссо видит сложности, возникающие при осуществлении общей воли. «Частные лица видят благо, которое отвергают; народ хочет блага, но не ведает, в чем оно. Все в равной мере нуждаются в по-

водырях. Надо обязать первых согласовывать свою волю с их разумом; надо научить второй знать то, чего он хочет... Вот что порождает нужду в Законодателе» (Там же. С. 433).

В политическом организме Ж.-Ж. Руссо различает силу и волю — исполнительную и законодательную власть. Последняя должна принадлежать народу. Результат правления настолько зависит от возможных комбинаций в абсолютных и относительных положениях народов, что невозможно ответить на вопрос, какая форма правления наилучшая. Но есть верные признаки, по которым можно определить — хорошее правление или нет. Это численность населения и ее рост. «При прочих равных условиях такое Правление, когда без сторонних средств, без предоставления права гражданства, без колоний граждане плодятся и множатся, есть, несомненно, лучшее. Правление, при котором народ уменьшается в числе и оскудевает, есть худшее» (Там же. С. 438—439).

Ж.-Ж. Руссо не списывал свои представления о народном суверенитете и общей воле с действительности, он мечтал в абсолютистском государстве. После Великой французской революции можно было заявить о воплощении этих идей. Но действительность редко осуществляет идеи в первоизданном виде. Отсюда дискуссия о том, воплотилось ли в жизнь после крушения монархии и утверждения республики то, о чем мечтал Руссо. Французская конституция, принятая после Великой французской революции, сделала шаги в направлении народного суверенитета: право объявлять войну и заключать мир было передано нации; ни один член Национального собрания Франции не должен был состоять на государственной службе, быть чиновником и т.п. Достаточно ли этого, чтобы утверждать о наличии народного суверенитета, особенно если учесть скорый приход к власти Наполеона? Если и есть нечто, что можно назвать квазиобщей волей народа, то концепция народного суверенитета гораздо более проблематична. Возникает, казалось бы, простой вопрос: в интересах кого или чего должны приниматься политические решения — в интересах большинства, меньшинства, страны, высших идеальных целей и т.д.?

ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Ш. МОНТЕСКЬЕ

Французский мыслитель эпохи Просвещения **Ш. Монтескье** (1689—1755), известный как один из основоположников географической школы в социологии, сформулировал практические рекомендации, которые помешали бы государству узурпировать неотъемлемые права личности.

Для предотвращения вырождения демократии в тиранию Монтескье предложил принцип разделения властей. «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» (*Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. С. 121*).

Значение принципа разделения властей Ш. Монтескье, как показывает современная политическая ситуация, до сих пор многими не понято. Обоснование Монтескье таково: если законы будет устанавливать исполнительная власть, то она будет учреждать законы, которые выгодны ей самой, короче говоря, превратится в деспотическую власть. Чтобы этого не случилось, необходимо, чтобы законы устанавливались иной ветвью власти, принимающей их, но не следящей за их исполнением. Точно так же обосновывается независимость судебной власти, наказывающей за нарушение законов. Если это поручить исполнительной власти, то она сможет не следовать законам и использовать механизм наказания в отношении той части общества, преследовать которую ей выгодно исходя из собственных интересов. Чтобы этого не произошло, необходима независимость третьей ветви власти — судебной. «Если власти законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы также тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной... Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении... были соединены эти три власти» (*Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 290*).

Вопреки Т. Гоббсу, который считал, что разобщенные ветви уничтожат друг друга, Ш. Монтескье полагал, что они вполне могут сосуществовать, взаимно друг друга сдерживая. Итак, одна ветвь власти, законодательная, принимает законы, не исполняя их и не осуждая за их невыполнение, вторая исполняет их, не принимая и не осуждая, а третья наказывает за нарушение законов, не принимая их.

Ш. Монтескье сформулировал одно из основополагающих положений политической теории. В современной политологии положительная роль принципа разделения властей связывается с образованием сдержек и противовесов. Стремление к взаимному контролю исполнительной и законодательной власти и к слежению за ними обоими со стороны судебной власти есть, говоря языком кибернетики, действие механизма обратной связи и гомеостаза.

Ш. Монтескье заложил основы конституционализма. Он стремился создать защитные технологии, охраняющие людей от опасности анархии и тирании. Власть должна быть сильной, но контролируемой. Не только граждане, но и государство в целом, по Ш. Монтескье, должно подчиняться закону. Независимый верховный суд обязан контролировать и законодательную, и исполнительную власть. Суверенитет большинства должен быть ограничен законом. Равенством перед законом уравниваются права личности и права общества: общество не вправе издавать законы, затрагивающие неотчуждаемые права человека.

Ш. Монтескье соотносил политические режимы с этико-культурными принципами, пронизывающими практическое повседневное поведение. В деспотиях это страх, в аристократиях — честь, в республиках — добродетель. По Ш. Монтескье, особенностью традиционных обществ является героизм, особенностью демократических — терпимость (или, как сейчас чаще говорят, толерантность).

Монтескье сформулировал зависимость формы правления от величины территории государства. Разделяя все государства на республиканские, монархические и деспотические, Ш. Монтескье считал, что республика по своей природе требует небольшой территории, иначе возникают трудности с управлением. Монархическое государство должно быть средней величины. Если бы оно было мало, то сформировалось бы как республика, а если бы оно было слишком обширно, то находящиеся вдалеке от монарха правители областей, защищенные от быстрых карательных мер законами и обычаями, могли бы перестать ему повиноваться. Обширные размеры империи — предпосылка для деспотического правления. Эти выводы Монтескье сделал из известной ему исторической реальности: республика была в греческих городах-полисах, монархии — в современных ему европейских странах, а деспотическими он считал Персию, Китай, Индию, Японию. Конституционалист Ш. Монтескье считал, что в монархии все подчиняется законам. «В монархии законы охраняют государственное устройство или приспособляются к нему, так что тут принцип правления сдерживает государя; в республике же гражданин, завладевший чрезвычайной властью, имеет гораздо больше возможностей злоупотреблять ею, так как тут он не встречает противодействия со стороны законов, не предусматривающих этого обстоятельства» (*Монтескье Ш. Избранные произведения. С. 290*).

Ш. Монтескье связал возможность демократического строя с небольшими территориями, обеспечивающими большинству участие в управлении (тип античного полиса). Основатели американского государства критиковали эту позицию, так как не хотели следовать логике признания монархии наилучшим способом управления большими

территориями. Они полагали, что в государстве, обладающем обширной территорией, возможно осуществить политическую волю населения через его представителей (представительная демократия).

Еще один вывод Ш. Монтескье: республика ведет к равенству людей. «Республика — это строй, при котором люди живут благодаря коллективу и ради коллектива, при котором они чувствуют себя гражданами, что предполагает, что они чувствуют себя и являются равными по отношению друг к другу» (Арон Р. Цит. соч. С. 42).

Важной для Монтескье является идея равновесия социальных сил в качестве условия политической свободы. В качестве примера он приводит взаимоотношения патрициев и плебеев в Древнем Риме. Какие силы мешают нормальному развитию общества? Эгоизм собственников, ригоризм экстремистов, воля к власти деспотов — три наиболее значительные, по Ш. Монтескье, помехи.

Ш. Монтескье использует понятие «общий дух народа», который он рассматривает как результат взаимодействия многих вещей, управляющих людьми: климата, религии, законов, принципов правления, традиций, нравов, обычаев. Дух нации, таким образом, детерминируется совокупностью физических, социальных и моральных причин.

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА Т. ПЕЙНА

Родившийся в Англии и эмигрировавший в Америку, **Т. Пейн** (1737—1809) во главу угла поставил проблему обеспечения прав человека. Человек может быть несчастен при любом общественном строе, будь то монархический или конституционный. Разобраться в том, почему так происходит, легче при монархическом строе. «Абсолютные монархии (хотя они и являются позором для человеческой природы) имеют то преимущество, что они просты. Если люди страдают, они знают, кто источник их страданий, знают и лекарство и не теряются в разнообразии причин и целебных средств. Но конституция Англии настолько сложна, что нация может страдать годами, не будучи в состоянии раскрыть источник своих бед» (Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 488).

Пейну принадлежит разделение понятий «общество» и «правительство» (можно было бы сказать «гражданское общество» и «государство», а **К.С. Аксаков** разделял «страну» и «государство»). «Общество, — писал Пейн, — создается нашими потребностями, а правительство — нашими пороками; первое способствует нашему счастью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же — отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает рознь. Первое — это защитник, второе — каратель. Общество в любом своем состоянии есть

благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае — зло нестерпимое» (Там же. С. 487). Назначение и цель правительства, по Т. Пейну, — обеспечение свободы и безопасности граждан. «Человек вступил в общество не затем, чтобы стать хуже, чем он был до этого, или иметь меньше прав, чем прежде, а затем, чтобы лучше обеспечить эти права. В основе всех его [человека] гражданских прав лежат права естественные... Естественные права суть те, которые принадлежат человеку по праву его существования. Сюда относятся все интеллектуальные права, или права духа, а равно и право личности добиваться своего благоденствия и счастья, поскольку это не ущемляет естественных прав других. Гражданские права суть те, что принадлежат человеку как члену общества» (Там же. С. 491). Вопреки Т. Гоббсу Т. Пейн считает, что человек в государстве не отказывается от своих прав, а отказывается от осуществления одних желаний, чтобы были обеспечены другие. Прежде всего сюда относятся безопасность и защита, интеллектуальные (в том числе свобода совести) и юридические права.

Из данных посылок Пейн делает три вывода: 1) гражданские права получаются в обмен на естественные права; 2) гражданская власть представляется соединением естественных прав, которые личность не в силах осуществить самостоятельно и которые тем самым бесполезны для нее, но, будучи собраны воедино, становятся полезны всем. Это напоминает строчки **В. Маяковского**: плохо человеку, когда он один, плохо одному, один не воин... Но если в партию сгрудились малые... (по Т. Пейну, в государстве); 3) власть, полученную от соединения естественных прав, не могущих быть осуществленными отдельной личностью, нельзя использовать для посягательства на естественные права, сохраняемые личностью. Как подчеркивал в этой связи французский социальный мыслитель Б. Констан, «есть вещи, в отношении которых законодатель не имеет права законодательствовать... и есть волеизъявления, идти на которые ни народ, ни его доверенные лица не вправе».

Т. Пейн выделяет три источника возникновения государства: суеверие, силу и общие интересы общества и общие права человека. В первом случае имеет место господство духовенства, во втором — господство завоевателей, в третьем — разума.

Т. Пейн также склонен идеализировать человека. Аналогично **П.А. Кропоткину** он считал, что «люди лучше учреждений». Можно сказать, что хорошему человеку государство мешает, а плохого наказывает (в лучшем случае), и надо, чтобы второе осуществлялось, а первое нет, что столь же невозможно, как и ситуация, когда люди не совершают плохих

поступков. Чем хуже люди, тем более необходимо государство («ведь если бы веления совести были ясны, определенны и беспрекословно исполнялись, то человек не нуждался бы ни в каком ином законодателе». — Там же. С. 487), но тем и хуже оно будет, потому что каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает. Здесь порочный круг, из которого человечество не смогло выбраться. Он оправдывает возникновение анархизма и делает невозможным его воплощение в жизнь.

Т. Пейн поддерживал концепцию «общественного договора» и писал, что «имеются все основания предположить, что сами индивиды, каждый в соответствии со своим личным и суверенным правом, вступили в договор друг с другом для образования правительства; и это единственный способ, каким имеет право создаваться правительство, и единственная основа, на которой оно вправе существовать» (Там же. С. 493). Современные антропологические исследования не подтверждают гипотезу образования государства подобным образом.

Критикуя английское государство, Т. Пейн назвал его «рынком, где у каждого человека своя цена и где порок служит предметом купли-продажи за счет обманутого народа» (Там же. С. 496). Пройдет сто с небольшим лет, и в новой концепции демократии **Й. Шумпетера** образ политического рынка будет использован в положительном смысле.

Т. Пейн считал, что у Америки «есть чистый лист бумаги, чтобы писать на нем» законодательство. Он имел в виду, что в США нет сложившихся социальных структур, но есть жители-переселенцы, жаждущие создания новых, прогрессивных порядков, поэтому «в США социальный и политический строй был спланирован в необычайной степени сознательно» (*Хомский Н.* Прибыль на людях. М., 2002. С. 70). Платой «за чистый лист» (термин Дж. Локка) было уничтожение индейцев.

КЛАССИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОКРАТИИ А. ТОКВИЛЯ

Все политические учения по XVIII в. включительно умозрительны в том смысле, что они не основывались на специальных эмпирических исследованиях, без которых немислима современная наука. Только в XIX в. появляются концепции, которые достаточное внимание уделяют исследованию эмпирического материала и тем самым закладывают основы политологии.

Французского ученого **А. Токвиля** (1805—1859) называют «отцом» политологии и не только потому, что он говорил о необходимости создания «новой политической науки для нового мира», но и потому, что подобно М. Веберу и **Э. Дюркгейму** в социологии он был ученым, кото-

рый занимался политическими проблемами и на эмпирическом уровне, а не был, как его предшественники Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтескье, прежде всего философом, изучающим и социально-политическую сферу.

Интересно то, что политология началась с изучения демократической системы правления, как сама политика — с создания демократического государственного устройства. Правда, демократическая система, которую изучал А. Токвиль на примере США, была далеко не такой, которая возникла в Древней Греции, но совпадение не случайно.

Наука исследует большие объемы материала, а в демократической политической системе как раз действуют широкие массы населения, объединенные в соответствующие социальные институты.

А. Токвиль понимал под демократией отсутствие сословных различий, гражданское (политическое) равенство. Токвиль полагал, что цель демократии как власти большинства — благосостояние населения. Мир идет к обеспечению равенства условий существования для всех. Его политическая форма — демократия, которая основывается на равенстве условий. Результатом является свобода, составляющие которой: 1) отсутствие произвола (законность); 2) федеративность (учет интересов отдельных частей государства); 3) наличие общественных объединений (гражданского общества); 4) независимость прессы; 5) свобода совести.

Причинами становления демократии в Америке А. Токвиль считал осуществление принципа разделения властей, широкое местное самоуправление и децентрализацию, суд присяжных и контроль за чиновниками со стороны суда, свободу совести и препятствующее вырождению демократии религиозное чувство, обеспечивающую порядок в государстве и предотвращение ущемления гражданских прав конституцию, а также характер колонистов — людей предприимчивых, средних по своим способностям, с авантюрной жилкой и жаждой свободы, склонных к религиозной независимости и чистоте (пуритане), и трудность условий жизни, что способствовало равенству и взаимопомощи.

Залогом свободы, по А. Токвилю, «является свобода выбора, а на правительство надо смотреть лишь как на сдерживающую силу, к помощи которой надо прибегать в крайних случаях, когда частная инициатива бессильна... Государственная власть — опасная вещь, и чем меньше у нее законных полномочий, тем меньше угроза тирании» (Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1994. С. 10). Возникновению тирании препятствуют «воспитание, практический опыт, действующий в рамках закона консерватизм, религия, гражданственность народа, проникнутого индивидуализмом, свобода ассоциаций, уважение к закону, богатые воз-

возможности, открывающиеся перед всеми классами» (Там же. С. 14). Гарантией хорошей работы чиновника служат административная иерархия, выборность и контроль со стороны суда, особенно последнее.

А. Токвиль пытается разобраться в том, что может быть источником общей воли граждан.

«В мире не существует ничего иного, кроме патриотизма или религии, что могло бы заставить самых различных граждан в течение долгого времени сообща стремиться к общей цели» (Там же. С. 88). Об этом же писал ранее Д. Юм: «Человек, который восприимчив только к дружбе и в котором отсутствует патриотизм или уважение к обществу, лишен самой существенной стороны добродетели» (Юм Д. Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1966. С. 584). Отсюда вывод: чтобы разрушить государство, надо прежде всего лишить его граждан патриотических и религиозных чувств.

Токвиль находит много недостатков в демократической системе, но считает, что она лучшая из существующих. Об этом свидетельствуют следующие высказывания. «Партии — это зло, свойственное демократическому правлению» (Там же. С. 144). «Единственное средство нейтрализовать влияние газет — это увеличить их количество» (Там же. С. 152). «Те, кто рассматривает всеобщее избирательное право как гарантию хорошего выбора, сильно заблуждаются» (Там же. С. 162). «В глазах демократии правительство — это не благо, это — неизбежное зло» (Там же. С. 165). Американцы «подчиняются законам, как осознанно необходимому злу, но также и как временному злу» (Там же. С. 190). «Я не знаю ни одной страны, где в целом свобода духа и свобода слова были бы так ограничены, как в Америке» (Там же. С. 199). Так, свобода, которую дает демократия, оборачивается своей диалектической противоположностью.

В то же время А. Токвиль предвидел опасные тенденции централизации власти в демократических странах, что и осуществилось в XX в.: «Любая власть естественным образом стремится к расширению сферы своего влияния. И в конечном итоге она этого добивается, неустанно и целенаправленно воздействуя на людей, чьи мысли, желания и общественное положение каждодневно меняются». Токвиль делает вывод, который мог бы претендовать на закон: «Чем старше демократическое общество, тем более централизовано в нем управление» (Там же. С. 484). Современные американские политологи склонны согласиться, что данный закон действует в США.

Лекция 4

КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТОЛОГИИ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О. КОНТА

О. Конт называют «отцом» социологии. Основной причиной социальных изменений Конт считал прогресс человеческого разума. Это можно назвать тенденцией рационализации. В прогрессе разума О. Конт видел единый замысел истории. Социальные изменения он прослеживает в трех направлениях: **разум** движется от фетишизма к позитивизму, т.е. от синтеза, основанного на принципе субъективности, до открытия социальных законов; **деятельность** развивается от военной фазы к индустриальной, т.е. от борьбы людей между собой до борьбы их с природой; **чувства** развиваются от эгоизма к альтруизму.

О. Конт считал, что уходит в прошлое тип общества, которое он назвал **теологическим и военным**, и ему приходит на смену общество **научное и индустриальное**. Ученые заменяют жрецов и теологов в качестве группы, образующей основу общества, а предприниматели заменяют военных. Победа нового типа общества неизбежна. Действительность XIX—XX вв. показала, что О. Конт во многом выдавал желаемое за действительное. Войны не сходят с исторической арены и после создания индустриального общества. Индустриальное общество точнее соотносить с доиндустриальным (аграрным, традиционным) обществом. Соответствующая модификация учения Конта привела в дальнейшем к созданию теории индустриального и постиндустриального общества.

О. Конт полагал, что в процессе роста общественного разделения труда общественные функции все более и более дифференцируются, а сами общества унифицируются, т.е. становятся все более похожими друг на друга. Этот процесс имеет место в современном мире, хотя протекает он не столь быстро, как прогнозировал О. Конт.

Главным условием общественного прогресса, по О. Конту, является не преодоление классовых противоречий и социального неравенства и не установление демократического политического строя, а научная организация труда, преобразование всего общества на разумных, научных (позитивных) основах. Здесь Конт выступает как основатель позитивизма, безгранично верящий в силу науки.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

К. МАРКСА

Социально-политическое учение немецкого философа и политолога **К. Маркса** (1818—1883) оказало, пожалуй, наибольшее влияние на развитие современного общества, и это не в последнюю очередь связано с его активным революционным характером и простотой выводов. В марксистском учении большую роль играет диалектика, взятая К. Марксом у **Гегеля** и материалистически переработанная. Как в диалектической системе Гегеля развитие есть результат действия закона единства и борьбы противоположностей, так и в историческом материализме двумя противоположностями выступают два антагонистических класса.

Исходной точкой социального развития служит бесклассовое общество, названное Марксом первобытным коммунизмом. Затем в результате развития производительных сил создаются излишки продукции сверх необходимого прожиточного минимума и формируется классовое общество, дальнейшее развитие которого определяется классовой борьбой.

К. Маркс и **Ф. Энгельс** называют классовую борьбу движущей силой социальных изменений в «Манифесте Коммунистической партии». «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством

всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 4. С. 424).

На первой стадии классового общества — **рабовладельческой** общественно-экономической формации — противостоят друг другу рабовладельцы и рабы. Власть рабовладельцев над рабами беспредельна. Они пользуются трудом рабов и могут безнаказанно лишить их жизни. В результате дальнейшего роста производительных сил и классовой борьбы из рабовладельческого общества посредством революции происходит становление **феодального** общества, также состоящего из двух антагонистических классов — землевладельцев и крестьян. И здесь происходит присвоение феодалами производимого крестьянами прибавочного продукта (т.е. излишков сверхпрожиточного минимума). Но власть землевладельца над крестьянином не распространяется дальше крепостной зависимости, по которой крестьянин прикреплен к данной территории и не может перейти в другое место. Над жизнью крестьянина феодал не властен. На следующем этапе общественного прогресса в процессе обострения классовой борьбы революционным путем происходит переход к следующей общественно-экономической формации — **капиталистической**. Два новых антагонистических класса — буржуазия и пролетариат. Наемный рабочий формально свободен, но так как у него отсутствуют средства производства, он вынужден работать на капиталиста, который эксплуатирует его, отнимая производимую им прибавочную стоимость. Третья классовая формация — последняя классовая формация в истории.

В изменениях посредством классовой борьбы есть опосредующее звено. «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть и всей совокупности общественных отношений» (Там же. С. 427). В дополнение к противоречию между угнетателями и угнетенными развивается противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Последние более консервативны и отстают от более динамичных производительных сил. В результате обостряется противоречие между ростом богатства у немногих и нищетой большинства. Это приводит к социальному кризису, выходом из которого становится революция.

Производство при капитализме приобретает общественный характер, и обостряющееся противоречие между общественным характером производства и частнособственническим способом его присвоения разрешается в социалистической революции и становлении **коммунистической** общественно-экономической формации, что является в соответствии с третьим законом диалектики — *законом отрицания отрицания* — воз-

вращением на новом, более высоком уровне к начальной формации — первобытному коммунизму.

Пролетарская революция, знаменующая переход к коммунистическому обществу, будет, по Марксу, принципиально отличаться от всех предыдущих. «Все революции прошлого совершались меньшинством ради меньшинства. Пролетарскую революцию совершит громадное большинство в пользу всех. Пролетарская революция будет означать, таким образом, конец классам и антагонистическому характеру капиталистического общества» (Арон Р. Цит. соч. С. 155).

В марксизме имеется представление о том, «что на каждом этапе исторического развития общества появляется свой передовой класс — гегемон, специфические интересы которого на данном этапе в целом совпадают с общими интересами, а его классовая воля воплощает историческую волю-логику всемирно-исторического развития» (Панарин А. С. Цит. соч. С. 25). Отсюда следует право этого класса на революционную диктатуру и уничтожение других классов, что и было осуществлено **В.И. Лениным** на основе принципа власти, «опирающейся не на закон, а прямо и непосредственно на насилие» (В.И. Ленин).

Влияние концепции К. Маркса было огромным, и возражений против нее было множество. В частности, указывалось, что если капиталистические революции имели место, то рабовладельческих и феодальных не было, и обобщения Маркса на всю историю неправомерны. У К. Маркса Запад — это прежде всего буржуазное общество, а не индустриальное, как у О. Конта. Но рациональные моменты все сильнее вторгаются в капиталистическую экономику, искажая выводы К. Маркса. Говоря о западных странах в целом, можно сказать, что они смогли (пока) без революций сохранить свою стабильность, не поддавшись обаянию марксистского детерминизма. В то же время революции под марксистскими лозунгами происходили в других регионах земного шара, где К. Маркс их и не предполагал.

Марксистская концепция была, пожалуй, самой известной в истории социальной мысли XIX—XX вв. После распада СССР влияние ее продолжает сохраняться на значительной части территории земного шара — в Китае и других странах. По Марксу, в основе политических революций лежит конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Если выйти за рамки экономики и перейти в политическую сферу, то можно переинтерпретировать это как конфликт между новыми требованиями масс и политическими решениями элиты.

КОНЦЕПЦИЯ ЭЛИТ В. ПАРЕТО И Г. МОСКИ

Две основные части главного социологического труда итальянского социолога и экономиста **В. Парето** (1848–1923) «Трактат по общей социологии» составляют концепция «остатков» и «производных» и концепция циркуляции элит и циклов взаимозависимости.

В первой части В. Парето констатирует (в согласии с Марксом, Ницше и Фроммом) несоответствие побудительных причин и значений поступков и мыслей людей с теми, которые признаются самими индивидами. В. Парето подчеркивает значение чувств людей по сравнению с их взглядами, называя первые **«остатками»**, а вторые — **«производными»**. Точнее, «остатки» — это посредники между чувствами, которые как таковые мы не можем исследовать непосредственно, и проявлениями чувств, или поступками; то, что остается, если отбросить все возможные объяснения поступка, которые (объяснения) и будут «производными». «Остатки» относятся к инстинктам человека, порождающим рассудочную деятельность. За пределами остатков находятся желания, вкусы, склонности, которые не нуждаются в рассудочном оправдании. По определению Парето, «остатки» суть общие корни большинства видов поведения или экспрессивности. Все «остатки» Парето делит на шесть классов. Первый, называемый **«инстинктом комбинаций»**, представляет собой «склонность к установлению связей между идеями и вещами, к извлечению следствий из провозглашаемого принципа, к правильному или неправильному рассуждению» (Арон Р. Этапы развития социологической мысли. С. 425). Другими словами, «инстинкт комбинаций» лежит в основе умственной деятельности. Пример общества, в котором доминируют «остатки» первого класса, — Афины V в. до н.э.

Второй класс «остатков» противоположен первому. Он называется **«незыблемость агрегатов»** и заключается в склонности людей к поддержанию сформировавшихся комбинаций, к отказу от изменений и к согласию с императивами. Насильственные изменения, навязываемые революцией, наталкиваются на сопротивление остатков второго класса. У разных народов разные соотношения «остатков» первого и второго класса. Например, известно, что русский народ очень терпелив. Долготерпение как свойство характера связано с консерватизмом как свойством менталитета. Это приводит к накоплению напряжения, которое в конце концов прорывается, приводя к «бунту бессмысленному и беспощадному» (А.С. Пушкин).

Классифицируя «остатки», Парето отмечает важную роль именно двух первых классов. «Инстинкт комбинаций» — это начало интеллекту-

ального поиска и развития эгоизма, т.е. он одновременно основа высших цивилизаций и причина их падения. Незыблемость агрегатов становится эквивалентом системы религиозных, национальных, патриотических чувств, которые поддерживают общества» (Там же. С. 475).

«Производные» Парето делит на четыре класса: 1) простые повеления; 2) авторитет отца; 3) авторитет влиятельного человека и 4) вербальные доказательства. Они имеют разную силу. Одно из самых эффективных средств убеждения, по В. Парето, — многократное повторение одного и того же. Это часто используют политики и рекламодатели.

Вводя понятия «остатки» и «производные», В. Парето обнаруживает промежуточное звено между чувствами людей, их психикой и их социальным поведением. Таким образом, Парето уходит от психологизма и в то же время учитывает влияние психологии. В целом классификация «остатков» и «производных» помогает лучше понять социальную природу человека, в возможности преобразования которой Парето сильно сомневается.

В. Парето установил закон распределения доходов, в соответствии с которым одна и та же формула распределения доходов применима ко всем странам вне зависимости от формы правления и экономических условий. Отсюда вывод: «Неравенство распределения доходов, очевидно, зависит гораздо больше от самой природы человека, чем от экономической организации общества». Благополучие бедных классов может улучшить скорее рост производства, чем уравнивающее распределение. Парето приходит к выводу, напоминающему рекомендации сторонников демографической школы: «Наиболее верное средство улучшения положения бедных классов — сделать так, чтобы богатство росло быстрее населения».

Главное социальное различие Парето видит не между классами, а между массой и элитой, как имеет место в макиавеллевской традиции. Элитой он называет совокупность людей, которые добились наибольшего в их сфере деятельности. Элита делится на две части: «Тех, кто прямо или косвенно играет заметную роль в управлении обществом и составляет правящую элиту; остальные образуют неуправляющую элиту» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 61).

Правящая элита управляет большинством населения с помощью двух типов средств: силы и хитрости, которая позволяет постоянно вводить массы в заблуждение. Для обозначения двух соперничающих элит Парето использовал макиавеллевские образы «львов» и «лисиц»,

поскольку правящий класс имеет два рычага удержания власти — силу и хитрость. Соответственно, политические элиты подразделяются на два семейства — «львов», отдающих предпочтение насилию, и «лисы», отличающихся изворотливостью. По отношению к классам «остатков» можно сказать, что у «лисы» преобладают «остатки» первого класса, у «львов» — второго.

Четыре взаимосвязанных переменных определяют развитие общества: интересы, «остатки», «производные» и социальная гетерогенность, под которой В. Парето понимает соперничество элит и борьбу масс с элитой. Классовая борьба лишь форма борьбы за жизнь, а конфликт между трудом и капиталом — форма классовой борьбы. В Средние века главным конфликтом был конфликт религиозный, и можно было полагать, что с преодолением религиозных конфликтов наступит социальный мир. Но когда исчезли религиозные конфликты, их заменили социальные. Происходит то, что можно назвать «сдвигом конфликтов». Если представить, что разрешен конфликт между трудом и капиталом, то это будет означать, что преодолена одна форма классовой борьбы, ее заменят другие, например, возникнут конфликты между различными слоями трудящихся социалистического общества, между новаторами и консерваторами и т.п.

Правящий класс неоднороден. «Вследствие склонности к персонификации абстракций или приданию им значения объективной реальности многие представляют себе правящий класс в виде одной личности или, по крайней мере, конкретной организации с единой волей, осуществляемой с помощью логических средств и продуманных планов. В действительности правящие классы, как и другие общности, совершают и логичные, и нелогичные действия и в большей степени, чем сознательной волей, руководствуются установленным порядком, который иногда приводит их куда-либо вопреки их желанию» (Там же. С. 71).

Управлять обществом всегда будет меньшинство, элита, и, таким образом, результатом революций может быть только смена элиты. Элиты формируются, борются, достигают власти и приходят в упадок, чтобы смениться другими элитами. Парето назвал этот процесс **циркуляцией элит**.

Парето считал народное представительство фикцией и полагал, что «повсеместно имеется малочисленный правящий класс, удерживающий власть отчасти силой, отчасти с согласия класса управляемых, значительно более многочисленного» (Там же. С. 68). Помогает правящему классу держать в повиновении подданных то, что он «видит свои интересы лучше, чем класс управляемых, поскольку они у него в меньшей степени

завуалированы чувствами, тогда как класс управляемых видит их хуже, поскольку у него этот слой чувств более плотный. Поэтому правящий класс может ввести в заблуждение класс управляемых в целях достижения собственных интересов..., народ-суверен... верит в то, что он действует в соответствии со своей волей, а на самом деле выполняет волю своих управляющих» (Там же. С. 70, 71).

В циркуляции элит В. Парето видел основную движущую силу общественного развития. Что является движущей силой перемен? По Парето, внуки и правнуки тех, кто завоевал власть, с рождения пользовались привилегированным положением и приобрели «остатки» первого класса. Они становятся более умеренными, теряют склонность к насилию и становятся жертвами своей слабости. Всякая элита, не готовая сражаться за свое господствующее положение, уступает место другой элите, обладающей мужеством. К тому же в среде элиты не может быть длительного соответствия дарования индивидов занимаемым им социальным позициям. Последние определяются в большей мере преимуществами, которыми пользовались индивиды благодаря позициям их родителей.

«Революции, — по В. Парето, — происходят, поскольку с замедлением циркуляции элиты или по какой-либо другой причине в высших стратах общества накапливаются деградировавшие элементы, которые более не обладают „остатками“, необходимыми для удержания власти, которые избегают применения силы, в то время как в низших стратах возрастает число элементов высшего качества, обладающих „остатками“, необходимыми для выполнения функции управления, и склонных к использованию силы» (Там же. С. 67).

Как поддержать в этих условиях общественную стабильность? Есть два пути: привлекать в элиту способных представителей других классов и высылать потенциальных революционеров (для этого европейскими странами использовались колонии, в России крестьяне бежали, становясь казаками).

Равновесие общества определяется гармонией «остатков» первого и второго класса в элите. Но колебания в сторону скептицизма и разума или, наоборот, патриотической или религиозной веры неизбежны. История соткана из чередования этих двух периодов.

Современное ему западное общество В. Парето назвал плутократическим, имея в виду связь между правящей элитой и руководящими кадрами промышленности и финансов и феодализмом, в значительной мере экономическим, «где в качестве средства правления используется преимущественно искусство политических клиентел (зависимых в эконо-

мическом отношении людей. — А.Г.), в то время как военный феодализм Средневековья использовал главным образом силу вассалов» (Там же. С. 73). Он идентифицировал современное западное общество с элитой «лис», но предвидел возможность ее бюрократизации и замену элитой «львов», опирающихся на насилие.

Общество поддерживает свое единство в той мере, в какой индивиды соглашаются жертвовать собственными интересами во имя общего. Этим общим может быть государство, нация, религия. Но полного согласия индивидуальных и общественных интересов никогда не будет, а если бы это и было возможно, эволюция прекратилась бы. Нельзя логическими умозаключениями убедить индивидов жертвовать собой ради коллектива или даже подчиняться социальным нормам. Сами общества существуют потому, что поведение людей нелогично и ими движут страсти и чувства.

В. Парето оказал влияние на фашистскую идеологию, по крайней мере на ее становление в Италии. Фашисты утверждали, в согласии с Парето, что общества «всегда управляются меньшинством и что меньшинство в состоянии удержать свое господство только, если оно достойно взятых на себя функций. Они напоминали, что функции руководителей не всегда приятны и, значит, те, у кого чувствительное сердце, должны будут раз и навсегда отказаться от них или быть отстранены» (Арон Р. Этапы... С. 468).

Рассматривая соотношение интересов индивида и общества, В. Парето проводил различие между максимумом пользы для коллектива и максимумом пользы коллектива. Первое как наибольшее удовлетворение как можно большего числа индивидов — идеал гуманистов и социал-демократов. Дать по возможности каждому то, чего он желает, поднять уровень жизни всех — это, по В. Парето, буржуазный идеал плутократических элит. Второе как максимум пользы, силы и славы коллектива, рассматриваемого как отдельное лицо, может противоречить первому. Всякая легитимность, по Парето, произвольна, и поэтому высшей легитимностью становится практический успех.

Продолжил данное направление итальянский юрист и социолог **Г. Моска** (1858—1941). Он различал правящий и политический класс. В первый входит не только политическая, но экономическая и военная элита; второй включает не только властвующую группу, но и оппозицию. С точки зрения Г. Моски, то, что древние греки называли демократией, на самом деле было аристократией для большого числа членов общества. Принципы демократии, монархии и аристократии, по Г. Моске, действуют одновременно во всяком политическом организме.

Обращаясь к сторонникам демократической концепции, Г. Моска отмечал, что «трудно доказывать как непреложный и очевидный факт, что меньшинство управляется большинством, а не наоборот... В действительности суверенная власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством неизбежна. Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства. В то же время меньшинство организовано именно потому, что оно меньшинство» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 121).

Правящий класс организуется и приобретает власть после неолитической революции, когда население делится на постепенно становящихся знатью воинов и закрепощаемых земледельцев. Такой процесс, по Г. Моске, происходил и на Западе, и в России.

Анализ эволюции правящего класса, проведенный Москвой, позволяет вспомнить классификацию Платона, в соответствии с которой демократия превращается в олигархию: богатство, по Моске, в процессе эволюции общества становится более доминирующей чертой, чем воинская доблесть. Соответственно «тип политической организации, который можно назвать феодальным государством, трансформируется в принципиально другой тип, который можно назвать бюрократическим государством... Как только осуществляется такая трансформация, богатство создает политическую власть, точно так же, как политическая власть создает богатство» (Там же. С. 125).

Г. Моска отвергает концепцию социал-дарвинизма, в соответствии с которой высшие классы олицетворяют верхний уровень социальной эволюции.

КОНЦЕПЦИЯ БЮРОКРАТИЗАЦИИ М. ВЕБЕРА И КОНЦЕПЦИЯ ОЛИГАРХИЗАЦИИ Р. МИХЕЛЬСА

Немецкому социологу и историку **М. Веберу** (1864—1920) принадлежат работы в самых разнообразных областях социологии и политологии. М. Вебер изучил изменения в области этики в период Реформации, а именно создание протестантской этики, и из нее вывел становление капитализма на Западе. Протестантская этика обязывала людей усердно трудиться и в то же время не тратить получаемые блага, а вкладывать их в производство, т.е. использовать как капитал. Капитализм, по крайней мере в период его становления, означал стремление не к наживе, а к рентабельному производству посредством его рационального регламентирования.

Этику протестантизма можно отнести к этике созидания, творчества, как называл ее **Н.А. Бердяев**, но она получила крен в сторону материального производства, и это привело к тому, что нынешние главные ценности цивилизации, деньги и власть, далеко ушли от ценностей протестантской этики — труда и бережливого расходования средств.

М. Вебер изучал также социальные предпосылки и следствия становления цивилизации, социальную структуру города, развитие государства и социальные последствия этого процесса, в частности роль и значение бюрократии и т.п. М. Вебер много сделал для проникновения идеи рационализации во все области социальной реальности, для обоснования рациональности капитализма и бюрократизации общества. Когда один из современных социологов **Г. Маркузе** говорит, что общество иррационально, он не критикует рациональность как таковую, а жалеет, что общество недостаточно рационально, чего не отрицал и М. Вебер. Основное противоречие современного общества Г. Маркузе формулирует так: «Всепроникающая рациональность, которая порождает рост производительности, оставаясь при этом иррациональной» (Американская социологическая мысль. С. 122).

Вебер исходил из классификации человеческого поведения на четыре типа: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное (эмоциональное) и традиционное.

Целерациональный, или рациональный по отношению к цели, поступок в основном соответствовал логическому поступку у В. Парето. Это действия инженера, проектирующего мост, бизнесмена, который стремится заработать деньги, воина, который хочет выиграть сражение. Во всех этих случаях целерациональное поведение определяется тем, что субъект ставит перед собой ясную цель и применяет соответствующие средства для ее достижения. Если субъект поступает рационально не для достижения какой-либо цели, а из верности своим убеждениям, то это ценностно-рациональный поступок. Разница между классификациями М. Вебера и В. Парето в том, что последний судит о логичности поступков, ссылаясь на знания другого лица, а по Веберу, рациональность поступка определяется самим субъектом.

Общая мысль М. Вебера такова: в «расколдованном» современном мире, в котором наука играет ведущую роль проводника тенденции рационализации, общество рационализируется и бюрократизируется. Для большинства людей растущая рационализация жизни представляет собой угрозу их устоявшемуся миру, и они стремятся уйти от нее, с одной стороны, в нерациональную массовую культуру, а с другой — в ритуали-

зованную нетворческую рациональность типа отгадывания кроссвордов. Массы ушли от традиционной культуры по причине гибели традиционного общества и пришли к массовой, которая становится глобальной. Задача индивида, учитывая и традиции, и современные тенденции, — сделать собственный выбор перед лицом своей совести и Бога.

Немецкий политолог и социолог **Р. Михельс** (1876—1936), как В. Парето и Г. Моска, считается одним из основоположников элитологии, а также социологии политических партий. Михельс пришел к выводу, что олигархизация — неизбежная форма жизни крупных социальных структур. Еще **Г. Спенсер** писал: «Общественная масса очень мелких размеров отличается однородностью своего состава, но с каждым увеличением ее размера обыкновенно увеличивается и ее разнородность; для достижения же значительного объема требуется приобретение значительной разнородности» (Западноевропейская социология XIX века. М., 1996. С. 302).

Отсюда следует **«железный закон олигархизации»** Михельса, в соответствии с которым демократия, если бы она была возможна, неизбежно выродилась бы в олигархию.

Этот вывод противоречит выводу Платона, в классификации которого, наоборот, олигархия превращается в демократию. По Р. Михельсу, демократия как государственный строй в принципе невозможна. Цивилизованное человечество, по Михельсу, не может существовать без господствующего политического класса. «Большинство человечества, обреченное жестоким фатализмом истории на вечное „несовершеннолетие“, будет вынуждено признать господство вышедшего из собственной среды ничтожного меньшинства и смириться с ролью пьедестала для величия олигархии» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 189—190).

Закон олигархизации предполагает смену одного господствующего слоя другим как предустановленную форму человеческого общежития в больших союзах. «Могут победить социалисты, но не социализм, гибнущий в момент победы своих приверженцев... Массы удовлетворяются тем, что, не щадя своих сил, меняют своих господ» (Там же. С. 190).

Классовая борьба имеет место в обществе в целом и в отдельных партиях, даже рабочих, представляющих собой классовую смесь. В каждой партии есть свой руководящий слой, который также неизбежно подвержен процессу олигархизации. Р. Михельс приводит поговорку французских рабочих: «Если выбрали, значит, пропал». Чем больше и разнороднее становится партия, тем сильнее в ней процесс олигархиза-

ции. Возможно, под влиянием Р. Михельса немецкие левые коммунисты поставили перед Лениным проблему соотношения власти пролетариата, коммунистической партии и вождя, от которой Ленин отмахнулся, назвав их высказывания «детской болезнью левизны в коммунизме» и рассказав в одноименной работе про гармонию интересов рабочего класса, партии большевиков и лидера, т.е. самого себя. Действительность, однако, подтверждает правоту Р. Михельса.

«Неизменный социальный закон состоит в том, что в любом органе сообщества, возникшем под влиянием разделения труда, возникает по мере его консолидации собственный интерес, интерес сам по себе и для себя. Но существование собственного интереса в общем союзе включает в себя существование трений и противоположность интересов по отношению к общему интересу. Более того, в результате выполняемых ими общественных функций различные социальные слои объединяются и образуют органы, представляющие их интересы» (Там же. С. 191—192).

То же самое относится и к профсоюзам. «Сколь незначительны различия между тенденциями развития государственных олигархий (правительство, двор и т.д.) и олигархий пролетарских» (Там же. С. 193). «Представитель», ощущающий полную свою независимость, превращается из слуги народа в господина над ним — как государственный «слуга», так и партийный.

Общий вывод Р. Михельса: «Демократия очень хорошо уживается с определенной степенью тирании и по другим психологическим и историческим причинам: масса легче переносит господство, когда каждый ее индивид имеет возможность приблизиться к нему или даже включиться в него» (Там же. С. 196). Здесь опять возвращаемся к Платону, считавшему, что демократия переходит в тиранию, и можем подтвердить на материале XX в., что это действительно так. Заслуга Р. Михельса в том, что концепцию элиты он распространил на все крупные социальные группы и, обобщив, провозгласил один из немногих в социологии и политологии законов.

Сформулировав закон олигархизации, Михельс позволяет себе иронию. «При старых аристократических порядках несогласие с требованиями правителя означало прегрешение против Бога. В условиях современной демократии действует правило: никто не может уклоняться от требований олигархов, ибо в этом случае он грешит против самого себя, своей собственной воли, добровольно переданной представителю» (Там же. С. 196).

Подойдя к решению политологических вопросов с социологических позиций, М. Вебер, по существу, подтвердил закон олигархизации

Михельса. Рассмотрев особенности функционирования государственной бюрократии, М. Вебер пришел к выводу, что численный состав и влияние этого социального слоя будут неизбежно расти по мере усложнения функций государства. Борьбу между политическими партиями и чиновничьим аппаратом Вебер назвал основным конфликтом политической жизни. Будущее общества станет, по Веберу, диктатурой чиновничества. Это предвидение оправдывается.

Концепция бюрократизации М. Вебера может опираться на аналогии Г. Спенсера между усложнением организации животных и усложнением организации общества по мере его развития. Идею Вебера о неизбежном расширении государственной бюрократии продолжил и «заострил» своими законами **С. Паркинсон**. Каждый член бюрократической машины хочет переложить свою работу на других. Если он просто передаст кому-то часть своей работы, то с уменьшением ее объема уменьшатся его функции, что для него нежелательно. К тому же появляется соперник. Как сделать, чтобы без потери функций уменьшился объем работы? Для этого чиновник просит дать ему двух помощников, каждый из которых выполнял бы часть работы, которую он выполнял один, а ему добавить функции координации деятельности новых сотрудников. На смену одному работнику приходит отдел из трех человек. Если так будет действовать каждый новый сотрудник, то у него окажется два своих помощника и т.д.

М. Вебер призывал бороться против растущей бюрократизации общества и эффективный способ борьбы видел в проведении политических референдумов или плебисцитов по различным вопросам, которые давали бы возможность населению напрямую высказывать свою точку зрения (так называемая **концепция плебисцитарной демократии**). Этот способ используется время от времени в разных странах (в том числе и в нашей), но еще не достиг такого масштаба, чтобы можно было говорить о нахождении противовеса тенденции бюрократизации.

КОНЦЕПЦИЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ГРУПП А. БЕНТЛИ

Концепция заинтересованных групп американского социолога **А. Бентли** (1870—1957) появилась в ответ на так называемый правовой формализм, в соответствии с которым общество развивается по непреложным законам, наподобие природных. В то же время эта концепция указывает на механизм принятия решений в политической сфере, в том числе законов. В соответствии с ней в обществе существует большое количество групп, так или иначе воздействующих на политическую сферу

с целью реализации своих интересов. Трудность обоснования данной концепции заключается в прослеживании связей, часто скрытых, между заинтересованными общественными группами и действующими политическими структурами. В этом главная заслуга А. Бенгли.

К заинтересованным А. Бенгли относил социальные группы, имеющие свои политические интересы: профсоюзы рабочих и фермеров, организации предпринимателей, представителей различных профессий (врачей, адвокатов, инженеров), церковные, женские, молодежные, экологические и иные общественные организации. Например, ассоциация производителей, союз потребителей. Члены данных организаций объединены одинаковыми интересами и в целом отражают разнообразие экономических, этнических, религиозных, региональных, демографических, профессиональных и других интересов. Их совокупность составляет гражданское общество в данной стране. В реальной жизни существует сотрудничество и столкновение групп. С одной стороны, они способствуют объединению граждан по интересам и приобщают к политике широкие слои населения, с другой стороны, группы начинают все активнее втягиваться в политические процессы и оказывают на них заметное влияние. Такие группы существуют в качестве движущих сил и опор политической системы и мостиком от индивида к государственному целому.

Деятельность заинтересованных групп имеет двойное значение в современной политической жизни. С одной стороны, она искажает исходную объективную картину политической жизни; с другой стороны, способствует полицентричности распределения власти в обществе и тем самым его устойчивости и повышению степени независимости граждан от государства.

Защита заинтересованными группами своих политических интересов получила название **лоббирования**. Оно может происходить двумя основными путями: заинтересованные группы могут воздействовать на профессиональных политиков и чиновников самыми разными способами (от составления петиций до подкупа), а могут стремиться вводить во власть своих представителей, что более надежно.

Способность к созданию заинтересованных групп зависит от политического режима в государстве и от особенностей национального характера и степени развития гражданского общества. Согласно одному из современных ответов на вопрос, готовы ли они создать группы с целью выступления против принятия несправедливого с их точки зрения закона, 56% американцев ответили утвердительно, в то время как в Великобритании 34% опрошенных, в ФРГ — 13%, в Италии — 7%.

Заинтересованные группы могут защищать не только частные интересы отдельных слоев, но интересы любого члена общества. Сюда

относятся союзы потребителей, экологические группы и т.п. Членом такой группы может стать каждый.

В политике действует «логика силы», и она может прийти в противоречие с логикой социальной целесообразности. Главное «противоречие политики: с одной стороны, в ней действует представительско-лоббистский принцип, обеспечивающий защиту наиболее влиятельных социально-групповых интересов *вопреки всему*, с другой — принцип национального единства, требующий подчинения отдельных интересов интересам целого» (Панарин А.С. Цит. соч. С. 24). Ясно, что когда это противоречие обострено из-за могущества отдельных групп, создается революционная ситуация. На основе этого противоречия К. Маркс делал вывод о неизбежности социальной революции в капиталистическом обществе.

Концепция заинтересованных групп показала, что в современных системах власти осуществляется не воля каждого отдельного индивида, а воля объединенных групп, которые проводят ее с помощью воздействия на общественное мнение и на политические структуры, не суммируясь в «общую волю». Это потребовало внесения корректив в классические представления о демократии.

Лекция 5

КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТОЛОГИИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОКРАТИИ Й. ШУМПЕТЕРА

Критика в адрес классической теории демократии и сама направленность развития мира потребовали внесения корректив в представления XIX в. То равноправие в начале XIX в., о котором писал А. Токвиль, с наступлением промышленного капитала было ликвидировано. Стало ясно, что в капиталистическом обществе равенство может быть только формальным, что послужило стимулом для развития альтернативных концепций. Последнее было сделано в XX в., и наибольшую известность приобрела так называемая другая, или новая, концепция демократии американского экономиста и социального мыслителя **Й. Шумпетера** (1883–1950).

По определению Шумпетера, «демократический метод — это институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивидуум приобретает власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 222).

Концепцию Шумпетера можно назвать рыночной демократией аналогично рыночной экономике. Политика, по Й. Шумпетеру, — продолжение и отражение экономики. Шумпетер — экономист по профессии, уподобляет политику рыночному хозяйству. Как на рынке покупатель приобретает нужные товары, так он выбирает и наиболее устраивающего его политика, отдавая ему свой голос. Выбирается не представитель, а лучший из имеющихся в наличии. Соперничают в борьбе за голоса из-

бирателей различные элиты. Политическая инициатива принадлежит активному меньшинству, объединенному в партии. Демократическая политика осуществляется благодаря выбору одной из соперничающих группировок.

Отождествление политики и экономики вызывает ряд вопросов: как быть с тем, что политическая система начинает формировать политические потребности и пристрастия аналогично тому, как экономическая система путем рекламы начинает формировать материальные потребности граждан? Как быть с возможностью, что два кандидата заранее распределяют роли и будут делать вид, что они борются, создавая видимость демократии? Политические потребности не столь сильны, как потребности физиологические, и их вряд ли можно отнести к базовым. Политический рынок отличается от экономического тем, что человек может не испытывать жгучую потребность заходить на него, и реклама здесь имеет гораздо большее значение, чем в экономике. В связи с этим то, что считается нормальным в экономике — покупка лучшего из имеющегося, — иначе воспринимается в политике. В первом случае она жизненно необходима для индивида, во втором — индивид может подождать до появления иных возможностей. Разница и в том, что на рынке человек покупает продукт, который может использовать, а в политике — часто «кота в мешке», который, возможно, не будет осуществлять волю избирателя и его нельзя обменять. Отождествление экономического и политического рынка вызывает и такое возражение. Рыночная концепция демократии отказывается от принципа представительства, а стало быть, от представления о народном суверенитете и общей воле. Принцип представительства в XIX—XX вв. подвергся сильной критике. В условиях, когда общая воля, если она есть, в принципе не может быть артикулирована, теоретически не решен вопрос, должен ли депутат представлять интересы своих избирателей или нации в целом. Тем не менее теоретический отказ от данного принципа рождает сомнение в возможности говорить о демократичности политических систем. Отказ от принципа представительства порождает поиск новых принципов.

Одним из таковых является принцип индивидуальной свободы. Й. Шумпетер отмечает, что «демократический метод не обязательно гарантирует больший объем индивидуальной свободы, чем любой другой позволил бы в аналогичных обстоятельствах», но «если по крайней мере в принципе каждый волен бороться за политическое лидерство, выставляя свою кандидатуру перед избирателями, это в большинстве случаев означает значительную долю свободы дискуссии для всех. В частности, это, как правило, подразумевает значительную свободу прессы» (Там же. С. 225).

Й. Шумпетер отмечает, что демократический метод исключает возможность контроля со стороны избирателей за действиями властей. Требование контроля, которое подчеркивалось противниками западной демократии, Шумпетер признает противоречащим духу демократического метода. То же он делает и с общей волей. Отрицая возможность выражения в принципе воли народа, Й. Шумпетер пишет, что внедрение принципа пропорционального представительства, выражающего волю отдельных слоев населения, «может помешать формированию эффективного правительства и таким образом оказаться опасным в периоды напряжения» (Там же. С. 226). Но принцип демократии, по Й. Шумпетеру, не предполагает пропорционального представительства. «Принцип демократии в таком случае означает просто, что бразды правления должны быть переданы тем, кто имеет поддержку большую, чем другие конкурирующие индивиды или группы» (Там же), а конкуренция является сутью демократии.

В заключение Шумпетер делает вывод, что выбор избирателей, идеологически возведенный в волю народа, «не вытекает из их инициативы, но формируется, и его формирование — важнейшая часть демократического процесса» (Там же. С. 231). Этим занимаются партии, принципы и программы которых напоминают виды товаров, продающихся в универмагах.

«Существование партий и политиков свидетельствует о том, что массы избирателей не способны на какие-либо другие действия, кроме паники... Психотехника управления партией, ее рекламная кампания, лозунги и марши — это все не украшения, это и есть суть политики» (Там же. С. 232).

Новая концепция демократии ближе к реальности, чем классическая, но сама эта реальность приводит к таким результатам, которые ставят под сомнение подлинность такой демократии. Как пишут авторы доклада Римского клуба «Первая глобальная революция»: «Деятельность политических партий сосредоточена в основном на выборных кампаниях и взаимном соперничестве, что приводит к ослаблению той самой демократии, которой они призваны служить. Этот подход, основанный на конфронтации, создает впечатление, что интересы партии могут быть превыше интересов государства. Получается, что стратегия и тактика становятся более важными элементами, чем сами цели, а мнение избирателей начинает игнорироваться сразу после того, как одержана очередная победа на выборах» (*Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М., 1991. С. 156).

Сформулируем основные принципы новой концепции демократии.

1. Политическая соревновательность — главный критерий, отличающий демократию от других политических форм.
2. Политическая инициатива в любом сообществе принадлежит активному меньшинству. Действие коллектива сводится к выбору элиты.
3. Политическое влияние группа может оказать через лидеров, выражающих ее интересы.
4. Демократия не выдвигает препятствий к осуществлению индивидуальной свободы. В ней самая высокая степень свободы информации.
5. Контроль граждан за правительством связан с их правом лишить руководство возможности направлять политический процесс.
6. Воля народа — мозаика индивидуальных и групповых интересов, и нельзя руководствоваться его единой волей.

ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОКРАТИИ Р. ДАЛЯ

Критика классической концепции демократии со стороны концепции элит и новой концепции демократии потребовала поисков новых принципов, которые обеспечили бы предпочтение демократического строя. Одним из таковых стал плюрализм, т.е. свободное хождение в обществе различных политических взглядов. О значении плюрализма хорошо сказал **С.И. Поварнин**, имея в виду «борющиеся силы, из взаимодействия которых вырастает величественное здание человеческой культуры. Все они необходимы, и борьба их, честный спор между ними необходимы, и если владевает одна из них, подавив остальные и затушив споры и борьбу, — настает величайший враг движения вперед: спокойствие застоя. Это — смерть умственной жизни» (Хрестоматия по философии. М., 1997. С. 486—487).

Политический плюрализм означает присутствие нескольких политических сил, взаимно ограничивающих друг друга. Это дальнейшее расширение принципа разделения властей Ш. Монтескье. Но здесь оппозиция или частично участвует в управлении, или выступает в роли критика правительства.

Если спросить: что делает возможным плюрализм, то можно получить парадоксальный ответ: «Условием плюралистической представительской демократии является единое гражданское общество, образуемое в результате действия культурно-обезличивающего плавильного котла. В этом котле плавится и исчезает все то, что относится к памяти: признаки этнического, религиозного, социального и расового происхождения, и на поверхность выступают ценностно-нейтральные „универсалии“

интереса — экономического и профессионального в первую очередь» (Панарин А.С. Цит. соч. С. 192).

Само по себе наличие плюрализма, считает американский политолог **Р. Даль** (р. 1915), не дает оснований говорить о демократическом устройстве. Последнее может рассматриваться в качестве идеала, а для обозначения действительности лучше использовать термин «полиархия», предложенный в 1953 г. как одно из четырех слов, характеризующих взаимодействие лидеров и контроль за ними: «Призовая система, или контроль за лидерами и со стороны лидеров, иерархия, или контроль со стороны лидеров, полиархия, или контроль за лидерами, и сделка, или контроль среди лидеров, т.е. лидерами друг друга» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 614). В этом смысле называть современное общество полиархией весьма проблематично, так как большинство населения в современных демократических обществах имеет весьма ограниченные возможности контроля властной элиты. Есть еще другой смысл: управление многих в противоположность монархии, но и здесь остается возражение, что реально власть не принадлежит многим.

Данный термин должен отличить демократию идеальную от демократии реальной.

Полиархия есть одна из реализаций демократии, поэтому эту концепцию можно назвать также концепцией полиархической демократии.

Р. Даль включает в данное понятие две характеристики: «Относительно высокая терпимость к оппозиции и широкая возможность во влиянии на поведение правительства. В полиархии функционирует семь институтов: всеобщее избирательное право; право участвовать в общественных делах; справедливо организованные выборы, в которых исключено всякое насилие или принуждение; надежная защита свободы выражать свое мнение, включая критику правительства, режима, общества, господствующей идеологии и т.д.; существование альтернативных и часто конкурирующих между собой источников информации и убеждений, выведенных из-под правительственного контроля; высокая степень свободы в создании относительно автономных самых разнообразных организаций, включая, что особенно важно, оппозиционные политические партии; и относительно высокая зависимость правительства от избирателей и результатов выборов» (Там же. С. 615). **Р. Даль** считает, что данные институты сложились в процессе адаптации демократических идей, которые существовали в античных городах-государствах, к масштабам современных наций-государств. Данный исторически сложившийся комплекс политических институтов по традиции, пишет **Р. Даль**, именуют демократическим, хотя «афинский демократ был бы шокирован политическими институтами полиархии и скорее всего отверг бы вся-

кую возможность называть их демократическими» (Там же. С. 616), хотя бы из-за наличия политических партий и заинтересованных групп, которых не было в Афинах, где каждый член Народного собрания был представителем верховной власти.

Полиархические институты необходимы, но недостаточны для осуществления демократического процесса на огромных территориях. Столь же необходим плюрализм, идейный и организационный, т.е. наличие ассоциаций и заинтересованных групп. Здесь интересно рассмотреть различие во взглядах Ж.-Ж. Руссо и А. Токвиля. Руссо считал, что наличие ассоциаций опасно для осуществления общей воли и может привести к тирании большинства над меньшинством. Токвиль, наоборот, полагал, что свобода ассоциаций — необходимая гарантия против тирании большинства. Р. Даль приходит к выводу, что для больших государств более справедлива точка зрения А. Токвиля. Конкуренция заинтересованных групп помогает сформировать взаимодействие элит и масс, препятствуя одностороннему господству элит (об общей воле речь уже не идет, и если элиминируем это понятие, то действительно прав окажется А. Токвиль). От Р. Даля не ускользают недостатки организационного плюрализма. «Ассоциации могут достигать большего, чем просто защиты или артикуляции интересов своих членов. Они способны также заострять и преувеличивать частные аспекты групповых интересов как противостоящие другим, возможно отмеченным большей привлекательностью и лояльностью интересам, и в этом смысле помогать формированию и укреплению деформированного гражданского сознания. Когда организационный плюрализм ведет к подобным последствиям, это может исказить существо имеющихся в обществе проблем и сконцентрироваться на политическом процессе скорее в направлении, обещающем видимые краткосрочные выгоды небольшому меньшинству хорошо организованных групп, чем в направлении, обеспечивающем значимые долгосрочные выводы для большого числа неорганизованных групп» (Там же. С. 623). Р. Даль подчеркивает в связи с этим важность контроля, но проблема эта, как мы знаем из новой концепции демократии, остается нерешенной в современном государстве.

Некоторые исследователи (например, норвежский политолог **С. Роккан**) считают, что точнее говорить не о плюралистической демократии, а о корпоративном плюрализме. Первое, конечно, не исключает второго, но именно второе реально существует в современном мире. В числе таких четырех «корпораций» С. Роккан называет правительство, профсоюзы, деловые и фермерские организации. Корпоративизм склонен к попранию демократических принципов («подсчитываются голоса избирателей, но все решают часто организационные ресурсы»). На примере

США говорят также о «железном треугольнике», включающем в себя комитеты конгресса, его бюрократию и заинтересованные группы.

В заключение Р. Даль дает еще одно определение полиархии: «Вид режима, приспособленного для управления нациями-государствами, в которых власть и авторитет над общественными делами распределены среди плюралистического множества ассоциаций, которые достаточно автономны не только в отношении друг к другу, но и во многих случаях в отношении к управляющей деятельности государства» (Там же. С. 626). Главный недостаток этого термина остается в том, что реально власть не принадлежит многим.

ПАРТИСИПАТОРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОКРАТИИ

В этой концепции в качестве отличительной черты демократии рассматривается то, что считается второй характеристикой полиархии — широкая возможность участвовать во влиянии на поведение правительства (в соответствии с олимпийским принципом: «Главное не победа, а участие»).

Можно ли предоставлять кому-либо право принимать решение за себя? Отрицательный ответ на данный вопрос предполагает, что демократия невозможна без принятия самими людьми политических решений. Термин «представительная демократия» употреблял еще в XVIII в. французский мыслитель **Детю де Траси**. К древнему стволу демократии привили средневековую представительную систему, и получилась новая «порода» демократии. Р. Даль соглашается, что представительная система изначально не была демократической, «...система представительной власти была порождена не практикой демократии, а возникла в виде некоего инструмента, благодаря которому недемократические правители — прежде всего монархи — могли прибрать к рукам огромные доходы страны, необходимые им главным образом для ведения войн» (Даль Р. Цит. соч. 2000. С. 102).

Какую роль играет представительная система сейчас? Р. Даль убедительно доказывает, что в большом государстве не только прямая, но и представительная демократия практически невозможна. Члены конгресса избираются от округов, в которых в среднем проживает более 400 тыс. совершеннолетних граждан. Если конгрессмен будет тратить на встречи с каждым по 10 мин в течение восьмичасового рабочего дня, то ему понадобится 20 лет. Соглашаясь, по существу, с выводами Михельса, Даль формулирует закон соотношения времени и численности: «Чем большее

количество граждан входит в состав политической единицы, тем меньше степень непосредственного участия этих групп в принятии решений, касающихся управления государством, и тем больше прав они должны делегировать своим представителям» (Там же. С. 108).

Ответом на эту критику является **партиципаторная концепция демократии**. Она основывается на классификации типов политической культуры, в соответствии с которой выделяют провинциалистский тип, представители которого интересуются лишь местными проблемами своего региона и не стремятся участвовать в управлении государством; подданныческий тип, представители которого всегда поддерживают человека или партию, находящуюся у власти в данный момент (таких насчитывают 8–10% населения); партиципаторный тип, представители которого интересуются государственными делами и стремятся принимать в них посильное участие. С точки зрения партиципаторной концепции демократия характеризуется преобладанием именно такого типа политической культуры.

Партиципаторная концепция демократии создана усилиями американского политолога **Дж. Барбера** и других. Политическое участие Барбер определяет как взаимодействие или коммуникацию с правительственными и неправительственными политическими лидерами в самых различных формах (от написания писем до забастовок и пикетов), даже если это не оказывает непосредственного влияния на ход государственного и местного управления.

Данная концепция подверглась основательной критике. Действительно, чтобы элиты были ответственны перед населением, граждане должны действовать в соответствии с рационально-активистской моделью поведения. «Однако, для достижения другой составляющей демократии — власти элит необходимо, чтобы обычный гражданин имел совершенно иные позиции и вел себя соответственно им. Чтобы элиты были сильными и принимали властные решения, следует ограничивать участие, активность и влияние обычного гражданина... Потребность во власти элит предполагает, что обычный гражданин будет относительно пассивен, выключен из политики... таким образом, от гражданина в демократии требуются противоречащие одна другой вещи: он должен быть активным, но в то же время пассивным» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 604). Это и реализуется, когда гражданин считает, что от него что-то зависит. Элита действует, и гражданин не испытывает чувства бессилия. Важна, стало быть, по **Г. Алмонду**, потенциальная демократия, в то время как реальная демократия приведет к дестабилизации политической системы, т.е. действующая система, называясь демократической, на самом деле

не может быть таковой. Должно быть сочетание активности и пассивности граждан, и среди граждан должны быть активные и пассивные, что и имеет место практически.

Участие граждан необходимо в демократическом обществе, но само по себе участие, даже очень активное, не делает общественное устройство демократическим. Множество участвующих в состязании бегунов никогда не станут победителями в политике (лицами, принимающими решения). Высказывалось мнение, что расширять масштабы участия за пределы голосования опасно для самой демократической системы. Лозунгу «Больше участия в интересах демократического развития» противопоставляется принцип «Не будите спящую собаку».

Концепция демократии участия «одинаково направлена и против тоталитаризма — левого и правого (фашистского), и против формальной демократии, игнорирующей недемократизм повседневности и отстранение простых людей от процессов принятия решений» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 52). Демократия участия противостоит и «закону джунглей», и «закону зоопарка».

Но почему люди соглашаются с их политическим неучастием? А.С. Панарин говорит о «потребительском искушении представительской демократии, заставляющей большинство людей принимать антидемократизм гражданской жизни в обмен на высокую заработную плату и технический комфорт» (Там же). К тому же «многие люди ценят свое право не участвовать в решениях не меньше, чем другие — право участвовать» (Там же). В основе этого лежит индивидуализм и желание замкнуться в собственной частной жизни.

Французский исследователь **М. Крозье** (р. 1922) в книге «Блокированное общество» прямо связывает повышение управленческой эффективности общества с развитием демократии участия. Препятствует демократии участия бюрократия, которая «блокирует» общество. Это противоречие между бюрократией и демократией присуще как капиталистическому, так и социалистическому обществу. Демократия участия «принципиально ориентируется не на большие, а на малые пространства, на ассамблеи местного уровня, на перманентный плебисцит местных демократических общин. Такая демократия возвращает нас к картине античного полиса, в котором граждане не передоверяют решения „представителям“, а сами принимают эти решения» (Там же. С. 320). «Демократия участия — это образ власти, отрицающей деление на власть имущих и власть неимущих, которые стремятся вмешиваться во все не из бюрократического центра, а изнутри, создавая новое пространство демократического самоуправления на местах» (Там же. С. 323). Перед демократией участия также стоит проблема

формирования потребности любви, иначе люди будут действовать как марионетки и их участие ничего не изменит в общем соотношении управляющих и управляемых.

Для политического участия необходимо время. Современный социолог **Э. Сю** вводит категорию социального времени, предназначенного для повседневной гражданской демократии участия (так называемое третье время). Это время социальных решений. Оно получило название «третье время» в отличие от «первого», занятого производственной деятельностью, и «второго», посвященного досугу. «„Третье время“ посвящено собственно социальной деятельности, и поле его приложения не предприятие, а территория — пространство вокруг нас, которое без приложения к нему творческих социальных усилий грозит превратиться в хаос или социальные джунгли» (Там же. С. 298).

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО И ОДНОМЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В новых индустриальных условиях, по мнению немецко-американского философа и социолога **Г. Маркузе** (1898—1979), совершенно иначе предстает свобода людей. Так, экономическая свобода означала бы свободу от экономики — от контроля экономических сил и отношений, от ежедневной борьбы за существование, от того, что нужно зарабатывать себе на пропитание.

Политическая свобода означала бы освобождение индивидов от политики, над которой они не осуществляют действенного контроля. Соответственно духовная свобода означала бы обновление сознания, которое сейчас сформировано средствами массовой информации и воспитанием, ликвидацию «общественного мнения» вместе с его создателями...

«Самая действенная форма борьбы против освобождения заключается в формировании таких материальных и духовных потребностей людей, которые увековечивают устаревшие формы борьбы за существование» (Американская социологическая мысль. С. 127). Формируя потребности человека, его закабаляют психологически, делают одномерным (здесь точка зрения Г. Маркузе близка к психологической школе в социологии), поэтому освобождение должно быть прежде всего личностно-психологическим, нравственно-сознательным.

Маркузе различает истинные и ложные потребности. «Ложными являются те, которые навязаны индивиду частными общественными силами, заинтересованными в его подавлении: это те потребности, кото-

рые увековечивают тяжелый труд, агрессивность, нищету и несправедливость... Большинство из господствующих потребностей — отдыхать, развлекаться, вести себя и потреблять в соответствии с рекламой, ненавидеть и любить то, что ненавидят и любят другие, — принадлежит к этому набору ложных потребностей... Единственными потребностями, которые имеют неограниченное право на удовлетворение, являются витальные потребности — питание, одежда и жилье на доступном культурном уровне» (Там же. С. 127—128). Навязанные, или ложные, потребности Г. Маркузе называет репрессивными. Соответственно их удовлетворение будет репрессивным удовлетворением.

Социальный контроль навязывает «господствующую потребность в производстве и потреблении ненужных вещей; потребность в отупляющей работе, где она в действительности больше не нужна; потребность в разнообразных видах разрядки, которые смягчают и продлевают это отупение; потребность сохранять такие обманчивые свободы, как свободная конкуренция при фиксированных ценах, свободная пресса, которая сама для себя является цензурой, свободный выбор товаров и мелких принадлежностей к ним при принципиальном потребительском принуждении... Свободные выборы господ не ликвидируют господ ил рабов» (Там же. С. 129).

В современном обществе потребления «товары поглощают людей и манипулируют ими; они производят ложное сознание, которое невосприимчиво к собственной лжи... Так возникает образец одномерного мышления и поведения» (Там же. С. 132—133). Задача правящего класса — превратить «научный и технический прогресс в инструмент господства» (Там же. С. 135).

Технический прогресс оказался способным существенно повысить материальный уровень основной массы населения, что привело к созданию потребительского общества. В большей степени это произошло в капиталистических странах, но и в странах второго мира также имело место. Огромные потребительские возможности капитализма притягивали к нему взоры всего мира.

В потребительском обществе в дилемме, поставленной **Э. Фроммом**, «иметь или быть», человек выбирает «иметь». Он больше стремится приобретать вещи, чем «быть», т.е. выявлять свои внутренние потенции. И таким образом он отходит от партисипаторной демократии. В «качество жизни» включается участие в управлении обществом, в «количество жизни» входит только сумма потребляемых продуктов (потребительская корзина). «Нынешняя цивилизация ознаменовалась вытеснением всех социальных мотиваций, как бы выносимых за скобки, одной — эконо-

мической, связанной с материальным вознаграждением» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 300). Массовый человек отказывается от своей социальной роли. Свой индивидуализм он распространяет только на сферу досуга и на частную жизнь. Есть непримиримое противоречие между массовидностью и подлинной демократией.

Потребительство и одномерность мешают социальному участию. И когда к этому стремится только меньшинство населения, оно склоняется к тому, чтобы установить свою власть силой, что и привело к студенческим волнениям в Париже в 1968 г., к созданию «красных бригад» и т.п.

Развитию тенденции рационализации мешает «растущая иррациональность целого, расточительство и ограничение производительности, потребность в агрессивной экспансии, постоянная угроза войны, обострявшаяся эксплуатация, бесчеловечность. Все это указывает на историческую альтернативу: плановое использование ресурсов для удовлетворения жизненных потребностей при минимуме затрат на тяжелый труд, превращение свободного времени в действительно свободное, умиротворение борьбы за существование» (*Американская социологическая мысль.* С. 141).

Г. Маркузе указывает на важность нравственных моментов и связывает их с обретением истинного сознания. «Люди должны обрести вместо ложного сознание истинное, вместо непосредственного интереса — настоящий. Они смогут сделать это, только почувствовав потребность изменить свой образ жизни, отказаться от того, что имеют от общества» (*Там же.* С. 122). Что может кардинально изменить ситуацию? «Великий Отказ» от потребительских ценностей и соединение самого развитого сознания с самой эксплуатируемой силой — опальных и изгоев, лиц, находящихся на периферии современного общества.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ

Суть психологических аспектов власти заключается не в том, чтобы заставить человека делать что-то силой, а в том, чтобы убедить его, что он должен иметь именно такие взгляды и поступать в соответствии с ними.

Здесь на первый план выходит свойство власти, которое названо хитростью, а помогает ей доверчивость народа.

В основе психологической концепции власти лежат идеи популярного в США бихевиоризма — направления в психологии, идущего от

знаменитых опытов **И.П. Павлова**. Бихевиористы изучают возможности управления поведением человека, и неудивительно, что этим направлением заинтересовались политологи. Основатель психологической концепции власти — американский психолог, представитель бихевиоризма **Г. Лассуэлл** (1902—1978). В основе данной концепции лежит убеждение, что важнейшим атрибутом власти является формирование общественного мнения путем политической рекламы, специальной подачи информации, ее нацеленного комментирования с обращением к различным референтным группам, выявляемым с помощью опросов и политических рейтингов. Тем самым методы социологии и политологии применяются с целью манипулирования сознанием населения, и мы еще раз убеждаемся, что наука представляет собой обоюдоострый меч, который спасает и наносит раны. Здесь очень хорошо можно увидеть различие между политикой и политологией. Политология не заставляет принять какую-либо точку зрения, а проясняет сознание людей. В этом разница между политологом и имиджмейкером.

Важность информационных моментов несомненна. Информационно развитая система ничего не отбрасывает, но все модифицирует в соответствии со своими целями, прежде всего с целью самосохранения; она стремится утвердить статус-кво — динамическое, но без потери устойчивости. Это близко к модной ныне концепции устойчивого развития.

Кстати сказать, СССР проиграл Западу в холодной войне не потому, что был слабее, а потому, что Запад тоньше вел информационную войну и психологически сильнее воздействовал на сознание жителей социалистического лагеря. Значение психологических моментов в дальнейшем будет все более и более увеличиваться в современном обществе.

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА

Концепция национального интереса относится к внешней политике и подчеркивает вторую сторону обеспечения власти — силу. Ее разработчик **Г. Моргентгау** (1904—1982), американский политолог немецкого происхождения, один из основоположников школы политического реализма, который «базируется на трех постулатах: 1) основным субъектом международных отношений является национальное государство, выражающее свои интересы в категориях силы (т.е. они обусловлены той силой, которой он обладает); 2) следствием этого, внутренней пружиной, двигающей международные отношения, стано-

вится борьба государств за максимизацию своего влияния во внешней среде; 3) оптимальным ее состоянием видится международное (региональное) равновесие сил» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 500).

Г. Моргентау определяет силу как все, «что связано с установлением и поддержанием контроля одного человека над другим... от физического насилия до самых тонких психологических связей, позволяющих одному разуму властвовать над другим» (Там же. С. 501).

Политическую власть Г. Моргентау определяет как «психологическое отношение между теми, кто ее осуществляет, и теми, над кем она осуществляется» (Там же. С. 502). Такое определение могли бы дать сторонники психологической теории власти. «Это влияние проистекает из трех источников: ожидание выгоды, боязнь проигрыша, уважение или любовь к людям и институтам. Оно может осуществляться приказами, угрозами, убеждением, харизмой человека или института либо сочетанием любых этих факторов» (Там же. С. 503).

«Внешнеполитические цели должны формулироваться через призму национального интереса и быть поддержаны адекватной мощью» (Там же. С. 505). Концепция национальных интересов заставляет вспомнить фразу, сказанную известным английским политиком **Г.Д. Пальмерстоном**: «У Англии нет постоянных друзей и врагов, есть только постоянные интересы».

Концепция национальных интересов снимает моральные ограничения с межгосударственных отношений. В соответствии с ней можно делать все, что на благо национальным интересам, используя рычаги, которые присущи власти: силу и хитрость. Это видим в современном мире, нынешняя однополюсность которого позволяет все шире основывать внешнюю политику на силе, оставляя место в информационной сфере для хитрости. Последняя преобладает во внутригосударственных отношениях властвующей элиты с населением, тогда как первая — в международных отношениях. Эта концепция показывает, насколько наивно утверждать, что у какого-либо государства нет врагов, а есть только друзья. Концепция национального интереса не оставляет камня на камне от данной веры, действительно соответствуя «политическому реализму».

Сравнивая политологические концепции XIX и XX вв., можно сделать вывод о сближении противоположных позиций по линии демократия — элитаризм. Демократические концепции эволюционировали от классической концепции демократии А. Токвиля в сторону новой концепции демократии, которая признала несостоятельными и утратив-

шими силу многие традиционные представления, претендовавшие на роль неотъемлемых свойств демократии — о народном суверенитете, общей воле, представительстве, а взамен им ввела более скромные утверждения о рыночности, плюралистичности и партисипаторности демократии. Концепция элит также продвинулась по пути к элитарной демократии, хотя исследования основоположника данного направления Р. Милса порой напоминают выводы В. Парето и Г. Моски.

Лекция 6

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Понятие «система» характеризуется двумя свойствами: она состоит из совокупности взаимосвязанных частей и отграничивается от окружения, с которым взаимодействует. Политические системы — особый тип социальных систем, которые участвуют в управлении государством.

Политическая система общества представляет собой совокупность политических институтов, социально-политических общностей и взаимодействий между ними, в которых реализуется политическая власть. Политическая система состоит из нескольких подсистем.

1. **Институциональная подсистема** — совокупность институтов, связанных с функционированием политической власти (государство, политическая инфраструктура, СМИ и т.п.).

2. **Идеологическая подсистема** — совокупность политических идей, взглядов, представлений, чувств участников политической жизни (индивидуальных, классовых, общечеловеческих, теоретических, эмпирических).

3. **Нормативная подсистема** — совокупность политических норм и традиций, регулирующих политическую жизнь (конституция, законы, нормативные акты, нормы деятельности общественных организаций, обычаи, этические нормы).

4. **Коммуникативная подсистема** — совокупность отношений и форм взаимодействий по поводу организации политической жизни (встречи, собрания, митинги и т.п.).

5. **Культурная подсистема** — комплекс типовых образцов, политических представлений и поведения.

Политическая система не совпадает с административной. Помимо административной системы с ее предусмотренными и жестко регламентированными ролями существует еще, как его называет А. Панарин, «игровое пространство» не входящих в административную систему людей, обладающих «политическим капиталом, который тот или иной агент способен инвестировать в акционерное общество под названием „политическая система“ (т.е. система производства власти)» (*Панарин А.С. Цит. соч. С. 139*). Таким политическим капиталом могут служить знания, поддержка влиятельных групп, способность контроля факторов, формирующих общественное мнение, и т.д.

Политическая система имеет свой вещественный состав (материальный и духовный), структуру и функции. Структуру политической системы по аналогии с организмом можно назвать анатомией, а функции — физиологией. Политическая система обладает следующими функциями: организация деятельности общества, определение путей его развития, распределение материальных и духовных ценностей, согласование интересов государства и социальных групп, разработка законов, обеспечение безопасности граждан и контроль за их деятельностью, формирование политического сознания и культуры.

Эти функции политическая система осуществляет с помощью власти, опирающейся на авторитет, силу, насилие. Понятие власти, таким образом (и это следует из определения политической системы), является для нее основополагающим. «Политическая система — это не только вещество институтов, но и поле регулируемых ожиданий, установок, идентификаций, обеспечивающих готовность к руководству и повиновению» (*Панарин А.С. Цит. соч. С. 130*). Вот почему в политологии используется «принцип дополнительности», предложенный **Н. Бором**, для разрешения проблемы «корпускулярно-волнового дуализма», когда объект проявляет как свойства вещества, так и свойства волны. Используются в политологии также и принципы кибернетики — науки об управлении сложными системами.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Отметим, как в случае определения политики, широкое и узкое значение понятия «государство».

В широком смысле понятие «**государство**» употребляется для обозначения страны (российское государство, американское государство и т.д.). В политологии используется более узкое понятие государства как части страны, осуществляющей функции по управлению населением и ресурсами.

При таком определении двумя крайними вариантами будут утверждение **Людвика XIV** «Государство — это я» и модный в СССР лозунг «Государство — это мы». Первое является преувеличением, потому что один человек, каким бы могущественным он ни был, физически не в состоянии выполнять все государственные функции. Такое утверждение вызвано заносчивостью правителя и его стремлением выдать желаемое за действительное и создать у подданных преувеличенное представление о собственных возможностях. Второе утверждение преследует иные, во многом противоположные цели, а именно: закамуфлировать то обстоятельство, что государством управляет часть населения, и выдать остальных за соучастников своего правления, тем самым создав у них преувеличенное представление об их политической роли и сняв к тому же ответственность с себя.

В узком смысле **государство** — это часть политической системы, которая обладает властью, силой и авторитетом, необходимыми для распределения ресурсов и средств, поддерживающих социальную систему, и осуществляет политическую власть в процессе регулирования поведения людей.

М. Вебер полагал, что управленческие функции государства настолько разнообразны, что лучше дать определение исходя не из них, а из главного средства, которое государство использует для осуществления своих целей, — физического насилия.

Существуют различные виды власти: духовная, моральная, физическая, денежная, психологическая. Государство основано прежде всего на физической власти. Все остальные виды могут у нее быть или нет, но физическая необходима. Раскрывая этот подход, М. Вебер отмечает, что государство претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. И дальше более строго: «Государство... есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (т.е. считающееся легитимным) насилие как средство» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 12). Легитимным называют порядок, обладающий престижем, в силу которого он диктует нерушимые требования и устанавливает образец поведения. Именно легитимность отличает царя от тирана у Платона и монарха от деспота у Ш. Монтескье.

Еще Платон в «Законах» поставил вопрос об основаниях того, что одни правят, а другие обязаны им подчиняться, поскольку необходимо, чтобы в государствах были правители и подчиненные. М. Вебер выделяет «три вида внутренних оправданий, т.е. оснований, легитимности... Во-первых, это авторитет „вечно вчерашнего“: авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, — традиционное господство... Далее авторитет внеобыденного личного дара (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, — харизматическое господство... Наконец, государство в силу „легальности“, в силу веры в обязательность легального установления и деловой „компетентности“, обоснованной рационально созданными правилами, т.е. ориентацией на подчинение при выполнении установленных правил» (Там же. С. 12—13). Итак, существует три обоснования господства: **традиционное, харизматическое и рационально-легальное.**

Следует подчеркнуть, что государство обладает полномочиями власти и принуждения, имеет монополию на насилие. Оно относится к тому виду принуждения, о котором писал Э. Дюркгейм: «Институты... принуждают нас, а мы находим выгоду в их функционировании и в самом этом принуждении» (*Дюркгейм Э.* Социология. М., 1995. С. 18). Это особенно важно сейчас в нашей стране, потому что приходится слышать призывы, что нынешнее государство, будучи слабым, должно использовать для охраны порядка и безопасности граждан другие общественные силы и группировки, которые обеспечат порядок быстрее, чем официальные «стражи порядка». За такими утверждениями стоят или интересы криминальных структур, или наивность, связанная с непониманием принципа монополии государства на насилие. Если разрешить самостоятельное выполнение функций поддержания порядка каким-либо негосударственным структурам, то это приведет к тому, что они станут претендовать на выполнение государственной роли, и в конечном счете неизбежно обострится борьба за власть.

По мнению А. Панарина, выбор совершается между двумя видами зла — слабым государством, не способным защитить граждан, и сильным государством, которое злоупотребляет своей властью по отношению к тем же гражданам. Какое зло меньше? «... если человек по природе слаб и склонен к нарушениям морально-правовых норм, то следует признать прерогативы высших инстанций, призванных воспитывать и опекать его» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 44). И чем он слабее, тем в большей степени. Но, конечно, в любом обществе могут быть люди, не нуждающиеся в этом. Монополии государства на власть должна быть противопоставлена защита личности гражданским обществом.

Государство обладает определенными признаками. К ним относятся: 1) обособленная от общества система органов и учреждений (законодательные, исполнительные и судебные органы, аппарат принуждения: армия, полиция, система исправительно-трудовых учреждений); 2) право, т.е. система обязательных норм и установок; 3) территория. Этими признаками государство отличается от племенного строя, при котором есть вожди, но отсутствуют особые органы власти, и, что важно, имеет место всеобщее вооружение народа (рис. 1).

Рис. 1. Структура государства

Сейчас на земном шаре около 200 независимых государств, подавляющее большинство которых входит в ООН.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Государство существовало не всегда. Оно возникло из догосударственных, неполитических форм власти вождя, предводителя рода, племени, жреца, шамана и т.д. в процессе углубления общественного разделения труда, социальной дифференциации и неравенства. Вопрос происхождения государства один из самых дискуссионных. Существуют различные концепции на этот счет. По Платону, государство возникает из потребностей каждого человека, которые не может удовлетворить он сам. «Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства» (Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 87). Помощь возможна, так как люди имеют различные способности к тому или иному делу.

По мнению Аристотеля, «государство представляет собой своего рода общение... которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения» (Аристотель. Политика. 1252а). Государство существует ради достижения благой жизни, оно существует по природе, как «человек по природе своей есть существо политическое» (Там же.

1253а). Такая концепция рассматривает государство как естественно возникшее в процессе эволюции общества, наподобие организма, возникающего на определенной стадии эволюции природы.

Каков конкретный механизм становления государства? Платон считал, что оно возникло как господство старейшего, получившего эту власть от родителей. Это **патриархальная** концепция возникновения государства, в соответствии с которой государство возникает из объединения семей, родов и племен. Отец семейства становится предводителем рода, затем племенным вождем и, наконец, царем. Государство в этом случае предстает в виде большой семьи.

Следующая концепция **теократическая**, в соответствии с которой прообразом государственной власти является власть Бога над своими созданиями, и всякая власть, в том числе государственная, исходит от Бога и санкционируется творцом.

Психологическая концепция государства объясняет его происхождение изначальным стремлением людей к власти. Она основывается на философской концепции «воли к власти» Ф. Ницше, в соответствии с которой воля к власти является главным побудительным мотивом деятельности людей.

Концепция **насилия** объясняет появление государства образованием класса воинов. По Г. Моске, государство возникает после перехода от охотничье-собирательного хозяйства к земледельческо-скотоводческому, когда появляются два класса — класс земледельцев и класс воинов, и последний добивается господства над первым. **Л. Гумплович** считал, что человек добивается удовлетворения своих потребностей двумя способами: трудом и грабежом или эксплуатацией чужого труда. Первое средство экономическое, второе политическое, и государство возникает тогда, когда организуется политическое средство. Другой причиной образования государства в соответствии с данной концепцией могло быть завоевание земледельцев кочевниками.

К этой концепции в ее первом варианте близка **экономическая** концепция возникновения государства, тщательно разработанная К. Марксом. В соответствии с ней государство возникает в результате вызванного экономическими причинами разделения людей на два антагонистических класса: высшего, который владеет частной собственностью на средства производства, и низшего, у которого частной собственности нет. Государство требуется для охраны института частной собственности и само становится частной собственностью. К. Маркс пишет, что «король — частный собственник народа, когда говорит: мой народ» (Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 771). В дополнение к этому В.И. Ленин писал в работе «Государство и революция»: «Государство

есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. М., 1981. С. 7).

Концепция **общественного договора** — концепция, по которой люди соглашались передать часть своих прав выбранным представителям, защищающим их общие интересы. Современные антропологи считают, что данная концепция не имеет исторического подтверждения. Государство никогда не возникало подобным образом. Законы государства не результат соглашения, а постепенно вырастают из традиций, навязываются завоевателями и т.п. Прежде чем какие-либо положения фиксируются в законах, они существуют в традициях, и сила законов не в угрозе наказания, а в готовности людей подчиниться им.

Правда, имели место события незадолго до возникновения концепции общественного договора, которые как будто подтверждают ее. Плывшие на американский континент будущие колонисты еще на корабле договаривались о том, каким будет управление, и, прибыв, устраивали его именно так. Подобные договоры служат источником данной концепции, но никак не ее подтверждением, поскольку колонистами становились цивилизованные люди, эмигрировавшие из стран, имевших опыт государственного строительства. В эпоху же возникновения государства (а было это до становления первых цивилизаций) ситуация была совершенно иной.

Неоднозначная оценка происхождения государства связана с наличием различных концепций государства, каждая из которых имеет своей частью особый вариант происхождения. По-видимому, имела место не одна, а несколько причин становления государства. Можно согласиться с тем, что его появление не случайно, а объясняется общей эволюцией общества. Практически первые государства возникли там, где требовалась кооперация усилий множества людей для создания ирригационных систем и выполнения других коллективных работ колоссального масштаба.

Особую форму происхождения российского государства сообщает «Повесть временных лет». По ней русская государственность возникла в результате призвания варяжских князей славянскими общинами, представители которых заявили: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите и владейте нами». В этой концепции присутствуют все признаки государства: население, территория, князь с дружиной. Многие русские историки относились к ней вполне серьезно.

КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА

Прежде всего отметим концепцию государства как совершенной формы человеческого общежития, к представителям которой можно отнести Платона, Аристотеля, а из новейших философов — **И. Канта**.

Проекцией божественного порядка на Земле считали государство теологи, а из философов — Гегель, по словам которого государство есть божественная идея, как она существует на Земле, шествие Бога в мире. Как воплощенное право рассматривал государство русский философ **В.С. Соловьев**. Для Ж.-Ж. Руссо государство было способом примирения различных частных интересов и достижения общего блага; для Т. Гоббса — способом сдерживания агрессивных и эгоистических желаний людей.

В противоположность этому К. Маркс рассматривал государство как форму классового господства, а в отношении современного государства — «как комитет по управлению делами буржуазии». Близка к этому концепция государства как формы насилия, которой придерживались не только анархисты, но и **Л.Н. Толстой**. «Для непробудившегося человека государственная власть — это некоторые священные учреждения, составные органы живого тела, необходимое условие жизни людей. Для пробудившегося человека — это люди очень заблудшие, приписывающие себе какое-то фантастическое значение, не имеющее никакого разумного оправдания, и посредством насилия приводящие свои желания в исполнение», — писал Л.Н. Толстой в работе «Закон насилия и закон любви».

Анархизм видит в обществе «объединение людей, которые в своем естественном состоянии равны между собой. Правительство и власть развращают такие объединения и ведут к угнетению и отчуждению. Анархисты видят альтернативу правительству в добровольном сотрудничестве и естественных сообществах» (*Алмонд Г. и др.* Цит. соч. С. 30). Либерализм видит «в обществе совокупность отдельных индивидов с набором фундаментальных прав, которые должны быть защищены. К этим правам относятся права собственности и свобода слова и объединений. Главный недостаток правительства, по мнению либертаристов, заключается в том, что чем больше задач оно на себя возлагает, тем больше оно предрасположено попирает эти права» (Там же. С. 29).

Промежуточную, компромиссную позицию занимал французский философ **Ж.-П. Сартр**. Поддерживая в целом концепцию государства как средства угнетения (государство Сартр рассматривал как маскировку насилия), он считал, что современное государство добилось некоторой автономии по отношению к правящему классу и достигло того, что угнетенные пассивно признают государство. Но и в этом случае государство, подчеркивает Сартр, нужно правящему классу.

Государство, полагает греческий политолог **Н. Пуланзас** (1936—1979), должно заботиться об эксплуатируемом классе в целях сохранения целостности общества. «Государство играет роль фактора сплочения формации в целом» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 824). С этим нельзя не согласиться. Но возникает вопрос: насколько государство нужно угнетенному классу, или, если поставить вопрос иначе, существует ли все-таки нечто подобное общей воле? А. Токвиль считал, что общим в государстве могут быть патриотизм и религия. Если, как К. Маркс, полагать эти ценности неважными и исчезающими, то у членов общества не остается одинаковых целей и государство утрачивает интегрирующую функцию. Тогда логично главной ее функцией назвать закабаление одного класса другим, и государство становится «комитетом по управлению делами буржуазии». Если же считать, что данные ценности важны для всех жителей государства, то тогда и постольку государство будет служить интересам всех подданных. Итак, государство зависит от интересов населения и наоборот. Недаром Гегель писал, что «государственное устройство определенного народа вообще зависит от характера и развитости его самосознания; в этом заключается его субъективная свобода, а следовательно, и действительность государственного устройства... Поэтому каждый народ имеет то государственное устройство, которое ему соответствует и подходит» (Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 652).

Из представления о том, что входит в общую волю, вытекает ответ на вопрос, что нужно делать, чтобы разрушить государство, — надо ослабить патриотизм его жителей и их религиозное чувство. Сплачивает население государства также опасность со стороны соседей, и если бы ее не было, то ее стоило бы выдумать. По крайней мере ее опасно преуменьшать.

Итак, государство имеет двойственную природу — защищать и эксплуатировать людей и ресурсы. Первое нужно всем жителям, второе — их части. Таким образом, у всех слоев населения есть общие государственные интересы и есть разные, даже противоположные. Их баланс различен. Перекос в сторону защиты делает государство стабильным, в сторону эксплуатации — готовит кризисы и революционные ситуации.

ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Функции государства могут быть разделены на внутренние — по отношению к собственному населению и внешние — по отношению к другим государствам.

Внешние функции осуществляются в русле международной политики. Что касается внутренних функций, то они двояки: здесь и выполнение интересов отдельных социальных групп (наиболее влиятельных в обществе), и примирение интересов различных групп. В зависимости от того, рассматривается ли государство как орган господства одного из классов или как орган классового сотрудничества, можно выделить в качестве основной либо функцию подавления, либо функцию примирения. В реальности имеет место и та, и другая. Сама роль государства в целом противоречива: обеспечивать безопасность населения посредством его подчинения. Для этого государство должно быть сильным, но свою силу оно может использовать и для закабаления подданных.

Н. Пуланзас выделяет три функции государства.

1. **Политическая** функция — функция регулятора общественной формации как системы неустойчивого равновесия. Сюда входят национальное строительство, формирование общих взглядов, ценностей и ожиданий, однородной политической культуры. А теперь уже и интернациональное строительство. В функцию современного крупного государства входит формирование надэтнической общности (скажем, советский человек или американская нация, в состав которой включены представители даже разных рас). В таком многонациональном государстве различные нации объединяются вместе и образуется одна политическая наднациональная общность. Ее можно назвать сверхнацией как объединение более высокого уровня, чем нация. В эту же функцию входят защита политических прав, внутренняя и внешняя защита населения, обеспечение безопасности и порядка. Преступность может существовать в обществе. Но при поголовной преступности общество не сможет функционировать нормально. Коррупция может иметь место в государстве. Но при поголовной коррупции государство не сможет функционировать нормально. Есть определенные рамки, за которые не должно заходить государство, оправдывающее свое название.

2. **Экономическая** функция — защита собственности, экономических прав, обеспечение общественных благ, управление естественными монополиями (транспорт, почта, телекоммуникации, военно-промышленный комплекс и т.д.), обеспечение социальной справедливости или хотя бы минимального уровня жизни.

3. **Идеологическая** функция — обеспечение идеологического единства населения. Сегодня все больше людей живут вне семьи и не общаются с родственниками, но не вне государства. К государству частично перешли функции, которые раньше выполняла семья, — воспитания, контроля, защиты.

Со словом «государство» часто употребляется прилагательное, в котором выражается суть какой-либо его функции. Выше шла речь о **социальном государстве**. Так же часто используется понятие «**правовое государство**», предложенное немецкой юридической школой в XIX в. На первый взгляд это словосочетание, так же как «социальное государство», выглядит парадоксальным: ведь в каждом современном государстве действуют определенные правовые нормативы, и в этом смысле любое государство является правовым. Уже в племенах появляется юрисдикция, возвышающаяся над различиями между родами. Но, как и в случае с социальным государством, под правовым государством понимается такое, где писанные правила, в которых законодательно обеспечены равные юридические права всем слоям общества, не только существуют, но и безусловно выполняются всеми, т.е. все люди равны перед законом, как мечтали Ж.-Ж. Руссо и **Н. Радищев**. Пока это благое пожелание. Добавим еще понятие «**политическое государство**», под которым имеется в виду не просто государство, где есть политика (она присутствует во всех современных государствах), а государство, гарантирующее на практике основные политические права своих граждан, тем самым реально обеспечивающее населению возможность быть субъектом политики.

ВИДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Современные классификации видов государственного устройства отталкиваются от официального названия государства.

Все существующие государства можно разделить на две большие группы: монархии — государства, которые управляются одним человеком, и республики, в которых правит более чем один человек (точный перевод слова «республика» с лат. — «общее достояние»).

Монархия может быть абсолютной (как Российская империя до 1905 г.) или конституционной, если правление монарха ограничено законом. Самой конституции как основного закона государства может при этом и не быть, как, например, в Англии. Следует различать формальное название и суть. Такие развитые страны, как Великобритания, Бельгия, Швеция, Япония, формально монархии, а фактически республики, и словосочетание «английская королева» давно стало нарицательным для обозначения человека, который лишь считается правителем.

Современные республики делятся на три типа: **парламентская**, **президентская** и **смешанная**. В парламентской республике по резуль-

татам всеобщих выборов формируется правительство. Часто премьер-министром становится глава победившей партии. Это характерно для ФРГ, где за власть реально борются две-три партии; реже в Италии, где соперничает большое количество партий. То же в Великобритании и Японии (формально это конституционные монархии, а по существу — парламентские республики). В парламентской республике может быть президент, но он выполняет в основном представительские функции. В большинстве старых демократических стран принята форма парламентской республики, и она считается более демократичной.

В президентской республике фактически глава государства — президент, избираемый всеобщим голосованием и обладающий большими полномочиями (пример: США, Россия). Он предлагает членов правительства, кандидатуры которых утверждаются парламентом, также избираемым всеобщим голосованием. В большинстве новых демократий принята форма президентской республики.

В смешанной форме республики президент и парламент обладают сравнимыми полномочиями. Существует обязанность вотума доверия правительству парламентом. В этом случае, если большинство в парламенте имеет одна партия, а президент принадлежит к другой, может оказаться, что премьер-министр и президент придерживаются разных точек зрения. Для того чтобы сделать возможным проведение согласованной политики, в этом случае вводится разграничение полномочий между президентом и премьер-министром. Например, во Франции президент преимущественно решает вопросы внешней политики, а премьер-министр — внутренней.

Если говорить о государственном устройстве России, то она в XX в. прошла путь от абсолютной монархии к монархии конституционной (после 1905 г.), далее к республике (после 1917 г.), которую можно назвать «секретарской» (номинальным главой государства в СССР был председатель Верховного Совета — высшего законодательного органа, а фактическим — первый секретарь ЦК КПСС — ведущей и единственной партии), затем парламентской (с 1991 г. до разгона Верховного Совета). И наконец, после 1993 г. — президентской, даже ультрапрезидентской, поскольку Президент Российской Федерации по современной Конституции обладает полномочиями, которых не имеет ни один президент развитой страны. В отличие от США президент может распустить нижнюю палату парламента, и она не утверждает членов кабинета министров, а только премьер-министра, которого предлагает президент. Неутверждение трижды предложенной президентом кандидатуры премьер-министра (она может быть одной и той же, как подтвердил Конституционный Суд РФ) дает президенту

право распустить Государственную Думу и назначить новые выборы в нее. В условиях угрозы роспуска парламента неутверждение предложенной президентом кандидатуры премьер-министра является, таким образом, самоубийственным шагом, на который Дума еще ни разу не отважилась.

Для того чтобы уменьшить значение парламента по сравнению с президентом, Верховный Совет был разделен, по сути дела, не только на две палаты, а на два самостоятельных учреждения, расположенные в разных местах. С этой же целью верхняя палата парламента была составлена из глав исполнительной и законодательной власти регионов, что привело к нарушению принципа разделения властей. В результате вес Совета Федерации стал таким большим, что он порой не соглашался с президентом (например, в вопросе об отстранении генерального прокурора), и понадобилась реорганизация 2000 г., чтобы уменьшить его значение. Вместо глав регионов теперь в Совет Федерации входят представители регионов. В результате еще более усилилась власть президента.

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Классификация современных государств может быть также проведена по признаку соотношения центральной и местной власти. Здесь выделяют три формы.

Первая — **унитарное государство**. При таком устройстве центральная власть осуществляет основные управляющие функции на всей территории. Пример: дореволюционная Россия и современная Франция.

Вторая форма — **федеративное государство**. В нем наиболее важные для государства в целом функции осуществляет федеральная власть, а часть передается в регионы. При этом действует принцип субсидиарности, в соответствии с которым происходит разделение полномочий между уровнями власти. Например, в ФРГ в ведении федерального центра находятся внешняя политика и оборона; координация действий по защите конституции; денежная система, таможня и охрана границ, почта и электросвязь, железные дороги и авиация, авторское и издательское право и т.д. В ведении земель находятся культурная, полицейская и коммунальная сферы, хозяйственное, гражданское и уголовное право, судопроизводство и т.п.

Отдельные субъекты федерации могут иметь разные названия — земли в ФРГ, штаты в США, края, области и республики в Российской Федерации. Особенностью Российской Федерации, доставшейся в на-

следство от СССР, является то, что отдельные субъекты Федерации имеют неодинаковые права, чего нет ни в Германии, ни в Америке. Такие национальные республики, как Татарстан и Башкортостан, имеют собственные конституции и особые договоры с центральным правительством, тогда как другие субъекты мало чем отличаются от частей унитарного государства. После распада СССР президентом России был брошен лозунг «Берите суверенитета, сколь хотите», но впоследствии взят обратно, и попытки глав некоторых областей усилить местную власть до размеров власти в национальных республиках наталкивались на противодействие центра (неудавшаяся попытка организовать Уральскую республику из Свердловской области). Упомянутый лозунг о суверенитете противоречил самому принципу суверенитета, как он трактуется в политологии. Напомним, что он был выдвинут в Новое время в период борьбы европейских государств против светской власти папы римского и означал полную независимость этих государств в решении политических вопросов.

Наибольшую роль в обосновании принципа суверенитета сыграл французский политический мыслитель и правовед **Ж. Боден** (1530–1596). Согласно его мнению, суверенитет делится на внутренний и внешний.

«Внутренний суверенитет означает право без чьего бы то ни было вмешательства решать вопросы, касающиеся собственных граждан. Внешний суверенитет означает право заключить имеющие обязательный характер соглашения (договоры) с другими государствами» (*Алмонд Г. и др. Цит. соч. С. 39*). Суверенитет никогда не бывает абсолютным и в эпоху глобализации имеет тенденцию к снижению.

За пределами рассмотрения Ж. Бодена остался вопрос: кто обладает суверенитетом — те люди, которые наделены правом принимать окончательные политические решения, или же весь народ, живущий на данной территории? Последней точки зрения придерживался Ж.-Ж. Руссо, провозгласивший принцип народного суверенитета. В современной политологии суверенитет «означает отрицание какого бы то ни было подчинения и ограничения государства другой властью» (*Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 822*). В этом смысле суверенитета не может быть много или мало. Он или есть, или его нет. Правда, в истории известны доктрины «ограниченного суверенитета», а в современном взаимосвязанном мире стопроцентный государственный суверенитет вряд ли возможен. Тем не менее основное значение данного понятия осталось без изменений. В этом плане упоминание в Конституции РФ 1993 г. о суверенитете республик столь же опасно, как упоминание в Конституции СССР о праве нации на самоопределение вплоть до отделения,

сыгравшее зловещую роль в развале СССР. Оно противоречит принципу устройства федеративного государства. Что в этом смысле могут означать лозунги типа «Да здравствует суверенный Башкортостан»? Либо ничего реального, наподобие советских лозунгов типа «Народ и партия едины», либо, если к ним относиться серьезно, призыв к отделению данной национальной республики от Федерации. Созданные в России федеральные округа как объединения субъектов Федерации и более высокие уровни общности свидетельствуют о важности данной проблемы для сохранения целостности государства.

Третьей формой государственного устройства, при которой отдельные ее части обладают суверенитетом, является **конфедерация**. Имеют место два варианта. Или название «конфедерация» столь же номинально, как монархия в Англии, и фактически речь идет о федерации (как в Швейцарской Конфедерации). Или это действительно конфедерация, но тогда данное объединение не является государством как таковым, а союзом государств, как СНГ или Европейское сообщество. При таком устройстве основные управленческие функции сосредоточиваются в субъектах объединения (прежде всего армия и внешняя политика), но отдельные функции (скажем, таможенные) передаются надгосударственным органам. У конфедерации может быть единая валюта (как в Европейском союзе — евро). Процесс объединения государств в союзы протекает в современном мире достаточно интенсивно.

БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВА

Вопрос будущего государства как политической формы объединения людей не менее сложен, чем вопрос о происхождении государства, и решается он в зависимости от того, какой концепции государства придерживается конкретный ученый. Те, кто на первый план выдвигает миротворческую функцию, склонны или продлевать его существование в необозримое будущее, или ограничивать его периодом несовершенства человека (если полагать, что причина государства — пороки людей). Те же, кто считает государство орудием господства одного класса или одной части общества над другим классом или частью, склонны связывать гибель данного социального института с возникновением бесклассового общества, когда эксплуататорская функция станет излишней (такова точка зрения К. Маркса), или с преодолением господства государства над основной массой населения в результате революции и слома государственной машины в целом (такова точка зрения анархистов).

Марксистская концепция отмирания государства после захвата власти авангардом пролетариата сродни, как ни странно, концепции

уменьшения вмешательства государства в рыночные механизмы и взаимоотношения людей в капиталистическом обществе, которую проповедают современные либералы. Эти взгляды, как и анархистские, всегда падали в России на благодатную почву, потому что в России государство традиционно оказывало сильное давление на жизнь конкретных людей и порождало желание освободиться от него. Но, как показал распад СССР, само по себе крушение государства ведет лишь к впадению в догосударственное состояние, не обязательно родоплеменное, а скорее криминально-мафиозное.

В любом случае государство будет существовать еще в течение весьма продолжительного периода времени и привлекать к себе повышенное внимание политологов.

Лекция 7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Словосочетание «политический режим» в отличие от вида и формы государственного устройства означает конкретный порядок ведения дел в государстве. Это характеристика, выражающая степень политической свободы, правовое положение личности, методы деятельности государственных органов.

«Режим означает то целое, которое мы теперь имеем в жизненном облике общества, складывающемся из фрагментарных форм; режим означает одновременно формы жизни общества, стиль его жизни, его моральное состояние, строение общества и строй государства, образ правления, дух законов», — писал американский политический философ **Л. Штраусс** (1899—1973) (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 405—406).

Понятие «режим» означает конкретное устройство, а не его словесное оформление. Режим есть нечто более реальное, чем форма. Режимы нельзя подразделять на монархические, аристократические и демократические, так как форма правления не всегда соответствует конкретному содержанию. Главные вопросы, связанные с режимом, — не кто управляет, а как организовано управление, каковы взаимоотношения между управляющими и управляемыми.

Само по себе слово «режим» не несет какой-либо отрицательной смысловой нагрузки, как, скажем, словосочетание «колония строгого режима». Скорее, это слово употребляется в смысле режима дня, который должен быть у каждого человека и в котором нет ничего плохого. Ближко по значению слово «порядок», но оно не лучше выражает суть дела, поскольку, напротив, имеет преимущественно положительное значение, что также не вполне соответствует сущности определяемого, так как конкретное правление может быть далеко от настоящего порядка.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Самая распространенная классификация политических режимов строится на характере взаимоотношений властей и подданных.

Выделяют три основных режима: **тоталитарный**, **авторитарный** и **демократический**.

Эта классификация сложилась в западной политологии исторически и строилась на противопоставлении двух систем — капиталистической и социалистической. При этом тоталитаризм рассматривался как наиболее отличающийся от демократического. Характеристика тоталитаризма основывалась на самоназвании строя, который сложился в фашистской Италии после прихода к власти **Б. Муссолини** (именно Муссолини начал использовать это слово в положительном контексте для характеристики его режима). Затем выяснилось, что если тоталитаризм и авторитаризм реально существуют, то понятие демократии настолько многозначно (см. различные концепции демократии), что классификация может предстать нелогичной и потерять большую долю привлекательности. Как в самом деле сопоставлять реальное и идеальное, то, что есть и что должно быть? Элементы социальной демократии присущи не только демократическому режиму, они есть в тоталитаризме и авторитаризме. Есть и формальные замечания. В данной классификации присутствует смешение параметров: различие между тоталитаризмом и демократией вводится по признаку количества правящих, а между тоталитаризмом и авторитаризмом — по характеру воздействия правителей на подданных.

Если взять признак количества правящих, то существующие режимы можно разделить на автократические, элитократические и демократические (идеал). По характеру воздействия правителей на подданных и допустимости различия политических взглядов режимы можно разделить на тоталитарные, авторитарные и плюралистические. В тоталитарном режиме существует монополизм во всех сферах жизни, в авторитарном — монополизм в политической сфере, в плюралистическом — отсутствие монополизма.

Предложено классифицировать режимы на одно- и многопартийные. Данный признак тоже может оказаться формальным, если на бумаге насчитывается много партий, а управляет одна. За неимением лучшей общепринятой классификации придется взять за основу разделение режимов на тоталитарный, авторитарный и демократический, имея в виду,

что под демократией здесь понимается то ее свойство, которое получило название политического плюрализма.

Необходимо учитывать условность любой классификации. Л.Н. Толстой резонно подметил, что элементы всех трех режимов встречаются в любом современном обществе.

У каждого из трех режимов есть свой идеал и свое «пугало». Идеал тоталитаризма — когда все действуют сообща в соответствии с общими целями. Он совпадает с идеалом корпоративизма, коллективизма, соборности. А отталкивающий образ — когда все действуют по одной указке в отсутствие свободы слова и поступка. Идеал авторитаризма — благородный муж, который в соответствии со своей мудростью ведет людей по правильному пути ко всеобщему благу. А «пугало» — своенравный и неумный монарх, который пользуется созданным трудом народа, не подпуская его к власти. Идеал демократии — возможность делать собственный политический выбор и свободно участвовать в управлении государством в соответствии со своими взглядами. Отталкивающий образ — хитрый демагог, который мошенническим путем остается у власти при видимости выборов.

Конечно, было бы хорошо, если бы все вместе шли к общей цели, если бы кто-то вел тебя к твоему же благу. А если интересы людей различны и никто не собирает тебя вести к счастью? Тогда пусть лучше будет демократия, но настоящая, а не в кавычках. К сожалению, приходится выбирать: либо режим, при котором преобладает равенство, либо режим, при котором предпочтение отдается свободе. Запад сделал выбор в пользу свободы, СССР — в пользу равенства. Но реальное равенство может утверждаться авторитарными и тоталитарными методами. Все три политических режима Россия испытала на себе в XX в.: сначала авторитарный, затем тоталитарный, теперь демократический.

ТОТАЛИТАРНЫЙ РЕЖИМ

Можно согласиться с Б. Муссолини, что тоталитаризм зародился в начале XX в. Главной его особенностью является то, что правящая элита управляет не только политической сферой, но всеми основными областями жизни: экономической, культурной, информационной, даже семейной. Это объясняется, с одной стороны, тем, что в XX в. на политическую арену вышли широкие массы населения (совершилось, как писал **Х. Ортега-и-Гассет**, «восстание масс»), на которые элита должна воздействовать, чтобы политически подчинить себе, а с другой стороны, тем, что современные технологии, обеспечив возникновение СМИ, дали возможность элите эффективно воздействовать на массы. Эти же при-

чины (особенно первая из них) способствовали становлению идеологий, и поэтому неудивительно, что тоталитаризм взял их на вооружение. Итак, *первый признак* тоталитаризма — широкое и открытое использование идеологии. Ключевым здесь является слово «открытое». Дело в том, что и другие режимы широко используют идеологию, но делают это скрыто (как хорошо показал **Р. Барт**), так, что требуется провести огромную исследовательскую работу, чтобы тайное сделать явным. Итак, именно открытый и навязчивый характер использования идеологии отличает тоталитарную систему. Если другие режимы обычно применяют либерально-капиталистическую идеологию, то тоталитарный использует другие идеологии — националистическую и социалистическую, что дает основания по этому признаку различать националистический (правый) и коммунистический (левый) тоталитаризм.

Вторым признаком тоталитаризма будет наличие однопартийной системы, в которой реальная власть принадлежит одной партии, занимающей господствующее положение и держащей в руках все нити управления государством (можно сказать, что это не партия как таковая, а верхняя часть государственного аппарата, как, например, КПСС в СССР). Положение партии не может быть поколеблено, так как хотя и проводится голосование, оно является фикцией: это гонка с одним участником, победитель которой заранее известен. При тоталитарном режиме можно говорить не только о государстве-нации, которое обычно противопоставляли государству-полису, но и о государстве-партии.

Третий признак тоталитарного режима, наиболее характерный для него, — это контроль за всеми сторонами общественной жизни. Сюда входит, во-первых, контроль над экономикой. Тоталитарная экономика является государственно-регулируемой, что не обязательно означает отказ от частной собственности на средства производства и их национализацию. В Германии и Италии этого не произошло, но экономика оставалась регулируемой государством. Во-вторых, контроль над СМИ. Все руководящие сотрудники СМИ входят в номенклатуру правящего класса и по существу становятся государственными чиновниками. Существует строгая цензура, и ни одно сообщение не публикуется и не выходит в эфир без одобрения соответствующих партийных или государственных (что, в сущности, одно и то же) органов, в ведении которых находятся СМИ. Тоталитарный режим следит не только за политической информацией, но и за любой другой — экономической, культурной, научной. Известны слова Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Если словосочетание «для нас» обозначает партию большевиков, то мысль понятна. Почему кино? Потому что оно наиболее массовое искусство, влияющее на широкие слои населения, что как раз важно для

тоталитарного режима. Не только кино, но музыка, казалось бы, далекий от политики вид искусства, также жестко регулируется государством, которое решает, какую музыку слушать, исполнять, под какую танцевать. Постановлениями ЦК КПСС не только регламентировались музыка, живопись и литература, но и сообщалось, какой наукой заниматься, а какая — лженаука (сюда попали ведущие науки XX в. — генетика и кибернетика).

Милиция и органы государственной безопасности были вседеющими. Гражданские свободы — слова, печати, собраний, митингов и демонстраций — хотя признавались Конституцией, но сводились на нет соответствующими добавлениями (разрешается, но в интересах «социалистического строя», т.е. фактически запрещается). В тоталитарных государствах действует принцип: все, что не разрешено, запрещено. Человек не только имеет право на труд, но и обязан трудиться. Вообще, его работа, поведение, жизнь подчинены интересам государства, а фактически интересам его правителей. Осуществлено злое предвидение **М. Штирнера**: человеку в тоталитарном государстве не только не принадлежит материальная собственность, но и его собственная мысль, поскольку думать следует так, как желают правители. Все должны иметь одинаковые мысли, одно «духовное платье». Самостоятельно мыслящие люди преследуются, в какой бы области жизни они ни пытались проявить себя. Тем самым исчезает человек как независимая индивидуальность. Поскольку человек не может не думать и люди различаются по своим взглядам, то в обществе, где приходится скрывать свои мысли, распространяется система тотальной лжи и двойной морали.

Жесткое подчинение правителям тоталитарного государства распространяется на все сферы общественной жизни — прежде всего производственную. Элементарная ячейка тоталитарного общества — «начальник — подчиненный», в которой каждый выполняет роль начальника для нижестоящего и роль подчиненного по отношению к вышестоящему. Двойственное отношение «начальник — подчиненный» проникает внутрь каждого человека, и ролевой социальный конфликт превращается во внутренний психологический, меняя структуру личности.

По А. Панарину, «тоталитаризм связан с авангардом, с механизмами модернизационной мобилизации и унификации (нивелирования), а вовсе не с пережитками традиционалистской культуры» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 204). «Тоталитаризм в XX в. выступает как судьба деятельных и амбициозных народов, энергетика которых перестала регулироваться изнутри, со стороны религии и совести, и потому перешла в сферу жесткого внешнего регулирования» (Там же. С. 17).

В тоталитарном государстве может быть то, что можно назвать социалистической демократией, т.е. относительное равенство социальных условий жизни широких слоев общества. Это было в СССР, что составляло принципиальное отличие советского строя от других. Сюда входили право на труд, бесплатное образование (включая высшее) и медицинское обслуживание для всех. В этом отношении тоталитарный режим продвинулся по направлению к социальному государству дальше, чем западные демократии, и концепция государства всеобщего благоденствия базировалась на достижениях советской власти.

Тоталитарные режимы подразделяют в зависимости от того, какая идеология внедряется в сознание людей в качестве единственно верной и приемлемой. Для правого тоталитаризма характерна ориентация на националистическую идеологию, для левого — на социалистическую в коммунистическом варианте. При правом тоталитаризме человек всецело поглощен государством, при левом — не только государством, но и определенным классом. Можно выделить также религиозный тоталитаризм, в котором роль единственно правильного учения закрепляется за религией. Тоталитарные режимы противоречат индивидуальной человеческой природе, которая при них не только не достигает самоактуализации, но и извращается.

Г. Маркузе дает расширенное толкование тоталитарности, под которое подходят и демократические страны. «Ибо тоталитарность является не только террористической политической унификацией, но и террористической технико-экономической унификацией, которая действует, манипулируя потребностями при помощи насущных интересов... Тоталитаризму способствуют не только особая форма правления или партийное господство, но и особая система производства и распределения, которая вполне уживается с „плюрализмом“ партий, газет, „управляющих сил“ и т.п.» (Американская социологическая мысль. С. 126). «Более того, сами корпорации фактически являются тоталитарными организациями и действуют вовсе не по демократическим правилам» (Хомский Н. Цит. соч. С. 18).

Русский философ и социолог **А.А. Зиновьев** (1922—2003) также рассматривает тоталитарность как тенденцию, которая может проявить себя в любом обществе. «Поскольку власть в силу социальных законов присваивает ум и волю общества, она, естественно, стремится фактическое положение дела сделать максимально близким к этому идеалу и рассматривает своеволие лиц, которые без ее ведома начинают размышлять об обществе, о его законах, системе управления, состоянии хозяйства, права, печати, искусства и т.д., — как незаконное вторжение

не в свое дело» (Зиновьев А.А. Цит. соч. С. 154). Зиновьев рассматривает разные варианты тоталитарности в различных типах обществ и, в частности, говорит о денежном тоталитаризме, заключающемся в том, что деньги становятся силой, определяющей все сферы общественной жизни.

АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ

Авторитарным режимом называют такой, в котором правит диктатор или немногочисленная элита, узурпировавшая управление государством, но не препятствующая людям делать то, что они хотят в других областях жизни. Этот режим как бы говорит подданным: «Читайте что хотите, пойте, танцуйте, но в политическую сферу не вторгайтесь. Этим занимаюсь я».

В отличие от тоталитарного режима авторитарный может не пропагандировать и использовать открыто идеологию, поскольку не нуждается в том, чтобы подданные поддерживали политическую линию государства. Он даже в отличие от демократического режима может вообще обойтись без идеологии, поскольку не нуждается в политическом участии населения.

Что касается партийной системы, то при авторитарном, как и при тоталитарном, режиме имеет место однопартийная система. Но по той же причине, по которой авторитарный режим может обойтись без идеологии, он может обойтись без партий вообще, поскольку не нуждается в массовой поддержке населением. Этим он опять-таки отличается от демократического режима, основанного на многопартийности.

Л.Н. Толстой дал уничтожающую критику авторитарного режима дореволюционной России, которая по точности и глубине оценок вполне заслуживает того, чтобы его называли не только гениальным писателем, но и выдающимся ученым.

Л.Н. Толстой писал, что существует два класса, которые он назвал насилующим и насилуемым. Представители правящего класса, имея много денег и собственности, заставляют работать на себя, применяя три различных способа насилия: личное, захват земли и производимого продукта и денежное. Эти способы не сменяют друг друга в истории, как по схеме К. Маркса феодальное общество сменяет рабовладельческое и само заменяется капиталистическим, а сосуществуют. Способ порабощения физического действует в армии, и миллионы солдат фактически рабы тех, кто ими управляет. Порабощение отнятием земли тоже налицо. «Мы на нашей памяти, — пишет Толстой, — пережили в России два перехода рабства из одной формы в другую: когда освободили крепостных

и помещикам оставляли права на большую часть земли, помещики боялись, что власть их над их рабами ускользнет от них; но опыт показал, что им нужно было только выпустить из рук старую цепь личного рабства и перехватить другую — поземельную» (Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Собр. соч. В 22 т. Т. 16. М., 1983. С. 264).

Многие тогда не поняли, почему царь-освободитель дал крестьянам волю, а землю у них отобрал. Думали даже, что здесь какая-то ошибка, и ждали, что землю отдадут. Этого не произошло. Почему, Л. Толстой объясняет с помощью весьма методологически плодотворного образного представления о трех винтах. «Все три способа можно сравнить с винтами, прижимающими ту доску, которая наложена на рабочих и давит их. Коренной, основной средний винт, без которого не могут держаться и другие винты, тот, который завинчивается первый и никогда не отпускается, — это винт личного рабства, порабощения одних людей другими посредством угрозы убийства мечом; второй винт, завинчивающийся уже после первого, — порабощение людей отнятием земли и запасов пищи — отнятие, поддерживаемое личной угрозой убийства; и третий винт — это порабощение людей посредством требования денежных знаков, которых у них нет, поддерживаемое тоже угрозой убийства» (Там же. С. 262).

Представление о трех винтах помогло Толстому объяснить отнятие земли у освобожденных крестьян в 1861 г. Л. Толстой сказал бы, что насилующий класс, ослабив один винт, подтянул другой, заменив рабство личное на денежное. Говоря о пределе ограбления, он писал: «Правительства же все всегда перейдут этот предел, во-первых, потому, что для правительства не существует нравственного чувства, а во-вторых, потому, что, как мы знаем, правительства сами находятся в крайней нужде» (Там же. С. 247). «Мужики давно знают, что рублем можно бить больше, чем дубьем... Говорить о том, что деньги не производят порабощения, — это все равно, что было бы говорить полстолетия тому назад, что крепостное право не производит порабощения» (Там же. С. 249—250).

Правящий класс перешел от показавшегося ему малоэффективным феодального насилия к представившемуся более перспективным капиталистическому. Один винт ослабили, другой тут же подтянули под усыпляющие разговоры о свободе, гласности и т.п., которые оказались столь же удачной наживкой, как и обещания всеобщего счастья, освобождения труда и т.д.

Все происходящее описано Л. Толстым со всей силой его таланта. Государство, переходя к денежной форме рабства, говорит: «Между собой распоряжайтесь, как хотите, но знайте, что я не буду защищать и отстаивать ни вдов, ни сирот, ни больных, ни старых, ни погорелых;

я буду защищать только правильность обращения этих денежных знаков. Прав будет передо мной и будет отстаиваться мною только тот, кто правильно подает мне, согласно требованию, установленное количество денежных знаков. А как они приобретены — мне все равно» (Там же. С. 260).

Для полного порабощения рабочего необходимы все три винта, но в разные периоды сильнее давит то один, то другой. Их и регулирует власть, предоставив право выбора при голосовании, но ухудшив материальную жизнь большей части населения.

«Последнее же, денежное — податное насилие — самое сильное и главное в настоящее время, получило самое удивительное оправдание: лишение людей их имущества, свободы, всего их блага делается во имя свободы, общего блага. В сущности же оно не что иное, как то же рабство, только безличное» (Там же. С. 273). Л. Толстой ставит вопрос о власти денег, а не об экономических законах, потому что плутократия осуществляется не только экономическими, но и прямыми политическими средствами. Деньги — системный показатель, который не вписывается в рамки политэкономии.

Возможность голосовать отнюдь не препятствует тому, что власть находится в руках олигархии. Обеспечивая власть денег и используя приемы денежного порабощения, она грабит страну и ее обитателей. «Во всех человеческих обществах, где были деньги, как деньги, всегда было насилие сильного и вооруженного над слабым и безоружным... Во всех же известных нам обществах, где есть деньги, они получают значение обмена только потому, что служат средством насилия. И главное значение их не в том, чтобы служить средством обмена, а в том, чтобы служить насилию» (Там же. С. 251).

Авторитарное государство существует в традиционных (патриониальных, по **С. Айзенштадту**) обществах, в которых имеет место: 1) централизация в политическом и социальном отношении с малой статусной автономией периферии и взаимодействием социальных групп; 2) традиционная социальная и политическая пассивность большинства населения; 3) традиции руководства не содержат стремления к тотальному контролю над социальной и территориальной периферией; 4) господствует дух патернализма. Примером авторитарного режима является Испания при **Франко**, многочисленные диктаторские режимы в Центральной и Латинской Америке, в Африке и Юго-Восточной Азии. Такой режим существовал в средневековой Европе и России до 1917 г. Сейчас зона его распространения по мере включения населения в активную политическую жизнь сужается и он эволюционирует в направлении режимов других типов.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Слово «демократия» используется ныне в самых разнообразных контекстах. Но о политических процессах и их результатах нельзя судить по тому хорошему названию (самоназванию) или по тому плохому ярлыку, которым их наделяют участники событий. Одно и то же слово может иметь несколько значений.

Широко распространенное в нашей стране, как и на Западе, понятие демократии по отношению к существующему политическому строю применялось и в советское время. Тогда тоже строй назывался демократическим. Речь шла о социалистической демократии, и имелись в виду такие социальные блага, как право на труд, отдых, бесплатное медицинское обслуживание, образование и т.п., т.е. демократия понималась в смысле социального равенства людей. Такое толкование имеет право на существование, как и нынешнее, когда подразумевается совсем иное: всеобщее избирательное право и допущение оппозиции и свободы печати. Именно это объявляется сейчас демократией. Западные политологи уточняют порой, что имеется в виду, когда говорится о плюралистической демократии (допущение оппозиции), рыночной демократии (соревновательность политических партий в борьбе за голоса избирателей) и т.п. Эти уточнения преследуют цель сохранить слово «демократия» и гордое самоназвание политиков — «демократ». Здесь демократия понимается в смысле политической свободы, которая по большому счету столь же демократична, как и демократия в смысле экономического равенства.

Из концепции представительной демократии, говорящей, что интересы народа представляют те, кому он отдает свой голос, следует, что формальный носитель власти не совпадает с реальным обладателем ее. Существуют различные варианты представительства, но нигде оно не бывает полным. Концепции плюралистической, рыночной или элитарной демократии ближе к действительности, но дальше от демократии в ее исконном древнегреческом смысле, а концепции плебисцитарной и партисипаторной демократии представляют собой скорее пожелание, чем реальность.

Некоторые западные политологи соглашаются с тем, что демократией можно назвать идеал, а не реальное политическое устройство. Это не аутсайдеры или анархисты, а многолетний президент Американской ассоциации политической науки Р. Даль, который предлагает различать демократию как идеал и полиархию как реальность. Буквально в переводе с греческого этот неологизм означает «власть многих». Но имеют ли

«многие» реальную власть? Можно также предложить понятие «плюралистического элитаризма», отражающее и то, что власть находится в руках меньшинства (элиты), и то, что многие более или менее открыто борются за нее (плюрализм). **Г. Алмонд** утверждает, что для нормального функционирования политической системы западного типа не только массы, но и лица, принимающие решения, должны верить в демократический миф (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 609). Существование такого мифа влечет за собой важные последствия — «в него верят».

Важно различать исторические формы и видеть разницу между ними и идеалом, который тоже по-разному понимался в истории социально-политических учений. Соглашаясь с Р. Далем, что понятие демократии не отражает реального способа функционирования современной западной системы власти, и не принимая полностью предложенное им понятие полиархии, будем использовать традиционный термин «демократия», имея в виду, что современный западный режим власти отличается от тоталитарного и авторитарного по тем особенностям, которые рассмотрены ранее при характеристике тоталитаризма и авторитаризма: форме идеологичности, количеству партий и степени политического участия.

Что касается применения идеологии, то оно здесь не меньше, чем в тоталитарном государстве, но не бросается в глаза и распространяется более тонко, преимущественно в неявной форме, с помощью скорее хитрости, чем прямой силы. Западный режим многопартиен, хотя наличие большого количества партий уживается с идеологическим единством.

Что касается воздействия на население, то оно столь же большое по результатам, но более скрытое, чем в тоталитарном государстве. Существующее государственное регулирование экономической деятельности не силовое, а по преимуществу финансовое благодаря регулированию денежных потоков. В «демократическом» государстве существует, как пишет А.А. Зиновьев, «денежный тоталитаризм». Цензура отсутствует, но воздействие на население через СМИ не силовое и откровенное, как в тоталитарных странах, а психологическое. Желаемый же результат — манипулирование общественным мнением — пожалуй, даже сильнее. Западные государства используют силу не менее, чем авторитарные и тоталитарные, и наперегонки с последними участвуют в гонке вооружений, и различие здесь не в степени применения силы, а в формах и эффективности внутренней и внешней политики (табл. 1).

При тоталитаризме люди обязаны иметь чужое мнение, при авторитаризме не должны иметь свое мнение, при плюрализме могут иметь свое мнение. В тоталитарном обществе в политике участвуют по принуждению, в демократическом — по доброй воле.

Характеристики политических режимов

Признак	Тоталитарный режим	Авторитарный режим	Демократический режим
Использование идеологии	Открытое	Идеологии может не быть	Скрытое
Партийная система	Однопартийная	Партий может не быть	Многопартийная
Политическое участие	Большое	Небольшое	Большое
Воздействие на население	Насильственное во всех сферах	Насильственное в политической сфере	Преимущественно психологическое во всех сферах

Какие черты характерны для современного западного режима? Это относительная независимость ветвей власти, независимые источники информации, соревновательность, свободное голосование, наличие политических свобод, развитие гражданского общества. Данные признаки присущи разным странам в разной степени, и по их распространению можно вычислить «индекс демократии». В него включают ряд пунктов.

1. Честные и свободные выборы.
2. Система избрания законодательной власти.
3. Система избрания исполнительной власти.
4. Свобода СМИ.
5. Свобода деятельности оппозиционных организаций.
6. Правовые санкции.

Во влиятельном источнике дается такое определение демократии: «Это политическая система, в которой граждане пользуются совокупностью основных гражданских и политических прав и где ведущие политические лидеры избираются в ходе свободных и честных выборов и действуют в рамках власти закона» (*Алмонд Г. и др.* Цит. соч. С. 63). Значит, чтобы страна по праву считалась демократической, мало самого факта выборов. Надо, чтобы они были свободными и честными, чтобы избранные действовали в рамках закона и чтобы граждане пользовались гражданскими и политическими правами. Эти права — свобода слова, печати, собраний, митингов и шествий — записаны в конституциях большинства стран, но из этого тоже нельзя заключить, что ими реально пользуются. Но даже если все признаки соблюдены, непрямая, или представительская, демократия в современных странах «не может считаться ни полной, ни совершенной» (Там же. С. 64). «Проблема демократии не сводится к вопросу „все или ничего“. Нет совершенных демократий,

и мы можем говорить об объемах и степенях развития демократии» (Там же. С. 65).

Наличие данных признаков не дает оснований считать режим демократическим, поскольку отсутствует то, что в буквальном смысле означает демократию — народовластие. Прямая демократия в современных государствах в отличие от Древней Греции невозможна, как и представительность в полном смысле этого слова. Речь может идти об относительной представительности в том случае, когда имеет место не только выборное, но и контролирующее начало, действующее не постфактум, когда срок исполнения данной должности закончился (тогда нет гарантии, что представительность вообще будет осуществлена), а во время исполнения представительских функций.

Большие размеры государства и численности населения увеличивают возможности манипулирования массой со стороны элиты. То, что невозможно скрыть в малой группе, успешно камуфлируется в современном государстве, и этим объясняется широкое распространение выгодных элите мифов, в том числе мифа представительства, которые не принимались бы всерьез, если бы государство ограничивалось размерами древнегреческого полиса.

Р. Даль рассматривает вопрос о политическом равенстве и решает его положительно, тогда как этого нет нигде. В политической сфере это так же невозможно, как в экономической. Наличие у каждого гражданина одного голоса свидетельствует о политическом минимуме, но не о политическом равенстве людей. Р. Даль задает вопрос, на который не находит ответа: если рыночная экономика не демократична и усугубляет политическое неравенство, то как она может соответствовать демократической системе, моральный фундамент которой — политическое равенство. Все дело в том, что современная представительная демократия не основана на политическом равенстве и не обеспечивает его. Можно говорить не о правовом равенстве как равенстве всех перед законом, а о политической пропорциональности. Если за критерий взять степень пропорциональности, то можно выделить тоталитарные, авторитарные и демократические режимы. Пропорциональность уменьшается, но никогда не доходит до нуля: «Ни в одном государстве никогда не было формы правления, которая в полной мере отвечала бы критериям, определяющим демократический процесс. Не было и нет» (Даль Р. Цит. соч. С. 45).

Рост влияния масс настолько важен в современном мире, что положительный термин «демократия» используется в демагогических целях для обращения к народу, когда нуждаются в его поддержке. Действен-

ность этому приему придают слова другого француза — поэта **А. Ламартина**: «Народы так же падки на лесть, как и тираны».

Рассуждения о демократическом мифе напоминают следующий афоризм: «На свете существуют две истины, которые следует помнить нераздельно. Первая: источник верховной власти — народ; вторая: он не должен ее осуществлять».

«В буквальном смысле демократия означает „власть народа“, но в крупных и сложных обществах правление всего народа невозможно» (*Смелзер Н.* Социология. М., 1998. С. 532). Принцип выборности и смены правителей с запретом занимать одному человеку должность больше, скажем, двух сроков есть норма, ориентированная на демократию, но если замена осуществляется в пределах одного класса, то данная форма правления остается элитократией.

ВИДЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Демократия присуща всем народам и обществам и представляет собой общечеловеческое явление, а не только феномен западного образа жизни. Демократия, по Арону, — это «общество масс» в том смысле, что низшие и самые многочисленные слои трудящихся выходят на арену истории. «Вместо того, чтобы быть локализованным в одном формационном пространстве — в рамках капиталистического общества, политическая демократия в разных формах появляется то в рабовладельческой античности (в форме демократически организованного полиса), то в феодальном средневековье (в форме самоуправляющихся городских общин, земств, коммунальных автономий, закрепленных нормами магдебургского права), то в буржуазных парламентских республиках XIX—XX вв.» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 156). Имеет место маятник власти (рис. 2).

Три вида демократии последовательно сменяли друг друга: 1) прямая демократия греческих полисов; 2) солидаристская демократия Средневековья; 3) представительская демократия Нового времени.

Солидаристская демократия, или демократия коллективного участия, оформляется в Средневековье. Примером ее являются немецкие ландтаги — политические системы, образованные по сословному признаку, в которых каждое сословие представлено делегатами, защищающими его специфические интересы. По свидетельству А. Токвиля, му-

ниципальные свободы сохранялись во Франции вплоть до конца XVII в. «Встречаются города, представляющие маленькие демократические республики, где должностные лица свободно избираются всем народом... где деятельна муниципальная и общественная жизнь, где община еще гордится своими правами» (Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1911. С. 52).

Рис. 2. Маятник власти в политической истории мира

В России средневековые формы демократии (Земский собор) были уничтожены с петровским поворотом на Запад. Они возродились после Февральской революции 1917 г., но уже Октябрьский переворот 1917 г. устранил их. Большевики распустили Учредительное собрание в январе 1918 г., выборы в которое происходили в 1917 г.

По мере развития тенденции социальной интеграции меняются формы демократии. «Итак, мы имеем два образа, или модели, демократии: демократия самостоятельных общин, в которых правом на участие в решении пользуются все, и демократия формально-представительского типа, в которой граждане путем выборов передоверяют право на решения особым представителям, постепенно превращающимся в новую элиту — класс политических профессионалов... демократия участия — это система с мгновенной и всепроникающей обратной связью, в то время как иерархическая представительская демократия больше напоминает систему с односторонней связью сверху вниз» (Панарин А.С. Цит. соч. С. 292—293).

А. Токвиль, а вслед за ним и современные политологи различают «демократию свободы» и «демократию равенства». Первая либеральна и аристократична, вторая массова. «Если предоставить людям их спонтанным возможностям, предоставить им свободу инициативы, они неизбежно придут к неравным результатам, к неравенству престижа и благосостояния. Чтобы обеспечить фактическое равенство, пришлось бы ограничить свободу, подменить инициативу социально-экономической деятельности регламентирующей вездесущей опекой государства» (Панарин А.С. Цит. соч. С. 158). «Технологический прогресс и развитие сферы услуг в сочетании с распространением рыночной экономики приводят к росту неравенства богатства и доходов. В последние десятилетия эта тенденция отчетливо прослеживается в экономически передовых обществах и с еще большей остротой начинает влиять на развивающиеся экономики» (Алмонд Г. и др. Цит. соч. С. 67). Антиномию свободы и равенства нельзя полностью преодолеть, но ее можно ослабить, если разрешить инициативу в определенных областях и обеспечить равенство там, где это возможно. Для осуществления ограниченного равенства важен принцип социальной мобильности и равных потенциальных возможностей. Роль государства при этом не уменьшается, но усложняется.

Современные западные режимы называют конституционно-плюралистическими, чтобы подчеркнуть, что это не просто режимы безраздельной власти большинства, а режимы, при которых имеют место гарантии для различных политических взглядов. Демократия должна находить баланс между уважением воли большинства и защитой прав меньшинства.

Опасность представительской демократии в общем плане проистекает из следующего принципа, сформулированного М. Крозье: каждая посредническая инстанция, участвующая в передаче и реализации решения, в то же время обнаруживает тенденцию своекорыстно интерпретировать и «приватизировать» его.

Существует следующая закономерность.

«По мере того, как политические системы становятся более сложными, богатыми и технологически развитыми... степень свободы политического участия становится более проблематичной... В современном обществе правительство может попытаться поставить под контроль потоки информации и коммуникации, формирование установок и культуры и набор альтернатив (если таковые имеются), предлагаемых гражданам, либо манипулировать ими» (Алмонд Г. и др. Цит. соч. С. 64).

Проблема демократии — узловая для современной истории, вплоть до того, что с ее решением связывают конец истории как таковой, как делает американский ученый **Ф. Фукуяма** в нашумевшей работе «Конец истории?». «То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории как таковой, а завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной демократии как окончательной формы правления» (*Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–135*).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Демократию можно классифицировать также по сферам, в которых обнаруживается ее присутствие. В этом смысле можно выделить социальную, экономическую и политическую демократию.

Мы рассматриваем прежде всего политическую сферу, но несомненно, что она связана с другими. Человеку, привыкшему подчиняться на производстве, трудно сделать самостоятельный политический выбор. Еще труднее это сделать в силу непосредственной зависимости человека и его вышестоящего начальства от политической конъюнктуры. А еще труднее солдату, который клянется беспрекословно выполнять приказы командиров.

Политическую «демократию не зря связывают с частной собственностью и рыночной экономикой. Дело здесь не только в том, что рыночные отношения означают экономическую самостоятельность, независимость от государственной власти и связанных с нею патерналистских ограничений» (*Панарин А.С. Цит. соч. С. 189*). Принцип отделения хозяйственных функций от политических является базовым признаком Запада и основой западной демократии, поскольку «автономия хозяйственной сферы вместе с автономией гражданской жизни предопределяют появление суверенного индивида, защищенного частным правом... На Востоке богатство является функцией власти и определяется статусом индивида в системе властных отношений. Ни в одной стране Востока не было частного права в собственном смысле» (*Панарин А.С. Цит. соч. С. 170*).

Рассматривая связь демократии с деятельностью «экономического человека», у которого телесные нужды стоят выше духовных, А. Панарин делает вывод: «Вот он — парадокс демократии: ее предпосылкой является в определенном смысле порча человека — угасание

морально-религиозного пафоса... Итак, демократия оплачена ценой, которую в некоторых незападных культурах могут оценить как непомерно высокую: вынесение идеалов за скобки — за пределы того, по поводу чего общаются деловые люди в деловом обществе» (Панарин А.С. Цит. соч. С. 189).

Мы видим в обществе переплетение тоталитарных, авторитарных и демократических аспектов. Решающим для определения режима является не ярлык, который он наклеивает себе или который наклеивают ему, а конкретный расклад трех сторон, неразрывно ему присущих. Можно классифицировать режим по одной какой-либо преобладающей стороне, но о двух других сторонах тоже забывать не стоит. В капиталистическом обществе имеет место политическая формальная демократия с авторитаризмом реальной власти и экономическим тоталитаризмом на предприятиях. В социалистическом обществе политический тоталитаризм сочетается с авторитаризмом реальной власти и социалистической демократией на предприятиях.

Словосочетание «социалистическая демократия» тоже было не случайно. Оно выражало нацеленность на внедрение демократии в первичные коллективы. Создавались профсоюзные, женские, молодежные организации, которые в весьма ограниченных пределах позволяли трудящимся участвовать в жизни коллективов и принятии определенного круга решений, касающихся прежде всего бытовых и личных вопросов. Это была ограниченная прямая демократия на низших неполитических этапах управления. Ее обратной стороной было то же, что имело место в античной прямой демократии, — ограничение автономности частной жизни. Например, нарушение норм морали приводило к «персональным делам», которые рассматривались в партийных и профсоюзных организациях. При этом все интимные стороны личной жизни становились достоянием членов организации, которые на основе подробных расспросов делали вывод о моральном облике провинившегося и наказании, которое он заслуживает. Перед людьми, нарушившими нормы морали в быту, закрывались возможности роста по шкале политической, экономической и профессиональной стратификации. Существовали и разнообразные формы материальных и моральных поощрений для особо отличившихся (почетные грамоты, премии и т.п.).

Социальная демократия — это и есть демократия участия в решении непосредственных социальных проблем жизни, территориально ориентированная демократия. Основы экономической демократии создают кооперативные предприятия, на которых действует принцип

участия всех работающих в управлении производством и распределением. Соединение социальной и экономической демократии способствует демократии политической, когда люди начинают принимать участие в решении государственных проблем.

Естественный путь развития демократии – ее выращивание снизу, а не спускание сверху. Государство может способствовать этому процессу. Сверхзадача в данной области – соединение социальной, экономической и политической демократии.

ФОРМАЛЬНАЯ, РЕАЛЬНАЯ И ИДЕАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Концепции демократии и противостоящая им концепция элит свидетельствуют, что проблема демократии относится как к практике, так и к теории. «В каждой демократической стране наблюдается значительный разрыв между демократией реальной и демократией идеальной» (*Даль Р.* Цит. соч. С. 34). Различение идеальной и реальной демократии вполне уместно, но оно подрывает справедливость использования в этом случае слова «демократия», что приводит к предложению заменить его словом «полиархия». Это почти калька со слова «демократия», ограниченная демократия, в которой правят не все, но многие. Данное слово подходит для обозначения режимов в Древней Греции, если учесть, что там правила граждане, но не рабы, чужестранцы и женщины, но не подходит к современному государству, поскольку многие («поли») в нем не принимают политических решений. Плюрализм означает наличие многих точек зрения, но не то, что каждый может ее иметь и высказать. Наличие плюрализма и выборности создает иллюзию демократии.

Люди по закону равны (каждый имеет один голос), но они социально не равны, и поэтому демократия остается формальной, а в реальности управляют сильнейшие, т.е. имеющие большие социальные и экономические возможности. Именно поэтому представительскую демократию Запада называли **формальной** и противопоставляли ей социальное равенство, создающее условия для демократии реальной.

По мнению Арона, демократия как политическое равенство не только состоятельна, но и непреодолима, однако демократия как фактическое равенство антропологически невозможна, так как люди

фактически не равны. Капитализм способствовал становлению представительской демократии, но между капитализмом и демократией существует противоречие. Оно оставляет демократию на стадии формальной и мешает ее превращению в реальную как на уровне отдельного предприятия, так и на государственном уровне. «Формальная демократия не смогла предотвратить отчуждение политической власти от граждан. На ее основе не удалось построить действительно самодеятельное гражданское общество, основанное на разнообразном социальном творчестве, касающемся малого мира повседневности» (Панарин А.С. Цит. соч. С. 295). Но способно ли к творчеству большинство людей?

«Мы вас выбрали, решайте», — говорят люди. Но из того, что осуществлен выбор, не следует необходимость решений в пользу тех, кто выбирал, особенно при отсутствии действительного контроля и права отзыва депутатов. «Общества формальной демократии страдают не только от переизбытка власти наверху, они страдают от дефицита политической власти, если подразумевать под последней систему эффективных социальных решений... Поляризация на политически имущих, сохраняющих монополию на принятие решений, и политически неимущих, отлученных от решений, является, быть может, более удручающим социальным неравенством, чем многократно описанное имущественное неравенство» (Там же. С. 302). Формальная демократия не заменяет реального неравенства людей и рассматривает его как изначально данное, хотя оно может быть и результатом определенных социальных отношений. То, с чем боролась буржуазно-демократическая критика старых феодальных привилегий, неравенство стартовых условий и отсутствие честной соревновательности, вернулось в социум в виде новых буржуазных привилегий — денег и собственности. То, что власть имущие предпочитают этого не замечать, и ведет к попыткам внеконституционной борьбы.

Каковы характеристики **реальной** демократии?

1. У власти стоит активное меньшинство, получившее большинство голосов на выборах (принцип элитарности). Принцип элитарности определяет количество лиц, принимающих решения: 1) автократизм (диктатура, культ личности) → 2) элита → 3) прямая демократия (самоуправление на местном уровне, в маленьких государствах). Стрелка демонстрирует количественное движение от единицы до бесконечности.

2. Большинство населения не обладает властью, но имеет возможность открыто высказывать свои политические взгляды и участвовать в борьбе за власть (принцип плюрализма). Принцип плюрализма определяет количество функционирующих политических взглядов: 1) монополизм → 2) плюрализм → 3) единство. Стрелка демонстрирует количественное изменение от единицы через множество к единице.

3. Граждане имеют определенные политические свободы: слова, печати, собраний, организаций, забастовок, избирать и быть избранными на основе всеобщего прямого тайного голосования (принцип представительства). Принцип представительства определяет количество участвующих в выборах: 1) фиктивное, фальсифицированное голосование → 2) голосование с большей или меньшей отчетностью и контролем → 3) плебисцитарность (референдумы). Стрелка демонстрирует количественное изменение от нуля до бесконечности.

Режим может быть более или менее элитарным, плюралистическим и представительным. Реальная демократия относительна, поскольку различные политические взгляды обладают неодинаковыми силовыми, финансовыми, экономическими и информационными возможностями, и по соотношению этих условий можно судить о демократичности данного общества. Превышение определенного порога позволяет назвать данное общество относительно демократичным, а режим — реальной демократией. Он включает в себя также защиту прав меньшинств, и это не форма политической благотворительности, а важный атрибут функционирования данного типа общества. **Т. Джефферсон** говорил о выборном деспотизме, т.е. деспотизме тех, кого выбирают. О необходимости защиты прав личности писал **Дж. Милль**: «Все, что уничтожает индивидуальность, есть деспотизм» (*Милль Дж.С. Утилитаризм. О свободе. СПб., 1882. С. 153*). Отсюда предложения **К. Пошера**: 1) мы должны стремиться не к демократии, а к борьбе с тиранией; 2) «...было бы безумием основывать все наши политические действия на слабой надежде, что мы сможем найти превосходных или хотя бы компетентных правителей» (*Поннер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 163*); 3) «...в качестве принципа демократической политики можно назвать создание, развитие и охрану политических институтов, позволяющих избежать тирании» (Там же. С. 165). Демократия, таким образом, означает не только борьбу за власть большинства, но и борьбу за демократические институты. Опасностями, подстерегающими демократию, являются фальсификация волеизъявления и манипуляция общественным мнением.

Наличие «индекса демократии» показывает, в каком направлении должно двигаться общество, если действительно хочет прийти к демократии. Власть не может не быть олигархической (Р. Арон), но существуют различия в гарантиях для управляемых, привилегиях для элиты и ее открытости, степени честности выборов, независимости прессы, уважения к закону и правам меньшинств. Реальные демократии различаются по тому, допускаются или нет к участию в политической жизни не стоящие у власти группы, т.е. существует ли открытая политическая конкуренция и свобода оппозиции. Степень демократичности опреде-

ляется доступностью СМИ, отсутствием фальсификации на выборах, преследования оппозиции карательными органами. Другим важным показателем демократичности является фактическая степень участия граждан в политической жизни и развитие гражданского общества (пока даже в наиболее развитых странах Запада в заинтересованные группы входит не более одной трети населения). Важно не только наличие демократических институтов, обеспечивающих участие граждан в принятии решений, но и реальное их участие.

Какой должна быть **демократия как идеал**?

1. По возможности прямой (референдумы по важнейшим вопросам общественной жизни, широкое самоуправление, федерализм).

2. Не бюрократической (политические лидеры избираются всем населением и не зависят от государственной бюрократии и частных корпораций).

3. Не коррумпированной.

4. Уважающей права меньшинств (иначе деспотизм большинства).

5. Не агрессивной, исповедующей принцип ненасилия.

6. Контролируемой электоратом.

В таком обществе должны быть обеспечены подлинные политические свободы, соблюдение законов всеми, независимость СМИ, отсутствие денежного тоталитаризма, исполнение многих государственных функций гражданским обществом.

Шагами демократического ограничения власти были установление пределов власти и контроль за ней: «Великая хартия вольностей» (1215), «Хабедас корпус акт» (1679) в Англии; принцип разделения властей; «Декларация независимости» и Конституция США, «Декларация прав человека и гражданина» Великой французской революции; введение местного самоуправления и судебная реформа (например, в России при Александре II).

Демократия благоприятна там и настолько, где и насколько народ поднялся на достаточно высокий моральный и рациональный уровень. В противном случае она не приживается или принимает извращенные формы. «...формальная демократия сегодня не препятствует социалдарвинистскому вырождению социальной жизни, целиком отдаваемой на откуп рыночному естественному отбору» (Панарин А.С. Цит. соч. С. 319).

Сопоставляя демократию участия и представительскую демократию, А. Панарин пишет: «Демократия участия — не формальная, а экзистенциальная, затрагивающая всю совокупность условий существования человека, а потому весь строй его чувств и способностей... Политическая самодостаточность рядовых граждан, объединенных

на основе демократии участия и самостоятельно принимающих решения, касающиеся повседневности, несравненно предпочтительнее формальной демократии, отдающей вершение наших дел и судеб далеким от нас и зачастую коррумпированным политическим профессионалам» (Там же. С. 294, 296).

Перечень признаков подлинной демократии зависит от того, что признается важным. Можно составить индекс, в который занесены только признаки формальной демократии, или индекс, который включает в себя элементы содержательной демократии и степень ее реальности, а не только реальное осуществление признаков формальной демократии. Наиболее полный список должен включать в себя конечные цели демократизации в целом: наличие социальной демократии в дополнение к политической, наличие реальной демократии в дополнение к формальной. В наиболее полной форме демократия предстает как процесс демократизации, движение к идеалу подлинного народовластия, который виден в качестве горизонта и достижим при последовательном бесконечном пути к нему.

Лекция 8

УРОВНИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

УРОВНИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Политические процессы — это одно из самых широких понятий в политологии, под которое подводятся все разнообразные политические события. Одно из основных делений политики — на **внешнюю**, или **международную** (межгосударственную), и **внутреннюю**, или **национальную** (внутригосударственную). Соответственно, можно выделить два основных уровня политических процессов и высший, международный, подразделить на **глобальный** — уровень земного шара и **региональный** — уровень отдельных регионов, континентов и их частей, больших по масштабу, чем отдельное государство.

Это деление будет взято за основу, но следует иметь в виду, что существуют другие классификации политических процессов. Предлагается, например, деление на такие уровни: 1) персоналии; 2) официальные структуры; 3) политические элиты; 4) регионы; 5) массовое сознание. Здесь признаком выделения является степень приближенности к принятию решений в основном на государственном уровне. В свою очередь решения на каждом из уровней можно разделить на *явные* (видимые всем), *скрытые* (не выходящие на первый план и имеющие не замечаемый многими смысл) и *теневые* (остающиеся незамеченными большинству).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА: ГЛОБАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Причинами рассмотрения политических процессов на глобальном уровне и постоянно растущей его важности служит тенденция

глобализации современной жизни, проявляющаяся в различных сферах действительности.

1. **Политическая** сфера — постепенное превращение государств в единую мировую политическую систему путем создания глобальных политических органов, служащих взаимосогласованию политических решений представителями разных стран. Пример — ООН, созданная странами — победителями во Второй мировой войне — СССР, США, Великобританией и Францией — после ее окончания. Предшественницей ООН в 20—30 гг. XX в. была Лига Наций. Помимо ООН существуют другие всемирные организации, координирующие политику государств в разных сферах жизни: ЮНЕСКО — всемирная организация, решающая на глобальном уровне проблемы развития и сохранения культуры, Всемирная продовольственная организация, Всемирная торговая организация, Всемирный банк реконструкции и развития, Всемирная организация здравоохранения и т.п.

2. **Экономическая** сфера — появление транснациональных корпораций, которые охватывают, словно щупальцами, весь земной шар. Появляются и глобальные финансовые организации, например Международный валютный фонд.

3. **Информационная** сфера — появление глобальных систем передачи информации типа Интернета, что создает вокруг Земли информационные пояса и служит подтверждением концепции ноосферы.

4. **Транспортная** сфера — появление новых транспортных средств (самолет, а в недалеком будущем и космических), позволяющих быстро добраться до любой точки земного шара.

5. **Экологическая** сфера — обнаружение ограниченности земных ресурсов и обострение борьбы за них, увеличение воздействия на природу в целом и отрицательные экологические последствия такого воздействия.

6. **Демографическая** сфера — резкое увеличение общей численности населения планеты, превысившей 7 млрд человек, и растущие диспропорции распределения населения по поверхности Земли, увеличившие давление человека на биосферу и обострившие общую ситуацию на земном шаре.

7. **Военная** сфера — создание средств массового уничтожения, которые способны многократно уничтожить не только человечество, но и почти все живое на планете.

О глобальных проблемах заговорили в полный голос в XX в., и они прошли три этапа: 1) классический колониализм XIX — начала XX в., приведший к закабалению развитыми странами Европы большей части других народов; 2) борьба за передел колоний в начале XX в.; 3) крушение колониализма и создание двухполюсного мира после окончания Второй

мировой войны, одним из полюсов которого был западный мир во главе с США, а другим — социалистический лагерь во главе с СССР.

После распада СССР мир внезапно стал однополюсным с растущими точками влияния: Китай, Япония, Индия, Латинская Америка, исламский мир (рис. 3).

Рис. 3. Точки мирового влияния на Россию

Из схемы видно, что Россия, перестав быть одним из полюсов мира по своему географическому положению, продолжает находиться в центре мировой истории. Дело не только в том, что Россия — самое крупное государство и к тому же обладает примерно 30% всех запасов полезных ископаемых на Земле. Само ее положение в мире является центральным с точки зрения геополитики (о том, что такое геополитика, речь пойдет далее). Здесь отметим еще один интересный вывод из приведенной схемы. На ней, по существу, обозначены не государства, а цивилизации. Выдающийся английский историк XX в. А. Тойнби считал, что единицы истории — не государства, а цивилизации, которых на земном шаре порядка 20. В развитии данной точки зрения **С. Хантингтон** говорит о современном этапе человечества как о столкновении цивилизаций. Цивилизационный подход более адекватен современной исторической ситуации.

Значение глобального уровня становится все большим, и это объясняется тенденцией глобализации. **Н. Хомский** так обозначает связь глобализации со свободным рынком, которой придерживаются, в частности, США: «Рыночная дисциплина для вас, но не для меня, за исключением тех случаев, когда „игровое поле“ будет благоприятствовать мне, что обычно бывает результатом широкомасштабного государственного вмешательства» (*Хомский Н.* Цит. соч. С. 101). В результате обостряются противоречия между глобальным уровнем, на котором появляются новые детерминанты, и нижележащим уровнем.

ГЕОПОЛИТИКА

Геополитика появилась на рубеже XIX—XX вв. Объективной причиной ее становления стала тенденция глобализации; осознание того, что мир един, «заккрытие» мирового пространства; замедление европейской экспансии вследствие завершения раздела мира и обострившейся борьбы за его раздел.

Ввел термин «геополитика» шведский ученый **Р. Челлен**, который понимал под ним науку, рассматривающую государства в качестве географического организма или феномена пространства. В более широком плане геополитика рассматривает взаимозависимость политики и географического положения государства.

Важнейшее значение географических факторов в жизни общества признавала географическая школа в социологии в лице **Л.И. Мечникова**, **Ш. Монтескье**, **В.О. Ключевского**, непосредственная предшественница геополитики. Большое значение для становления геополитики имела «Политическая география» **Ф. Ратцеля**, вышедшая в 1897 г., а также труды **К. Хаусхофера**. Государство рассматривалось в геополитике как организм, действующий в соответствии с биологическими законами; продукт органической эволюции, укорененной в земле. Основным путем наращивания мощи и главной задачей государства признавалась в геополитике территориальная экспансия, или расширение жизненного пространства. В число основных параметров государства включали его географическое положение, природные ресурсы, климат, протяженность территории, численность населения.

В конце XIX в. дискуссионным в геополитике был вопрос о том, что важнее для государства: контроль над морями, как полагал американский адмирал **А. Мэхэн** в книге «Влияние морской силы на историю (1660—1783)», или владение так называемой срединной землей (Евразией), которую **Х. Маккиндер** называл «осью мировой политики» и провозглашал: «Тот, кто контролирует Восточную Европу, контролирует срединную землю; кто контролирует срединную землю, тот контролирует мировой остров; кто контролирует мировой остров, тот контролирует весь мир».

Ключевые понятия геополитики — «кровь и почва», «жизненное пространство» — сыграли большую роль в развязывании немецкими нацистами Второй мировой войны, хотя стремление совершать походы на Восток существовало еще до Гитлера и геополитики.

Геополитически мир стал моноцентричным после крушения СССР, которое было крупнейшим «политическим землетрясением» XX в. Сейчас можно часто услышать, что у современной России нет врагов и ей можно не заботиться о своей военной мощи. Это опасное самоуспокоение. Достаточно посмотреть внимательно на геополитическую карту мира, чтобы понять, что России не суждено мирно жить из-за ее территории, природных ресурсов и важного геополитического положения в центре самого большого континента. Значение этих факторов в современном мире еще больше возросло из-за экологического, демографического, ресурсного и продовольственного кризисов. Только ядерная мощь обеспечивала до сего времени России возможность мирной жизни. Россия должна быть

сильной и не может не быть таковой, если вообще хочет существовать. Или она будет великой, или ее не будет вовсе. Отсюда необходимость постоянного напряжения.

Основными факторами сохранения России являются: 1) современное оружие; 2) промышленность, основанная на высоких технологиях; 3) самообеспеченность продовольствием; 4) увеличение численности населения относительно со средними мировыми показателями; 5) духовное единство (религиозное, идеологическое, патриотическое); 6) сила духа и готовность к борьбе; 7) развитие национальной культуры и др. Соответственно другие страны будут стараться усилить свое военное, экономическое и культурное давление на Россию.

КОНЦЕПЦИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Данная концепция предложена **И. Валлерштайном** в 1967 г. Ее основная идея заключается в том, что тенденция глобализации приводит к объединению мира в единую систему. Валлерштайн проводит различие между мировыми империями и мировыми экономическими системами. Первые включали территории, объединенные военной и политической властью. Например, Римская империя и колониальные империи капиталистических стран в XIX—XX вв. У мировой экономической системы нет центральной политической власти. Такой мировой экономической системой И. Валлерштайн считает современный капитализм. Отсутствие единой политической власти способствует ее развитию, поскольку транснациональные корпорации находятся вне контроля правительств отдельных государств, что дает им возможность свободно перебрасывать денежные средства через государственные границы и обходить политические запреты. Мировая экономическая система, согласно Валлерштайну, включает центральные государства и периферийные и полупериферийные регионы, которые по сути управляются ими.

Миросистемная парадигма позволяет избежать крайностей цивилизационного униформизма («единый мир — единые законы») и некоммуникативного плюрализма, при котором отсутствует продуктивное взаимодействие народов. В этой парадигме «мир оценивается уже не преимущественно в технико-экономическом измерении, где его многообразие теряется в пользу сугубо количественных различий, и не в социокультурном, где на первый план выступают его качественные различия, а скорее в управленческом. Оценивается в конечном счете способность современного человечества стать субъектом решения одолевающих его глобальных проблем» (*Панарин А.С. Цит. соч. С. 184—185*).

Страны мирового центра (западные) и страны мировой периферии (все остальные) находятся здесь в неравном положении. Трудность стать субъектом мировой системы для развивающихся стран заключается не столько в нехватке природных ресурсов (часто они как раз имеют их в избытке), а в особенностях их современного развития. «Развивающиеся страны сегодня — это гибридные структуры, сочетающие разнородные в цивилизационном отношении, т.е. собственные и привитые со стороны (часто насильственно), начала. Ясно поэтому, что этим обществам значительно труднее приобрести форму самоорганизующихся систем, чем западным странам, генезис которых представлял собой автономный естественно-исторический процесс» (Там же. С. 185).

В настоящее время в мировой экономической системе доминируют США, страны Европейского сообщества (из них особенно выделяется Германия) и Япония. После окончания холодной войны мир стал однополюсным, точнее, остались разрозненные точки сопротивления однополюсному империализму, которые достаточно сильны, чтобы не подчиниться Западу, но недостаточно сильны, чтобы прийти на помощь другим. Это прежде всего Китай.

Рост разнообразия при нормальном функционировании общества должен быть охвачен единством, поэтому тенденция глобализации вполне естественна. И надо спешить занять свое место за единым столом. Как пишет **Н. Бирнбаум**, «возникновение мирового рынка и мировой структуры управления как результата мирового сообщества больше не относится к области мистики. Об этом можно говорить с полной определенностью» (Американская социологическая мысль. С. 105). В наличии «мировой закулисы», т.е. действующих тайно и претендующих на мировое господство организаций, нет ничего удивительного. Еще К. Маркс почти полтора века назад создал Интернационал как международный союз рабочих. Чем не прообраз единого государства? Если в Норвегии существует три части политической власти — правительство, корпорации и профсоюзы, которые совместно кулуарно принимают решения, то почему этого не может быть в масштабе планеты? Это служит оправданием разговоров о «мировой закулисе» и «мировом правительстве». Существуют организации, с которыми связывают такие названия: «Совет по международной политике», «Бильдерберийский клуб», «Трехсторонняя комиссия» (основана Д. Рокфеллером в 1973 г. в период энергетического кризиса, вызванного войной Израиля с арабскими странами), включающие влиятельнейших представителей промышленных, финансовых, правящих сфер Запада. Они стремятся держать в своих руках нити глобальной политики. Это переход экономического империализма в политический, дополняемый культурным. «Мировая закулиса», представленная могущественными

промышленными, финансовыми и политическими кругами, готовит будущий мировой порядок. Ее задача упростилась после того, как мир стал однополюсным, и сама ее деятельность стала более заметной.

Изучение «мировой закулисы» ждет своих исследователей. «Если нам однажды удастся выделить интересующую нас прослойку, то можно будет изучить ее деятельность во внутренней экономике, выяснить механизм, с помощью которого она втягивает другие группы элиты в империалистические предприятия, а также идеологические ресурсы, позволяющие создать — реально или *simulacrum* — консенсус» (Там же. С. 106). Экономическим ресурсом «мировой закулисы» являются ТНК, а идеологическим — представление о глобализации мира и общечеловеческих ценностях. Пропаганда общечеловеческих ценностей может быть способом подчинения интересов одних государств интересам других, что мы и видим на практике.

ТЕНДЕНЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Можно выделить семь тенденций социального развития на глобальном уровне. Это будут связанные друг с другом тенденции **рационализации; технизации, доходящей до индустриализации; разделения труда; индивидуализации; общественной дифференциации; усложнения общества; роста социальной связанности** вплоть до **глобализации**.

Тенденция глобализации тесно связана с другими социальными тенденциями: с тенденцией рационализации, поскольку мир в целом изменяется по общим рациональным правилам; тенденцией интегративного разнообразия, поскольку мир становится все более интегрированным, хотя с ростом разнообразия все не так просто, и именно унификация мира является одной из причин кризиса современной цивилизации.

В Древней Греции и других регионах (в частности, в Индии) были города-государства, имевшие все более сильно проявлявшуюся тенденцию к объединению путем заключения соглашений и покорения. Древний Рим — город-государство — превратился в крупнейшую империю Античности. Затем нашествие варваров приостановило на время интеграционный процесс в данном районе, но он шел в других частях планеты. «Еще где-то 500 лет назад Европа являла собою смешение политических систем (больших и очень маленьких), жители которых часто не имели ни чувство гражданства, ни общей идентичности. Большинство людей, по-видимому, не имели практически никакого представления о политической системе, к которой принадлежали. Потом Европа превратилась в нечто вроде совокупности наций-государств, каждое из которых удерживало свой народ посредством общей идентичности. Это произошло

не случайно, действительно, правительствам возникающих наций-государств пришлось немало для этого потрудиться» (*Алмонд Г. и др.* Цит. соч. С. 23). Система европейских наций-государств сложилась в Новое время, и Вестфальский договор 1648 г. закрепил данный принцип политической организации Европы. После Второй мировой войны часть государственной власти перешла к наднациональным организациям (сначала Общий рынок, а ныне Европейский союз). Стала создаваться единая Европа, и уже происходят выборы в Европейский парламент, функции которого все более расширяются. В 1999 году введена общая валюта — евро, которая достойно соперничает с американским долларом. Та же тенденция социальной интеграции проявляется в других регионах. В Америке аналогичную роль в части функций играет НАФТА — Североамериканское соглашение о свободной торговле. В Азиатско-Тихоокеанском регионе ныне формируется единое экономическое сообщество. В 2005 году состоялся учредительный саммит в Малайзии. Восточноазиатское сообщество (ВАС) объединяет государства общей численностью 3,5 млрд человек, имеющие ВВП 8,2 трлн долларов (70% от ВВП Евросоюза). России грозит, таким образом, оказаться между двух жерновов: ЕС и ВАС. А перед нею еще Америка, Африка и Ближний Восток.

На глобальном уровне большое значение приобретают культурные, цивилизационные различия. Чем в большей степени современные конфликты имеют глобальное измерение, тем более справедливым выглядит утверждение С. Хантингтона, что современные конфликты — это «конфликты цивилизаций».

С глобализацией научных законов проблем не возникает. А вот с глобализацией этических норм дело обстоит сложнее. Этические нормы формировались в пределах малых групп, а в отношении других групп было дозволено все — война, убийство, захват и обращение в рабство противников. Тенденция глобализации актуализирует конфликт внутри- и межгрупповых этических норм. Возникает искушение объединить мир путем его завоевания, используя межгрупповые формы поведения. Это вызывает противодействие, к примеру, в Ираке, где в результате военных действий США погибли, как признал президент Буш, 30 тыс. мирных жителей и 2140 военнослужащих США.

«Глобализация — это результат насильственного навязывания народам мира могущественными правительствами, особенно правительством США, торговых сделок и прочих соглашений, призванных облегчить корпорациям и богачам господство над национальными экономиками при отсутствии обязательств перед представителями этих наций» (*Хомский Н.* Цит. соч. С. 19).

ТНК называют фактическим мировым правительством новой имперской эры, или, как еще говорят, «мировой закулисы».

«Современный человек в качестве вождедеющего существа формируется уже не национальной, а общемировой системой духовно-символического производства, но в качестве производящего субъекта его возможности по-прежнему ограничены местными национальными рамками» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 96). Здесь следует отметить концепцию так называемых референтных групп, которые в качестве господствующих навязывают свои взгляды, вкусы и потребности всему остальному населению планеты. Существует понятие социокультурной модели. «Она воплощает не столько своекорыстную волю класса, сколько принудительный дух, господствующее вождение эпохи. Например, в наше время вожденной целью является рост, процветание, благосостояние» (Там же. С. 112).

Возникает вопрос, до какого момента тенденция глобализации, как и другие объективные тенденции, будет идти: бесконечно или до определенной точки? Эволюция глобализации придет, по-видимому, к некоторому завершению, но когда это произойдет, никому не известно. «Эпоха Просвещения верила в то, что переход из традиционного общества в современное, из архаики в модерн соответствует логике общечеловеческой культуры или общечеловеческой судьбы. Код всемирной истории — это всеобщий код, заложенный во всех культурах: вот почему, хотя и не все народы одновременно переходят в современность, все они находят в ней свой собственный дом, свою никем не навязанную судьбу» (Там же. С. 312). Нынешний экологический императив заставляет отказаться от этой идеи. В будущее войдут только избранные, и те, кто идет впереди, будут стараться закрыть за собой дверь, чтобы не пустить другие народы. Борьба за место под солнцем под влиянием экологического кризиса обострилась. «Так, мораль христианского и просвещенческого универсализма стала заменяться новой избраннической моделью — теорией Запада как избранного народа новейшей эры... Таким образом, индустриализация, урбанизация и просвещение из универсалистских ценностей превращаются в привилегию избранных любимцев прогресса... Зреет неприятный вывод: необходима новая расчистка этих дефицитных территорий от всего того, что местное население успело на них соорудить в ходе „затратных“, „нерациональных“ индустриализации, урбанизации и милитаризации» (Там же. С. 313). Однако для того, чтобы это население не сопротивлялось назревшему переделу ресурсов и территории, его необходимо лишить средств сопротивления — национального суверенитета и других атрибутов былой самостоятельности.

И. Кант утверждал, что вечный мир наступит только тогда, когда будет всемирное правительство. В этом есть логика — с кем воевать, если на Земле одно государство? Но сколько столетий потребуется для объединения мира в единую политическую систему, ученые сказать не могут. В истории имели место три глобальных проекта: Британская империя, советский коммунистический и современный американский. Два первых закончились неудачей.

Современные государства уже не могут быть полностью суверенными, разве что претендующие на мировое господство США. О данных претензиях говорит то, что США включают в сферу своих национальных интересов, по существу, весь мир и осуществляют агрессию в любой точке земного шара, как бы далеко она ни находилась от Америки. Можно ли сказать, что американский проект овладения миром по «индейскому варианту» уничтожения противников успешно претворяется в жизнь? Неудачная попытка Британской империи завоевать Афганистан после покорения Индии свидетельствует о том, что делать здесь какие-либо выводы преждевременно.

Тенденция глобализации таит в себе разные возможности. «Левое» видение тенденции глобализации дает книга **М. Хардта** и **А. Негри** «Империя» (2000), которая исходит из непреложности данной тенденции и рассматривает перспективы решения социальных проблем внутри объединяющегося мира. Нельзя сбрасывать со счетов и многочисленных антиглобалистов.

Параметры альтернативной глобализации: индустриализация с преимущественным развитием высоких технологий и фундаментальной науки, рост численности населения в пределах, необходимых для развития промышленного, сельскохозяйственного и научно-технического потенциала, и главное — реализация смысла жизни — духовный прогресс человека. Это глобализация без таких ее отвратительных черт, как агрессия — подчинение других народов огнем и мечом, разрушение природной среды, духовный кризис человека.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Региональный уровень как межгосударственный есть уровень взаимодействия между отдельными государствами.

Существуют три принципа международной политики, сформулированные философами Нового времени. *Первый принцип* — принцип войны всех государств против всех Т. Гоббса. *Второй* — диаметрально

противоположный — принцип создания мирового правительства, рассмотренный И. Кантом в работе «К вечному миру». Наконец, *третий принцип* взаимодействия государств, предложенный **Г. Гроцием**, — принцип сосуществования и соглашения между ними. Именно этот принцип, по крайней мере на словах, стал в современном мире основным в межгосударственных отношениях.

Региональный уровень является проекцией глобального уровня, и то, что на нем происходит, невозможно адекватно понять вне геополитического контекста. Например, агрессия стран НАТО против Югославии прикрывалась заботой о соблюдении прав человека в Косове, а имела в виду стратегическая цель продвижения НАТО на Восток. Постоянное давление западной цивилизации на другие по линии техники, музыки, моды переходило по мере возможности в экономическое и политическое. Культурная экспансия прокладывает дорогу политической (если у них лучше музыка, то, может быть, политическое устройство тоже лучше?). Внешнее давление порождает внутренний культурный раскол (церковный и светский), а духовный раскол ведет к распаду государства. Так приближается поражение через подражание. Сдерживающим фактором помимо внутренней консолидации является поиск региональных стратегических союзников, каковыми для России помимо других славянских стран и стран СНГ являются в настоящее время Индия, Китай, страны арабского мира, Центральной и Латинской Америки, противостоящие западной (прежде всего американской) экспансии. Два процесса, происходящие на региональном уровне, сейчас наиболее важны: объединение Европы, предсказанное О. Кантом, и распад СССР.

Законы взаимодействия государств очень жестоки, и слабые становятся жертвой сильного. После создания атомного оружия, способного уничтожить все человечество, наметился переход от «горячих» к «холодным» войнам, в которых важнейшую роль играет информационное оружие. Но целью и в этом случае является распад государства и уменьшение его населения.

Две теории взаимодействия на региональном уровне сейчас наиболее влиятельны. Одна — **теория конвергенции**, в соответствии с которой глобальные тенденции индустриализации и урбанизации ведут к увеличению сходства между прежде различными обществами. Согласно же **теории зависимости**, развитые и промышленные страны искусственно сдерживают развитие других стран с помощью своего экономического господства. Развитые страны представляют собой метрополии, в то время как отсталые — их сателлиты, и это положение с течением времени все более закрепляется. Развитые страны извлекают из отсталых сырье, капитал и излишки продукции, охотно давая отсталым странам займы

и другие виды помощи. Международные фирмы и банки, проводящие политику развитых стран, обуславливают эту помощь правом контролировать изменения политики налогообложения, расходы на оборону, благосостояние населения, экономическое развитие и уровень безработицы, становясь тем самым теневым правительством. Таким образом, борьба между государствами на региональном уровне принимает новые, более разнообразные и хитрые формы, чем раньше.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Внутренняя политика есть политика внутригосударственная. Этот политический уровень — базисный в истории со времен становления наций-государств в начале Нового времени. Внутренняя политика неразрывно связана с внешней, протекающей на глобальном и региональном уровнях.

Так, распад СССР определялся как внутригосударственными, так и международными процессами. То же самое можно сказать и о войне в Чечне, которая подпитывалась из-за рубежа исламским миром и Западом, причем если первый помогал боевикам физической силой и оружием, то второй — рассуждениями о нарушении прав человека, предложением собственного арбитража, посредничества ОБСЕ и т.п.

Принципиально важные политические процессы, протекающие на государственном уровне, делятся на три большие группы: *модификация*, *трансформация* и *модернизация*.

Модификация означает существенное изменение политики государства в плане его реформирования. Примером является «новый курс» американского президента **Ф.Д. Рузвельта** после экономического кризиса конца 20-х гг. XX в., когда государство с целью восстановления статус-кво взяло на себя функции регулирования экономики, финансовой системы, социальной защиты населения.

Следующей формой политических изменений является **трансформация** — резкое изменение формы правления в государстве. Если модификация сочетается со словом «реформа», то к трансформации больше подходит слово «революция», означающее коренное изменение ситуации, качественное преобразование системы. Такая трансформация произошла в России в 1991—1993 гг., когда советская власть сменилась президентской республикой и произошли существенные изменения в экономической области (приватизация, т.е. замена общественной собственности на средства производства частной). Некоторые исследователи

не склонны называть это революцией, так как изменения не сопровождались крупными жертвами, но главный признак революции — не ее насильственный характер, а глубина преобразований.

Известный современный политолог **Р. Дарендорф** для оценки изменения государственности в странах Восточной Европы предложил неологизм «революция», состоящий из соединения слов «реформа» и «революция», имея в виду мирное, но кардинальное преобразование.

Наконец, третьим видом политических изменений является **модернизация**. Это понятие употребляется в двух смыслах: во-первых, как процесс рационализации и осовременивания политической системы развивающихся, прежде всего афро-азиатских стран; во-вторых, перенимания этими странами политической структуры Запада. Предпосылками модернизации в развивающихся странах являются: 1) относительное увеличение численности городского населения по сравнению с сельским; 2) рост численности рабочего класса и индустриальных предприятий современного типа; 3) переход к формальному государственному образованию со всеобщими стандартами. Как следствие — происходит модернизация в следующих формах: 1) рационализация политической власти — ее большая открытость, ясность, замена традиционных, религиозных, семейных, этнических институтов власти одной — светской; 2) дифференциация новых политических функций: политическая сфера отделяется от религиозной и племенной; административная иерархия усложняется; формируются правительственные, военные, внешнеполитические и другие структуры; разделяются полномочия центральных и местных органов власти; 3) расширение участия населения в политической жизни (расширение избирательного права, создание партий и других организаций).

Модернизация в политическом отношении представляет собой внедрение какого-либо проекта в предполагаемую косную среду. «Ясно, что в модернизаторской парадигме демократия вряд ли имеет шансы на утверждение. В самом деле, демократия есть власть, избираемая и направляемая волей электорального большинства. Но если предполагается, что это большинство образует косную традиционалистскую среду, то реформаторское меньшинство вряд ли может положиться на его волю и идти на риск свободных выборов. Модернизаторское недоверие в отношении архаичной культуры большинства объясняет нам, почему столь часто модернизаторы говорят о „несвоевременности“ демократии и уповают на авторитаризм» (Панарин А.С. Цит. соч. С. 197). Отрицательная сторона модернизации связана с тем, что новый проект вносится извне в данное государство и данный народ. Для осуществления этого проекта используется «внутренний колониализм» — «всемерная концентрация национальных ресурсов в руках центра посредством экспроприации провинций (регионов)» (Там же. С. 115).

Модернизация всегда сталкивается с традицией, и это может поставить непростые вопросы перед демократией. Что если большинство населения, придерживаясь традиций, не захочет модернизации? Тогда неизбежно навязывание ее сверху, что может вызвать противодействие. «Модернистские проекты XX века представляют собой определенный баланс авторитарно-догматической „научности“ и социальной сострадательности» (Там же. С. 105).

Трансформацию политической системы России вначале также порой называли модернизацией, имея в виду скорее второе значение понятия модернизации в смысле перенимания Россией западных форм власти (даже чисто словесно — президенты, спикеры, мэры). Однако в отличие от развивающихся стран СССР имел достаточно развитую систему власти, и понятие модернизации здесь вряд ли уместно. Если же говорить по существу, то в России политические модификации происходили и раньше, причем с неоднозначными результатами. Модернизация в одной области по западному образцу приводила к возникновению конфликта с другими областями. Экономическая модификация во второй половине XIX в. (освобождение крестьян, развитие крупной промышленности) породила социальный конфликт, что привело к политической нестабильности и затем — к Революции 1917 г., которая сопровождалась идеологической модификацией. Та в свою очередь вошла в противоречие с социальной реальностью и привела к политической трансформации 1991 г. В результате через деиндустриализацию, «утечку мозгов» и капиталов пришли к «модернизации» в кавычках.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Детерминантами называют причины процессов. Они делятся на формы и виды. По форме детерминанты разделяются на жесткие и нежесткие (неоднозначные, вероятностные).

Наука XVII—XIX вв. считала, что в мире действует жесткая однозначная детерминация, т.е. каждое конкретное следствие имеет одну причину. Так полагала классическая физика, а вслед за ней и вся, в том числе и гуманитарная, наука. В соответствии с этим, например, социальная концепция К. Маркса строилась на основе жесткой детерминации: общественно-экономические формации четко следуют одна за другой в определенной последовательности: первобытно-общинная,

рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая — и не могут ни остановиться, ни пойти вспять, только вперед.

Естествознание XX в. отошло от представления о жесткой детерминации к представлению об индетерминизме (отсутствию причинности вообще) и о неоднозначной (вероятностной) детерминации. Вслед за естествознанием к этому выводу пришли гуманитарные науки. С точки зрения неоднозначного детерминизма одно следствие может иметь несколько причин, а одна причина может приводить к различным следствиям. Даже при одинаковых обстоятельствах результат может быть разным, и, стало быть, наука дает прогноз с какой-то долей вероятности, на основе господствующих в настоящее время тенденций. Нет одной дороги, по которой друг за другом следуют все страны, а имеет место веер возможностей, из которых реально осуществляется одна. Лишь на такой неоднозначный прогноз отваживается современная политология. В соответствии с этим в современных условиях у России и других стран есть не один, а несколько вариантов, но какой из них они выберут, предсказать строго научно нельзя.

Некоторые исследователи идут еще дальше. Так, **П.А. Сорокин** считал, что в мире господствует ненаправленная динамика, т.е. изменения происходят в разных направлениях, меняя их в любой точке, в том числе на полностью противоположное. На такой же позиции стоял В. Парето в своей концепции циркуляции элит.

Соединением этих представлений о формах детерминации является универсальная схема развития, предложенная в 70-х гг. XX в. новой дисциплиной физического цикла — *синергетикой*. В соответствии с этой схемой развитие осуществляется в двух областях — устойчивости и неустойчивости (космоса и хаоса). В зоне устойчивости система функционирует по определенным законам, т.е. имеет место однозначная или вероятностная детерминация (такое функционирование называется линейным, потому что его всегда можно выразить линией на графике). В зоне же неустойчивости происходит качественное преобразование (или гибель) системы, и ее динамика не подчиняется законам вплоть до особой точки бифуркации, преодолев которую система опять будет функционировать детерминированно, но, возможно, по другим законам. П.А. Сорокин называл такие два периода в жизни социальной системы нормальным и революционным.

Особую форму детерминации по принципу «вызов — ответ» предложил А. Тойнби. По ней развитие социальной системы происходит в результате ее реагирования на внутренние или внешние воздействия на нее, ставящие под вопрос ее существование («вызов ситуации»). Если система найдет адекватный ответ на вызов, ее развитие будет про-

должаться. Например, первобытный охотник, совершенствуя средства массовой охоты, истребил крупных животных — мамонта и др., и его существование оказалось под вопросом. Но он нашел адекватный ответ на вызов — перешел в результате неолитической революции от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству и тем самым обеспечил себе дальнейшее и более ускоренное развитие.

Куда движется история? В направлении осуществления тенденций мирового развития. Глобализация является одной из объективных тенденций. Наряду с ней есть и другие объективные, а также субъективные детерминанты. Эти тенденции могут осуществиться в разных странах разными путями, а необязательно теми, по которым движется Запад. Был советский путь, теперь путь стран Юго-Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Малайзия) и путь коммунистического Китая. Альтернативные пути соревнуются между собой, и какой из них победит, покажет будущее. Имеет также место «внутренний колониализм». Это стремление технократического центра освоить по-своему те части мира и данного государства, которые еще сохраняют свою самобытность. «История и география, принадлежность к культурной традиции и к территории становятся способом самоопределения тех, кто сопротивляется внутреннему колониализму. Региональное сознание и защита местных автономий являются фундаментальной опорой сопротивления технократической власти», — пишет **А. Турен** (*Tourain A. La societe postindustrielle. P., 1969. P. 78–79*).

Мир также разделяется на «мир внешний, публичный, маскулинизированный, где царствует сила, и мир внутренний, домашний, женский, где царит забота», — считает **Р. Гароди**. «Образ Женщины служит той великой метафорой, которой обозначают и поруганную, оскверненную природу, и поруганную, претерпевшую насилие личность, и страдающие от насильственных модернизаций и внутреннего колониализма народы, сгоняемые в индустриальные гетто то под наганами большевистских комиссаров, то по указке комиссий по планированию новых территориально-производственных комплексов» (*Панарин А.С. Цит. соч. С. 201*).

Наконец, можно считать, что никакой детерминации вообще нет, а имеет место чудо. Такой подход выходит за рамки науки, так как ее цель заключается в объяснении событий путем поиска их естественных причин.

ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Детерминация называется объективной, если событие **не зависит от воли конкретных людей**. Объективные детерминанты подразделяются по видам и содержанию. По видам объективные детерминанты могут быть

экономическими, технологическими, политическими, географическими и т.п. По содержанию объективные детерминанты можно разделить: 1) на глобальные и внутригосударственные тенденции; 2) национальный характер данного народа, его историю и культуру; 3) давление других государств и сфер жизни (науки, техники, экономики).

Детерминация считается субъективной в той степени, **в которой события зависят от воли конкретных людей.** Это могут быть политические лидеры, социальные группы (например, партии), широкие массы населения. Обычно заметные изменения происходят путем воздействия на достаточно инертный центр политического спектра справа и слева. Традиционно левым в XIX и первой половине XX в. считался пролетариат, а традиционно правой — мелкая буржуазия. Те и другие были носителями соответственно коммунистической и националистической идеологии.

Во второй половине XX в. ситуация изменилась. Что касается левой части спектра, то положение рабочего класса в западных странах улучшилось настолько, что его революционный энтузиазм испарился и с помощью профсоюзов он вписался в существующие политические структуры (характерно название фильма **Б. Бертолуччи** «Рабочий класс идет в рай»), а численный состав по мере автоматизации производства неуклонно снижался, так что даже если бы он по-прежнему стремился к революционному переустройству общества, то у него не хватило бы на это сил. Как пишет Г. Маркузе, два больших класса, противостоящих друг другу, — буржуазия и пролетариат — больше не являются носителями исторических преобразований.

На смену традиционно левым пришли новые левые, в состав которых входят люди творческих профессий — гуманитарная интеллигенция, экологи — представители «зеленого» движения, антиглобалисты и т.п. Их целью является движение в сторону «коммунизма» (не коммунизма), новых форм совместного общежития, защиты природы и гармонизации взаимоотношения с ней человека, развития его творческих потенций и т.д. Эти силы в настоящее время слишком слабы, чтобы реально и кардинально воздействовать на политические процессы.

Гуманитарная интеллигенция, как писал американский социолог и политолог **Д. Белл** (1919—2011) в книге «Культурные противоречия капитализма» (1976), оказалась маргиналом организованной буржуазией «экономической цивилизации». Тяготение интеллигенции к демократии связано с особенностями ее труда, поскольку демократизация служит условием профессиональной эффективности в сфере духовного производства. Демократизация связана с рационализацией, которая необходима интеллигенции. «Сегодня считается доказанным, что научная рациональность — продукт особой цивилизации, высвободившей лич-

ность из пут принудительной коллективности и тем самым включившей процесс рефлексии. Рефлектирующий человек — это человек, поставивший себя в критически отстраненное отношение к коллективным нормам и верованиям».

На левом крыле оказались так называемые пролетарии Фрейда, сменившие утративших революционность пролетариев К. Маркса. В первую очередь это женщины и молодежь. «Главной проблемой нефрейдистов выступает технократическая мобилизация личности, искажающая ее природу и эксплуатирующая более тонкие материи, нежели способность к физическому труду. Речь идет не столько об эксплуатации в собственном смысле, сколько о подавлении и манипулировании» (Там же. С. 200).

Новая дифференциация: по половозрастному признаку, по этническому: «обособляются группы, отказывающиеся подчинять свой этнический „этос“ национально безликой гражданственности, противопоставляющие культурную память классическим формам политической идентичности (классовой, идеологической, конституционно-государственной); региональному: кристаллизуется новая категория жителей региона, идентифицирующая себя по историко-географическим критериям и защищающая местную среду и ресурсы от „внутреннего колониализма“, олицетворяемого федеральным центром и его промышленными и финансовыми ведомствами» (Там же. С. 204).

Появилось понятие «контркультуры», и оно объясняется противостоянием господствующей культуре. Более точно называть это направление альтернативной культурой. В марксизме используется понятие двух культур: культуры эксплуататоров и культуры эксплуатируемых, разделенных не по содержательному признаку (естественники и гуманитарии), а по отношению к основной линии преобразований. Необходимо уточнить, что сопротивление не является признаком отсталости. Изменения должны удовлетворять принципу преемственности, и смысл сопротивления в том, чтобы бороться с бегущими «вперед прогресса».

Субъективной детерминантой прогрессивных изменений является новый тип человека политического, связанный с демократией участия. «Надо сказать, в современном обществе есть группа, по всем социальным показателям не относящаяся к маргинальным слоям, профессионально связанная с инфраструктурой постиндустриализма. Речь идет о том самом альтернативном „среднем классе“, который сегодня идентифицируется не по уровню доходов, а прежде всего по квалификационно-образовательному уровню. В отличие от экономического человека, сосредоточенного на материальных благах в их недвусмысленном количественном выра-

жении, он олицетворяет собой самореализующегося человека, сосредоточенного на показателях активного социального участия» (Там же. С. 319).

Что касается правых, то и они не совсем те, что прежде. В дополнение к национализму, ориентации на решение геополитических задач данной нации, а кое в чем и на смену ему пришел религиозный фундаментализм (например, исламский). Враги новых правых не только представители других наций, но и мондиалисты и глобалисты — сторонники объединения мира и создания единого правительства и единой всемирной культуры.

Не один класс осуществляет прогресс общества (капиталист, как считали апологеты капиталистического строя, или пролетариат, как полагали марксисты), а все классы соревнуются между собой, осуществляя свои интересы, и в их борьбе выясняется, кто из них способен претендовать на роль движителя прогресса.

Лекция 9

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

По форме процессов можно различать **сотрудничество** и **конфликт**. Это две крайности, а на самом деле имеет место непрерывная градация от гармонии до войны.

Политическое сотрудничество и конфликты имеют свою специфику, отличающую их от других сфер социума. К формам политического сотрудничества на политическом уровне можно отнести ряд форм.

1. Поддержка властью политических партий и общественно-политических движений.
2. Создание местных союзов потребителей и других «групп давления».
3. Использование референдумов и других форм прямой демократии.
4. Отчеты и выборность на всех уровнях власти.
5. Предоставление группам граждан широких полномочий для знакомства с деятельностью администрации.
6. Совместное проведение исследований по актуальной общественно-политической тематике.

К формам протеста на государственном уровне относят несколько форм.

1. Апелляция к закону («соблюдайте свою Конституцию»).
2. Апелляция к разуму и здравому смыслу: написание листовок, книг, обращение к органам власти.

3. Апелляция к морали, поскольку власть имущие нарушают этические нормы и прибегают к насилию.
4. Послание писем правительству и чиновникам.
5. Митинги, демонстрации, забастовки.
6. Нетрадиционные формы: приковывание себя цепями и т.п.
7. Террор, забрасывание камнями, баррикады.

Разнообразные формы конфликтных взаимоотношений изучает конфликтология.

Одна из основных точек зрения на конфликт («столкновение» — в пер. с лат.) рассматривает его как неизбежный результат внутренней противоречивости самого человека, общественного устройства, как обязательную предпосылку прогресса (вспомним диалектический закон единства и борьбы противоположностей Гегеля).

Условия для возникновения конфликта создают отношение господства, борьба за власть и материальные ресурсы. Главные задачи теории конфликта: 1) выведение конфликта из особенностей социальных структур; 2) установление условий, при которых конфликт негативен или позитивен. Различают три этапа развития конфликта: 1) конфликт в себе (структурные элементы различия интересов); 2) осознание латентных интересов; 3) столкновение.

Американский социолог **Л.А. Козер** (1913—2003) в книге «Функции социального конфликта» разделяет конфликты на **позитивные** и **негативные**. «Внутренние социальные конфликты, затрагивающие только цели, ценности и интересы, которые не противоречат принятым основам внутригрупповых отношений, как правило, носят позитивный характер... Если же противоборствующие стороны не разделяют больше ценностей, на которых базировалась законность данной системы, то внутренний конфликт несет в себе опасность распада социальной системы» (Американская социологическая мысль. С. 542).

Л.А. Козер делает такое заключение: «Группы, которые поглощены непрерывной внешней борьбой, обычно претендуют на абсолютную личностную вовлеченность своих членов, с тем чтобы внутренний конфликт привел в действие весь их энергетический и эмоциональный потенциал. Поэтому такие группы отличаются нетерпимостью к более чем однократному нарушению внутреннего единства. Здесь существует ярко выраженная тенденция к подавлению внутренних конфликтов. Если же такой конфликт все-таки возникает, он ведет к ослаблению группы путем раскола или насильственного подавления инакомыслящих» (Там же. С. 544). Напротив, «частичное участие в массе конфликтных ситуаций является механизмом, поддерживающим равновесие внутри групповой структуры» (Там же). В свободно структурированных группах с гибкой

структурой конфликт выполняет функции стабилизации и интеграции внутригрупповых отношений.

Социальный конфликт есть способ адекватного приспособления социальных норм к изменившимся обстоятельствам. Общества с гибкой структурой поэтому более жизнеспособны, чем общества с жесткой структурой, препятствующей конфликтам выполнять их адаптационную роль.

«Социальные системы, — пишет Козер, — отличаются друг от друга уровнем толерантности и институционализации конфликтов» (Там же. С. 545). Специальные социальные институты могут выполнять роль «предохранительных клапанов» для «освобождения» агрессивных тенденций, и потребность в таких «клапанах» увеличивается с ростом жесткости социальной системы.

Конфликты можно классифицировать в соответствии со степенью их нормативной регуляции: от дуэли до борьбы без правил с полным уничтожением противника (именно такие антагонистические конфликты предполагаются в концепции К. Маркса). Другие классификации: по длительности, интенсивности, степени насильственности. Шкала насильственности: от войны и вооруженной борьбы до беседы, дискуссии и переговоров в соответствии с правилами вежливости и с открытой аргументацией. Между ними — забастовка, конкуренция, драка, взаимный обман, угроза, ультиматум. Интенсивность конфликта не всегда прямо пропорциональна его насильственности. Могут быть конфликты интенсивные, но не насильственные и наоборот. Интенсивность конфликта больше, если цена поражения выше.

Конфликтные ситуации играют интегративную и стабилизирующую роль. Но для того, чтобы конфликт был позитивен, необходимо преодолеть его стихийность, придать ему характер разумной организации и упорядочения, сделать социально контролируемым. Факторы снижения интенсивности конфликта: 1) его открытость; 2) вертикальная и горизонтальная мобильность; 3) более плюралистическая структура общества; 4) разнообразие плоскостей конфликтов, их несмешивание (скажем, экономических с политическими). Такой конфликт превращается из разрушительного в созидательный. Социально регулируемый конфликт не тормозит, а стимулирует позитивные изменения.

Большое значение для разрешения конфликта путем компромисса имеют «свидетельства-символы, которые позволяют четко обозначить тот или иной исход борьбы и соотношение ресурсов и ее участников. Когда процесс применения этих символов высоко институционализи-

рован, продолжительность и интенсивность конфликта уменьшаются» (Там же. С. 555).

Способы разрешения конфликта: 1) подавление (не эффективно); 2) «отмена» (попытка ликвидировать противоречия); 3) регулирование (контролирование, так как причины устранить нельзя).

Сюда относятся: перевод конфликта в открытую форму (манифестирование), установление «правил игры», не дающих предпочтения ни одному; ограничение конфликта исходными противоречиями («канализирование»), переговоры, привлечение третьей стороны (посредничество, арбитраж).

Некоторые ученые поднимают теорию конфликта до значения подхода, противопоставленного функционализму и нацеленного на поиск и урегулирование социальных противоречий. Для этого к теории конфликта подверстывается марксизм и другие аналогичные направления. В рассмотрении политических конфликтов велика заслуга **Р. Дарендорфа**. Политический конфликт у Дарендорфа выступает как часть механизма политического воспроизводства. Конфликт есть форма перевода латентной энергии гражданского противостояния, не подвластного регулированию, в явную, институтированную, пригодную для управления со стороны политического класса. При этом последний должен осознавать положительную роль конфликта. По Р. Дарендорфу, конфликт — «отец всех вещей, т.е. движущая сила изменений», но он не должен быть войной.

НЕНАСИЛИЕ В ПОЛИТИКЕ

«Войны всегда возникают как раз по вине государственных деятелей», — писал немецко-американский философ и психолог **Э. Фромм** (1900—1980) в «Здоровом обществе» (Психоанализ и культура. М., 1995. С. 276). Государственные деятели — люди, обладающие монополией на власть, и когда они общаются между собой на международной арене, это чревато опасностью силовых решений.

Поскольку именно политические конфликты грозят наиболее разрушительными последствиями, рассмотрим метод ненасильственного разрешения политических конфликтов, предложенный вождем индийского народа **Махатмой Ганди** в период его борьбы против английского владычества. М. Ганди называл себя учеником Л.Н. Толстого, провозгласившего нравственную максиму «Не противься злу насилеием», вокруг которой было много споров. Ганди превратил этот лозунг в политическую практику. Его метод, названный им *сатьяграха*, состоит из трех частей: 1) несотрудничество (отказ от должностей, бойкот товаров, правитель-

ственных и иных учреждений); 2) гражданское неповиновение (неподчинение законам колониальной администрации); 3) активное сопротивление (митинги, демонстрации, походы).

Активное ненасильственное сопротивление в отличие от пассивного (поджоги домов, голодовки в тюрьмах) — это, по М. Ганди, оружие не слабых, а сильных. «Храбрость ненасилия во много раз превосходит храбрость насилия», — писал М. Ганди (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 154). Именно ненасилие позволяет адекватно решать сложные проблемы: «...каждая проблема поддается разрешению, если мы решительно настроены сделать закон правды и ненасилия законом жизни» (Там же. С. 156). Но «подобно тому, как при обучении насилию необходимо учиться искусству убивать, так при обучении ненасилию необходимо учиться искусству умирать» (Там же. С. 153—154).

Сатьяграха дала возможность Индии освободиться от колониальной зависимости. В 60-е годы XX в. метод ненасилия успешно применял борец за гражданские права американских негров **М.Л. Кинг**. «Пожалуй, в рациональном обуздании социальных конфликтов заключается одна из центральных задач политики», — подчеркивал Р. Дарендорф (Там же. С. 791).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Одним из аспектов социологии является управление обществом как важный момент его развития, который нуждается в особом рассмотрении в рамках и социологии, и политологии. Политическая социология является такой промежуточной дисциплиной между социологией и политологией, которая изучает взаимоотношения между обществом и государством, социальным строем и политическими институтами.

Политическая социология использует те же методы, что социология и политология. Польский политолог **Е. Вятр** называет в качестве главных: 1) исторические данные; 2) наблюдения и эксперименты; 3) статистический анализ материалов; 4) опросы населения с помощью специально подобранных тестов. Под наблюдением следует понимать получение информации как непосредственно (например, в условиях, когда исследователь анализирует собравшуюся толпу), так и косвенно (когда он пользуется документальными свидетельствами поведения индивидов). Используется и экологический подход — поиски статистической зависимости между политическим поведением и социальными характеристиками среды.

Два основных направления политической социологии — политическая стратификация и изучение взаимоотношений между политической и другими сферами жизни.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Политическая стратификация, как любая другая социальная стратификация, призвана распределить людей по определенному признаку, в данном случае — по их участию в политической жизни и влиянию на нее.

Существуют общие закономерности политической стратификации, отмеченные П.А. Сорокиным.

1. При общих равных условиях, когда увеличиваются размеры политической организации, т.е. когда увеличивается число ее членов, политическая стратификация также возрастает.

2. Когда возрастает разнородность членов организации, то стратификация также увеличивается, и наоборот.

3. Когда оба эти фактора работают в одном направлении, то стратификация изменяется еще больше, и наоборот.

4. Когда один или оба этих фактора возрастают внезапно, как в случае военного завоевания или другого обязательного увеличения политической организации или (хотя и редко) в случае добровольного объединения нескольких прежде независимых политических организаций, то политическая стратификация поразительно усиливается.

5. При возрастании роли одного из факторов и уменьшении роли другого они сдерживают влияние друг друга на флуктуацию политической стратификации.

Политическая организация понимается здесь в самом широком смысле — от партии до государства. Очевидны параллели данных выводов с законом олигархизации Михельса. Представим политическую стратификацию в виде конуса и рассмотрим последовательно ее наиболее интересные слои (рис. 4).

Р. Даль выделяет три основные причины стремления людей к власти: 1) во имя общего блага; 2) эгоистические цели; 3) по неосознанным мотивам (сюда относится и стремление с помощью власти возместить психологические травмы, полученные в детстве, о чем пишет **Ч. Лассуэл**, а в основе лежит фрейдистская концепция).

Человек, жаждущий власти, отличается следующими особенностями: 1) ценит обладание властью превыше всего; 2) претендует на власть для себя и тех, кого отождествляет с собой; 3) полон уверенно-

сти, что добьется власти; 4) обладает минимумом качеств, необходимых профессиональному политику.

Рис. 4. Конус политической стратификации

Р. Даль выделяет также четыре уровня и типа отношения к политике и четыре критерия степени вовлеченности в политическую деятельность. Среди типов отношений он различает:

1) аполитичный слой, инертное большинство, преследующее лишь личные, далекие от политики цели, к которому относится $\frac{2}{3}$ населения (главными для него являются его собственные интересы, все остальное представляет неважным);

2) заинтересованный в политике слой, понимающий, что собственные интересы можно удовлетворить с помощью политических решений (сюда входят члены заинтересованных групп);

3) слой искателей политической карьеры — людей, понимающих значение политики и желающих ею заниматься (сюда относятся партийные функционеры);

4) слой политических лидеров — людей, обладающих в высшей степени соответствующими качествами политика плюс удачливостью и готовностью поступиться всем во имя достижения политических целей.

ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Три качества, по М. Веберу, являются для политика решающими: страсть — в смысле самоотдачи делу; чувство ответственности перед этим делом и глазомер — «способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 22), в том числе к самому себе. Чем в большей степени политик обладает данными качествами, тем ближе он к занятию лидирующей позиции. Среди качеств, присущих политическому лидеру, выделяют следующие.

1. Способность аккумулировать и адекватно выражать интересы членов общества и заинтересованных групп.

2. Способность заставить людей поверить в себя.

3. Способность вести за собой последователей и массы.

4. Способность выдвигать новые идеи (инновационность).

5. Информированность о широком круге событий и об истории.

6. Чутье на ситуацию и новые идеи.

7. Лексикон — умение с каждым говорить на его языке.

Главная задача политика как такового, а тем более лидера, не научная деятельность и не «работа с людьми», а регулирование общественных отношений. При этом он должен помнить, что лидерство — средство осуществления цели, каковой является общественное благо.

М. Дж. Херманн предлагает следующую классификацию политических лидеров.

1. Лидер-знаменосец: имеет собственную оригинальную политическую цель и способность увлекать за собой. К этому типу относятся **Петр I, М. Ганди**.

2. Лидер-служитель: точно выражает и реализует интересы своих приверженцев и действует от их имени. Пример: **Л. И. Брежнев**.

3. Лидер-торговец: добивается признания путем убеждения людей с помощью знания их потребностей и желания их удовлетворить. Пример: **Р. Рейган**.

4. Лидер-пожарный: быстро реагирует на насущные требования времени и масс и способен эффективно действовать в экстремальных ситуациях. Пример: **Ф.Д. Рузвельт**.

Надо иметь в виду, что это идеальные типы, а в реальной жизни встречаются различные сочетания отмеченных качеств.

В. Парето предложил свою классификацию политиков. К типу *A* относятся люди, стремящиеся к идеальным целям и следующие определенным правилам поведения. Для своих приверженцев это «честные», «справедливые» люди; для противников — «фанатики» и «сектанты». Политиков типа *B* Парето делит на две подгруппы — *B* (α) и *B* (β). Первые довольствуются обладанием властью и почестями и предоставляют материальные выгоды своим клиентам. Вторые сами используют политику как средство получения материальных выгод для себя и своих сторонников.

На роль политических лидеров претендуют первые лица государства, облеченные правом принимать решения, — лица, принимающие решения (ЛПР). Их количество в каждый момент времени невелико. Ч.Р. Миллс считает, что в современных США таким правом наделены 40—50 человек. Они и находятся на вершине политического конуса.

Американский социальный психолог **К. Левин** выделяет стили руководства: **авторитарный (директивный)**, означающий жесткое руководство с акцентом на административное принуждение; **демократический (коллегиальный)**, предполагающий акцент на побуждение путем коллегиального обсуждения, а не принуждения; **либеральный**, при котором руководитель предоставляет событиям возможность идти своим чередом, уповая на то, что природа человека или природа процесса сами приведут к нужному результату (как говорят, «пускают все на самотек»). Различные управленческие стили на разных стадиях принятия решений ведут себя по-разному. «Авторитарный стиль отличается максимальной оперативностью в процессе принятия решений, но эта оперативность достигается ценой существенной деформации самого процесса принятия решений, искусственным свертыванием ряда его ответственных этапов. Поэтому выигрыш во времени, получаемый в период принятия решений, почти всегда теряется за счет низкого качества решений и вытекающей отсюда необходимости „на ходу“ корректировать или даже вовсе менять решения... Вот он парадокс политической истории: либеральные руководители, затягивающие процесс принятия необходимых решений тогда, когда еще имелись большие резервы времени и „ресурсов“, готовят обществу ситуацию, когда решения придется принимать в условиях жесткого прессинга времени и обстоятельств» (*Панарин А.С. Цит. соч. С. 247*).

Выделяют три измерения политического лидерства: 1) инструментальное; 2) эмоциональное; 3) интегративное.

Если в первом измерении главное — информированность, профессиональные свойства, то во втором — способность конвертировать логические результаты в эмоционально-образную сферу. Между инструментальным и эмоциональным лидерством могут возникать противоречия, так как чем больше информированность, тем труднее ее представить в виде всем понятного образа, воздействующего на эмоциональную сферу.

Процесс принятия решений включает в себя ряд стадий.

1. **Формулировка проблемы.** Здесь опасность представляет ситуация «блокированного общества», описанная М. Крозье: наличие блокады, препятствующей переводу социальной информации, накапливающейся в неофициальных коммуникациях, в официальные, где происходит обеспечение решений. Для качественной формулировки проблемы необходим прорыв блокады, обеспечивающий доступ как к официальной, так и неофициальной политической информации.

2. **Сбор недостающей информации.** Новая проблема всегда требует новой информации. Поскольку информация всегда будет неполной, большое значение приобретает политическая интуиция.

3. **Формулировка управленческой гипотезы — предварительной модели решения.** Здесь необходима деятельность воображения и умение делать логические выводы из имеющихся в распоряжении посылок.

4. **Апробация гипотезы.** Здесь существует трудность преодоления соблазна выдать свою личную гипотезу за наиболее верную. Чтобы преодолеть эту опасность, необходимо проводить обсуждения, деловые игры, ставить социальные эксперименты и т.п.

5. **Социализация предложенного решения, т.е. преодоление социального барьера сопротивления данному решению.**

ВЛАСТВУЮЩАЯ ЭЛИТА

Так называется книга американского ученого **Ч.Р. Миллса** (1916—1962). Предмет его исследований — не элита в целом, в состав которой входит, скажем, интеллектуальная или спортивная элита, но правящая часть политической элиты (В. Парето различал правящую политическую элиту и неуправляющую политическую элиту). Ч.Р. Миллс рассматривает «треугольник власти» — экономические корпорации, правительство, генералитет, которые образуют систему социального господства.

Властвующая элита — это составляющие меньшинство общества дифференцированные группы людей, занимающие руководящие должности в политической, экономической и военной сферах и непосредственно влияющие на принятие государственных решений.

Властвующая элита представляет собой как бы одну сверхкорпорацию, состоящую из трех взаимосвязанных частей. Так сложилось исторически, поскольку решения в этих трех сферах влияют друг на друга. «Большая тройка» — люди богатые, власть имущие и именитые, обладающие деньгами, почетом и славой. Они определяют события государственного, если не мирового значения.

Единство властвующей элиты формируют частные школы, университеты и клубы, а окончательно принадлежность человека к элите определяет «умение быть полезным начальству, от которого зависит ваше продвижение» (*Миллс Ч.Р.* Властвующая элита. М., 1959. С. 193). Чтобы войти в элиту, надо отказаться от собственных индивидуальных свойств и стать похожим на других членов элиты, своим среди них. Это свойство в конечном счете главное, хотя богатство, родственные и дружеские связи также имеют немаловажное значение.

Властвующая элита, по существу, не выборна, а назначаемая. Это очевидно в военной и экономической сферах, но меньше заметно в политической сфере. Однако по мере бюрократизации политики, увеличения роли исполнительных органов по отношению к законодательным это становится все более характерно и для политической элиты, высший административный состав которой в США насчитывает примерно 2 тыс. человек. Многие пружины деятельности элиты неизвестны широкой публике, что питает разговоры о тайных заговорах.

Отмечая соотношение интересов властвующей элиты и населения, Миллс пишет, что имеются интересы общие (внешняя политика) и различные (внутренняя политика). Соотношение их меняется, но гармония интересов властвующей элиты и населения может быть только при бесконечном расширении рынков сбыта.

Миллс считает, что в настоящее время отсутствует равновесие между ветвями власти и между заинтересованными группами. «На смену политике, складывавшейся в результате избирательной борьбы, приходит авторитарная политика» (Там же. С. 367). Общественное мнение исчезло, как и свободный рынок. Обмен мнениями заменяется рекламой, и сама масса выступает в качестве рынка сбыта духовной продукции СМИ.

Важной характеристикой элиты является мобильность, или скорость циркуляции. Открытость элиты способствует увеличению ее жизнестойкости, закрытость ведет к ее смене. В период смены элиты

легче войти в нее, но, как и ранее, для того, чтобы не выпасть, надо переродиться. Встроенность в иерархию — важнейшее условие вхождения в элиту, из чего следует отказ от выражения собственного мнения в случае необходимости (беспринципность), умение повелевать и подчиняться и т.п. Встроенность в систему дает блага (деньги и власть). Критика элиты покоится на двух основах: на моральных и на зависти. Относящиеся к первой группе критиков не хотят попадать в элиту, вторые — не могут.

М. Вебер делит политических функционеров на две группы: чиновников-специалистов, или государственных бюрократов, и чиновников-политиков, или профессиональных политиков. Первые должны быть беспристрастны, добросовестны и точны в выполнении приказов вне зависимости от собственных убеждений. Вторые лично ответственны за принятие решений. Первые зависят от воли не избирателей, а начальства. Вторые сообразуют свои действия с желаниями масс, т.е. являются «демагогами» в античном смысле. Профессиональным политиком могут быть также журналист и партийный чиновник.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ

Следующим политическим уровнем после властвующей элиты является гражданское общество, которое составляет примерно $\frac{1}{3}$ населения (цифры разнятся довольно сильно; выше они в развитых странах, ниже — в развивающихся). Под гражданским обществом понимается совокупность добровольных общностей, не входящих в государство: землячества, профсоюзы, клубы, партии, творческие союзы и т.п. Гражданского общества не было в Древней Греции, поскольку общие интересы граждан там сливались с частными. По-гречески «политический» значит «гражданский». Афоризм Аристотеля «Человек — существо политическое» можно перевести и как «существо общественное». Лишь в Новое время, когда утверждается идея первенства личности и ее прав и свобод по отношению к государству, стало возможным различать гражданское общество и государство. Государство начинает пониматься как инструмент общества. Четкое разделение гражданского общества и государства присутствует у **Т. Пейна** в словах «Общество создается нашими потребностями, а правительство — нашими пороками» (Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 487). Фраза, немислимая у Платона.

По Гегелю, гражданское общество — переходная стадия от семьи к государству. Государство обеспечивает свободу гражданскому обществу, удерживая его в подчиненном положении. По К. Марксу, государство выражает общий интерес, гражданское общество — частный.

Гражданское общество — это такой же результат развития производства, как и государство. В гражданском обществе действуют преимущественно моральные нормы. В государстве — правовые. Гражданское общество стабилизирует положение в социуме. Отсутствие его может быть причиной социальной дезинтеграции.

Гражданское общество — противовес государству. Государство всегда будет пытаться разрушить гражданское общество, а оно должно иметь силы противостоять этому. Основные группы, из которых состоит гражданское общество, должны сорганизовываться для эффективной защиты своих социальных интересов. Западу удалось найти баланс между «принципом коллективного блага, отстаиваемым абсолютистской государственностью, и принципом индивидуального блага, отстаиваемым третьим сословием» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 45).

Само слово «гражданин» характеризует личность, чья активность не сводится к выполнению семейных или служебных обязанностей, а предполагает политическое участие. С детства нам знакомы строки Н.А. Некрасова «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Формы политического участия разнообразны. Это голосование, контакты с политиками, участие в митингах и демонстрациях, подписание петиций, отправление писем, членство в организациях, денежные взносы.

Выделяют четыре причины политического участия.

1. Чувство гражданской ответственности и долга.
2. Субъективная уверенность в эффективности участия.
3. Доверие граждан друг другу.
4. Объективная ситуация, подталкивающая людей вмешиваться

в политические дела.

С точки зрения **А. Даунса**, решение о политическом участии принимается тогда, когда «стоимость» от ожидаемых результатов превышает «цену» участия, т.е. материальные, временные и психологические затраты на участие.

Среди критериев степени вовлеченности в политику различают: 1) интерес к политическим событиям; 2) озабоченность, т.е. сознание важности политических событий; 3) информированность, т.е. осведомленность о протекании политических процессов; 4) активность — прямое участие в политических действиях.

Уровень политического участия можно разделить на несколько подуровней. Высший из них — «внимательная публика»: 1) неорганизованная аудитория, перед которой выступают политические лидеры; 2) организованная аудитория («группы давления»). Это, как правило, люди с высоким интеллектом и уровнем образования, которые способны самостоятельно разбираться в политических проблемах и не будут объектом манипуляции со стороны СМИ.

Следующей, более многочисленной стратой (примерно 20%) является «мобилизуемая публика», которую можно мобилизовать для активного участия в политической жизни (митинги, демонстрации, различные формы давления). В тактику давления входит массовая пропаганда с целью изменения общественного мнения, лоббирование (влияние на политиков и должностных лиц в системе исполнительной власти), возбуждение судебных дел и т.д.

Еще большее количество людей входит в заинтересованные группы, о которых говорилось ранее (примерно 25%). Это профсоюзы, национальные ассоциации производителей, союзы потребителей, экологические организации и т.п. Их характеризует организованность, одинаковость стремлений, использование государственных институтов для реализации целей. Функционирование заинтересованных групп имеет свои положительные и отрицательные стороны. К положительным относятся: 1) социализация и рекрутирование (мобилизация) граждан; 2) артикуляция и аккумуляция интересов; 3) дополнение официального представительства; 4) средство разрешения конфликтов. К отрицательным относят: 1) неравномерность представления интересов; 2) кристаллизация элиты; 3) конкуренция групп и компромиссы, мешающие сбалансировать политику.

Выдвигают четыре критерия степени вовлечения в политическую деятельность.

1. Интерес к событиям.
2. Озабоченность, т.е. сознание важности политических событий.
3. Информированность — степень осведомленности.
4. Активность — прямое участие в осуществлении политики.

Вовлеченность населения в политическую деятельность зависит от профессиональных и экономических факторов, уровня образования, места жительства, возраста, пола и даже цвета кожи (табл. 2).

Таблица 2

Уровень вовлеченности населения в политическую деятельность

Высокая вовлеченность	Низкая вовлеченность
Мужчины	Женщины
Белые	Чернокожие
От 35 лет и выше	До 35 лет
Высокий уровень образования	Низкий уровень
Горожане	Селяне
Членство в организациях	Отсутствие членства в организациях
Специалисты, бизнесмены, квалифицированные рабочие	Сельскохозяйственные и неквалифицированные рабочие

Можно выделить следующие закономерности участия в политической жизни.

1. Чем выше статус человека, тем больше вероятность его участия в политической деятельности.
2. Мужчины более активны, чем женщины.
3. Пожилые люди более активны, чем молодежь.
4. Когда требуется более активное участие в политических делах, число участников сокращается.

В целом в политологии сформулированы следующие «законы участия»:
1) повышение уровня социоэкономического и культурного развития нации ведет к интенсификации гражданских установок людей; 2) рост доходов ведет к большему удовлетворению существующей политической системой. Это можно изобразить на следующем графике, где по вертикали представлен уровень дохода населения, а по горизонтали – уровень социокультурного развития (рис. 5).

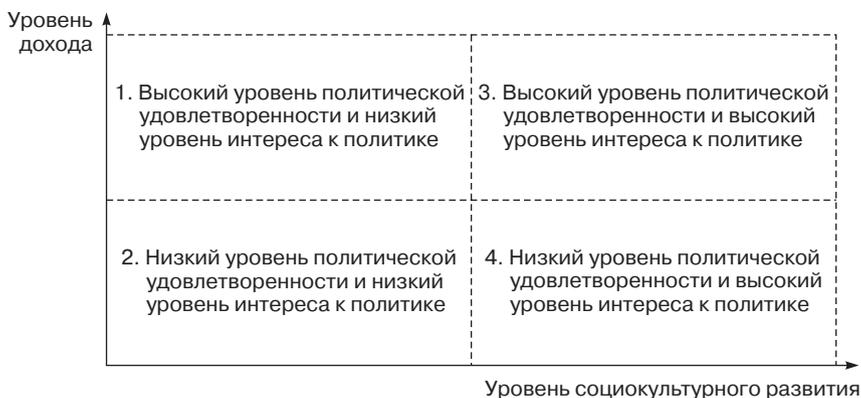

Рис. 5. Связь уровня удовлетворенности политической системой с доходами населения

На данном рисунке все четыре сектора равны, но реально в разных странах существует широкий разброс показателей дохода и образования населения. Условно выделим четыре группы стран, в которых преобладает один из четырех секторов, и четыре типа политического развития: 1) богатые неиндустриальные (неурбанизированные) страны с высоким уровнем дохода на душу населения и с низким уровнем социокультурного развития, определяемого по образованию (мало людей с высшим образованием), профессии (преимущественно физический труд), месту жительства (большинство деревенских жителей) — Объединенные

Арабские Эмираты, Кувейт; 2) страны с низким душевым доходом и уровнем социокультурного развития — большинство развивающихся и отсталых стран; 3) индустриальные страны с высоким душевым доходом и уровнем социокультурного развития (много людей с высшим образованием, живущих в городах и занимающихся умственным трудом) — большинство развитых стран; 4) индустриальные страны с низким душевым доходом и высоким уровнем социокультурного развития — Россия (рис. 6).

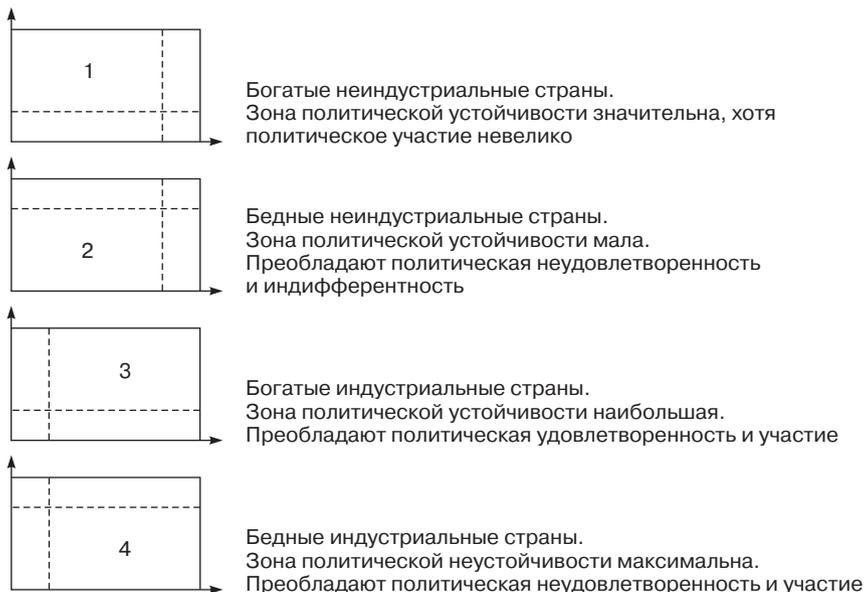

Рис. 6. Группы стран с разными уровнями удовлетворенности политической системой

Из рисунка видно, что наибольшая политическая неустойчивость присуща таким странам, как Россия. Следуют выводы: 1) чтобы в стране была политическая устойчивость, политические желания должны удовлетворяться, а уровень дохода населения увеличиваться (по крайней мере индивид должен думать, что это так); 2) если образование выше дохода, люди тяготеют к левому радикализму, если доходы выше образования — к правому; 3) с ростом уровня образования должны увеличиваться доход населения и степень удовлетворения политических желаний. Тогда общество развивается устойчиво.

ИНЕРТНОЕ БОЛЬШИНСТВО И ПРИНЦИПЫ НЕУЧАСТИЯ

Инертное большинство — это четвертый политический уровень, состоящий из неорганизованных людей, не желающих и не могущих оказать заметное влияние на политическую ситуацию. Они составляют большинство в обществе ($\frac{2}{3}$ населения, а порой и больше).

Существуют причины отказа людей от политического участия. Помимо изложенных выше причин участия, но с обратным знаком, можно отметить так называемую **депривацию**, под которой понимается «субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему» (**Р. Мертон**). Депривация к объекту имеет место, если индивид не обладает данным объектом, стремится к обладанию им, сравнивает свое положение с положением обладающих данным объектом индивидов, рассматривает возможность обладания как нечто вполне реальное и достижимое. Влияние на депривацию имеет не уровень абсолютных показателей обладания объектом, а динамика оценок относительного обладания.

Неучастие может быть следствием **апатии**, вызванной убеждением, что затраты слишком велики по сравнению с выгодой, или что «цена» участия вообще равна нулю. Апатия может быть положительной и отрицательной. В первом случае человек полагает, что все будет хорошо и без его участия; во втором — он считает, что ничего нельзя изменить к лучшему.

Причиной неучастия может быть **аномия** — отрицание самой политической и правовой основы общества, в котором человек живет.

Некоторым представителям инертного большинства свойственно **пассивное участие** — заинтересованность в политических делах, которая не ведет ни к каким реальным результатам.

Лекция 10

ПАРТИИ И ИХ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАРТИИ И ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ

Партия — это политическая организация свободно объединяющихся людей на базе общности их интересов, реализуемых при обладании ими политической власти.

С точки зрения новой теории демократии Й. Шумпетер характеризует партию как «такую группу, члены которой предполагают действовать сообща в конкурентной борьбе за политическую власть... конечно, в определенное время все партии формулируют свои принципы или программы: эти принципы и программы характерны для партии, которая принимает их на вооружение как виды товаров, которые продаются в универсаме, характерны для него и важны для его успеха. Но как универсам нельзя определить через товары, так партию нельзя определить через ее принципы... Психотехника управления партией, ее рекламная кампания, лозунги и марши — это все не украшения. Это и есть суть политики. Так же, как и политический лидер» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 232).

С другой стороны, «только сложная картина всего комплекса социальных, государственных (а часто также и международных отношений) дает правильное представление об истории определенной партии» (А. Грамши). Недаром в изучаемый в советское время предмет «История КПСС» входила, по существу, вся история России XX в.

В государстве может действовать много партий, одна или не быть партий вообще. В соответствии с этим говорят о **многопартийной** (если

две основные партии, как в США, — то двухпартийной) или **однопартийной** системе (если в государстве разрешена деятельность только одной партии). Цель партии при многопартийной системе — участие в реализации власти. При однопартийной системе единственная партия обладает властью, а не входящие в партию лишены права участия в ее реализации. В этом случае партия обладает монополией на власть. Такой государственной партией была в Советской Союзе КПСС. Ее характеристики: огосударствление, т.е. выполнение государственных функций, демократический централизм, запрет фракций и фракционной борьбы, коллегиальность при принятии решений и «обожествление» лидера (перманентный культ личности каждого первого секретаря ЦК КПСС в большей или меньшей степени). При многопартийной системе существует конкурентная борьба и роль каждой партии скромнее.

В настоящее время в большинстве развитых стран утвердилась многопартийная система, однако дискуссии относительно ее плюсов и минусов продолжают. Русский либеральный мыслитель **Б.Н. Чичерин** приводил такие аргументы за и против многопартийности: «за» — всестороннее освещение политических вопросов, наличие контроля за властью со стороны оппозиции, воспитание организованности, выявление подлинных лидеров; «против» — односторонность взглядов и действий партий, ослабление правительственной власти в борьбе партий, ухудшение нравов в процессе борьбы.

Партии начали исторически складываться в Новое время. Выделяют три периода в развитии партий.

1. XVI—XVII вв. — становление аристократических группировок, объединяющих немногочисленных представителей элиты. К примеру, французская Фронда, выступившая против короля. В России в этом же смысле говорили о партии Годунова, Шуйского и т.д.

2. XVII—XVIII вв. — создание политических клубов, стремящихся привлечь к политике массы. Такие объединения складывались перед Великой французской революцией (недаром говорили, что революция началась в парижских кофейнях). Политическим клубом были якобинцы.

3. XIX—XX вв. — образование партий в полном смысле слова. Первая массовая партия — Всеобщий немецкий рабочий союз, образованный Ф. Лассалем в 1863 г. Основной причиной появления партий был выход на политическую арену масс, развитие рабочего движения, распространение избирательных прав.

Политические партии выражают интересы различных групп населения и борются в той или иной форме за власть. «Что дает побежденной партии силы признать свое поражение, вместо того, чтобы прибегнуть

к тактике саботажа или броситься на баррикады? Во-первых, осознание того, что правила игры были справедливыми — равными для всех. Во-вторых, что поражение не является окончательным — следует просто потерпеть до следующих выборов» (Панарин А.С. Цит. соч. С. 28).

Существуют аналогии между партиями и государствами, которые разбирает **М. Дюверже**. Съезды партий выполняют роль законодателей, исполнительные комитеты партий выполняют административные функции, комиссии по конфликтам и партийному контролю занимаются деятельностью, сходной с работой судебных органов, поэтому партии легко встраиваются в существующую государственную систему.

Каждая партия должна иметь четкую политическую программу, устав, организационную структуру. Только тогда она в полной мере соответствует своему названию. Иногда слово «партия» употребляется в расширительном смысле аморфного конгломерата (как Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» говорил о русской партии), но надо понимать, что здесь имеется в виду иноказательный смысл.

КЛАССИФИКАЦИИ ПАРТИЙ

По количеству членов партии делятся на **массовые** (КПСС, КПРФ) и **кадровые** (демократическая и республиканская партии в США). Массовые партии состоят из трех звеньев: *лидер*, *среднее звено* (партийные функционеры) и *массы*. В кадровой партии третьего звена нет.

Массовые партии характеризуются рядом свойств.

1. Сформированы вне стен парламента.
2. Имеют высокую степень идеологичности.
3. Существуют благодаря взносам и активности большинства членов партии.

Кадровые партии, напротив, поддерживаются усилиями немногочисленных влиятельных лиц, ориентированы на подбор кадров функционеров, и в них обычно отсутствует фиксированное членство. Массовые партии действуют в течение всего года и не только в парламенте, но и в первичных организациях. Кадровые партии активизируются в период выборных кампаний. В России к массовым партиям относятся «Единая Россия», КПРФ (но ей далеко до КПСС, в которой состояло около 20 млн) и др.

По способам действий партии делятся на **парламентские** и **непарламентские**. Главное место действия парламентских партий — стены законодательных учреждений. При этом председатель партии является лидером парламентской фракции, а если партия правящая

в парламентской республике, то и премьером. Непарламентские партии ориентируются на внепарламентскую деятельность. Сюда относятся революционные, экстремистские партии, а также партии, которые готовы работать в парламенте, но либо не проходят в него, так как не пользуются популярностью у избирателей, либо отстранены от участия в избирательной кампании.

Некоторые партии руководят государством и называются авангардными (КПСС — ранее в СССР, КПК — в Китае сейчас). Другие выходят за пределы государств и становятся транснациональными (Радикальная партия Италии, в которую может вступить любой человек вне зависимости от страны проживания).

По поведению членов партии во время голосования в парламенте партии делятся на **дисциплинированные** (как в Великобритании) — все члены фракции голосуют одинаково по ее решению, и **недисциплинированные** (как в США) — каждый член фракции голосует не в соответствии с общим решением, а как сам считает нужным. В российской Государственной Думе в зависимости от обсуждаемого вопроса члены фракций могут голосовать солидарно или свободно (об этом принимается специальное решение).

По положению в политическом спектре партии делятся на **центр**, **правые** и **левые**. Обычно в центре располагаются партии, ориентирующиеся на либерально-капиталистическую идеологию (буржуазные партии). Справа находятся партии, опирающиеся на националистическую идеологию (националистические партии), а слева — опирающиеся на социалистическую идеологию (социалистические и коммунистические партии). Правда, это не всегда так. Если какая-то ниша оказывается свободной, ее могут занять представители иной идеологической ориентации. Так, в российском парламенте нет националистических партий, хотя они существуют в обществе (например, НББ), и на правом фланге образовалось «Правое дело», потесненное из центра «Единой Россией»

Интересная классификация партий предложена немецким политологом **Г. Еллинеком**. Он разделил все партии на **случайные**, **фрагментированные** и **необходимые**. Случайные партии основаны не на классовых, сословных и профессиональных различиях, а преследуют индивидуальные интересы. Они создаются по случаю одним или несколькими лицами и исчезают тогда, когда сходит с политической арены их создатель. Фрагментированные партии стремятся к разрешению какого-либо отдельного вопроса в рамках определенного фрагмента реальности (к примеру, партия пенсионеров). Продолжительность существования фрагментированных партий также ограничена. Гораздо дольше действуют необходимые партии. Они имеют идеологическую

основу и принадлежат к определенному политическому течению. Этим определяется и их название (консервативная, либеральная, демократическая, республиканская, коммунистическая, социалистическая, радикальная, а также сочетание этих слов).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ

Новое время — время океанических цивилизаций и объединения людей новыми мощными средствами коммуникации в единое человечество. Это время действия масс, вышедших на историческую арену. Данный феномен Х. Ортега-и-Гассет проанализировал в книге «Восстание масс». Вовлеченность масс в политическую и культурную жизнь потребовала создания особого способа организации масс, получившего название идеологии, и особого способа культурного обслуживания масс — массовой культуры. «Восстание масс» стало источником и движущей силой идеологии и массовой культуры, которые переплелись между собой.

Идеология сама является культурой масс и культурой для масс и стимулирует развитие массовой культуры, которая не может не быть идеологизированной, поскольку идеология ближе всех отраслей культуры к материальным потребностям, а массы живут в основном ими. Управлять массами сподручнее рассчитанной на воздействие на них идеологии, чем элитарной по сути науке, которую массы не способны понять. С выходом на историческую арену масс идеология получает преимущество перед наукой в борьбе за власть. Идеология имеет дело с массами, подлаживается под их интересы и запросы, что принижает культуру и ведет ее к кризису. Идеология означает переход от разума и религиозной веры к материальным интересам толпы.

Идеологии — это не мифы, хотя в них много от мифологии, а мистическое начало скрывается под рациональной оболочкой, проступая в бальзамировании вождей. Идеологии — не религии, хотя в них есть приземленная вера, в которой на место Бога ставят идеолога, правителя или материальный идол (скажем, Золотого тельца). У идеологии имеются философские корни, и ее предшественником можно считать Платона. Идеология взяла само название у философии (термин «идея» идет от Демокрита и Платона). Она стремится подчинить себе искусство, заявляет о своей научности. Она пытается соединить науку с высшими идеалами человека — его стремлением к благополучию и счастью. Идеология выражает интересы крупных групп населения. Это не знание об идеях (как было бы, если перевести буквально), а системы идей. Она объединяет людей, но ценой их превращения в «одномерных», по Г. Маркузе. Об-

единяет и наука, но идеология действует более жестко, не останавливаясь перед насилием.

Идеология должна обладать одновременно противоположными свойствами: быть логичной и абстрактной и в то же время простой и понятной массам, отвечать их надеждам и насущным нуждам.

Идеология соединила материальный интерес с научнообразным прогнозированием будущего, которое является предметом веры. Поставить все предыдущее знание на службу материальным интересам стремится идеология как система взглядов, выражающих интересы больших общественных групп — классов, наций. Идеологи — пророки материального. Они пришли, когда люди захотели счастья здесь и сейчас.

Идеология сейчас самая мощная сила. Она постоянно стремится что-то преувеличить или затушевать — то общечеловеческие ценности, то национальные, то классовые. Идеология исходит из крайностей, например, двух противоположных классов — капиталистов и пролетариата, двух противоположных взглядов на человека — демократического и тоталитарного и т.п. Идеология объединяет и разъединяет людей. Ее интересы частные и, стало быть, могут объединить часть людей на определенное время. Разделение идей, писал **Д. Вико**, удостоверяет разграничение собственности.

Торжество идеологии привело к господству формальных принципов наподобие историзма с его многообещающими схемами и пренебрежением к конкретному человеку. Масса — удобный объект идеологических манипуляций, поэтому идеология заинтересована в том, чтобы народ превратился в массу, в которую легко внедрять идеологию.

ТРИ ЭТАПА РАЗВИТИЯ ИДЕОЛОГИИ

Идеология проходит три этапа: **диалектический, демагогический, догматический**.

Первый этап — развитие идеологии — можно также назвать философским, поскольку при формировании идеологии философская составляющая играет важную роль. На этом этапе идеология проявляет непримиримость ко всем остальным идеологическим направлениям, но сохраняет тесную связь с наукой, искусством и другими отраслями культуры. Борьба с иными идеологическими течениями, в том числе с теми, которые мало чем отличаются от данного, способствует четкому оформлению идеологии, но может ее и погубить. На этом этапе про-

водниками идеологии выступают только ее создатели, да некоторые группирующиеся вокруг них фанатики. Но идеология создана, и вулкан готов к взрыву. Если идеологическая система оказывается достаточно жизнестойкой и ей удастся подавить конкурентов, особенно из числа смежных идеологий, она стремится обрести господствующее положение. Выводы о государстве как политической форме угнетения большинства меньшинством на диалектическом этапе идеологии сопровождались демагогией о скором преодолении всякого угнетения в результате буржуазной или социалистической революции.

Второй этап — распространение идеологии — можно назвать демагогическим, поскольку стремление к подчинению масс данной идеологии делает важнейшей ее демагогическую составляющую. Идеология может распространяться подобно эпидемиологическим заболеваниям — как некая идеологическая «инфекция», действующая на духовно и душевно ослабленный организм, не имеющий стойких убеждений в качестве иммунитета. «Инфекция» от одного может перейти сразу к нескольким и т.д., захватывая массы. Идеологическая система, как лава, выплескивается на поверхность, занимая огромные площади.

Третий этап — от господства идеологии до упадка — можно назвать догматическим. Идеологическая лава, выйдя на поверхность, начинает застывать, отрываясь от действительной жизни и интересов людей. Идеи превращаются в непререкаемые догмы и теряют жизненную силу. Если на втором этапе идеология пользуется философскими (преимущественно диалектическими) приемами, обеспечивающими ее проникновение в массы, то на третьем этапе она перестает впитывать какие-либо философские положения и превращается во врага философии.

К культуре относится этап формирования идеологии. Затем идеология утверждается и пытается подчинить культуру. Ныне это самая большая опасность, грозящая культуре в целом. В идеологии культура достигает своего самоотрицания, переходя, говоря гегелевским языком, «в свое другое». Ничто так не навязывается людям, никакая другая отрасль культуры не внедряется столь насильственно, вопреки самой природе культуры, и никогда кризис культуры не становится столь всеобъемлющим.

Идеология появляется изнутри культуры как ее отрасль, и поэтому она опаснее всего для культуры. Противостояние идеологии и культуры откровенно и четко выразил **Г. Геринг**, сказав: «Когда я слышу слово „культура“, я хватаюсь за пистолет». Материальный результат противостояния вроде бы предопределен, потому что у культуры нет огнестрельного оружия. Но она имеет другие, духовные средства борьбы.

ТРИ ИСТОЧНИКА ИДЕОЛОГИИ

Идеология имеет три источника, заключенные в трех прекрасных словах лозунга Великой французской революции: **свобода, равенство, братство**.

Из них, как из завязи, образовались три мировые идеологии. Само понятие «идеология» появилось в XVIII в. и первоначально обозначало учение об идеях — понятие, возвращающее к Платону, который, кстати, создал в своих поздних произведениях «Государство» и «Законы» прообраз идеологической системы, которую неудачно пытался воплотить в жизнь.

Породила идеологию эпоха Просвещения. У ее истоков стоял Ж.-Ж. Руссо, считавший, что науки и искусства не делают человека нравственным и счастливым. Руссо восхищались деятели Французской революции, особенно **М. Робеспьер**, провозгласившие свободу и ограничившие ее во имя ее. «Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому», — провозгласила «Декларация прав человека и гражданина», принятая Национальным собранием Франции 26 августа 1789 г. Но вскоре началось преследование врагов свободы и их головы полетели одна за другой.

Во времена Великой французской революции было в ходу и понятие врагов народа. Декрет Конвента объявлял врагами народа всех, кто выступал против Конвента или пытался унижить его. В соответствии с декретом Конвента от 26 февраля 1794 г. можно было объявить врагом народа кого угодно, например тех, кто препятствовал народному просвещению «путем всяких махинаций» (Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 1984. С. 239). Наказание — смертная казнь. Улик достаточно устных.

Сначала деятели революции победили в своей стране, а затем начали войны с тем, чтобы, как заявил **Ж. Камбон**, «ничто, существовавшее прежде, не могло устоять перед осуществляемой нами властью» (*Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. Т. 4. М., 1981. С. 152). Задача революционных войн заключалась в том, чтобы способствовать возникновению революций в других странах. Аналогичные задачи ставились после прихода большевиков к власти в России: «подталкивать» революции в странах Запада и Востока и в конце концов разжечь пожар мировой революции.

Тут же возникает знаменитое «кто кого?». Аргумент таков: если мы первые не начнем войну, то революция будет раздвлена усилиями остального мира. Начавшаяся война революционной Франции с другими государствами, писал **Ж. Жорес**, «была не борьбой одной нации против другой нации, а борьбой одной системы институтов — против другой

системы институтов. Теперь институты, созданные свободой, должны были уничтожить, пусть даже силой, институты, созданные рабством» (Там же. С. 155). То же было в России в XX в., когда тезис об обострении борьбы между капитализмом и социализмом использовал И.В. Сталин. Ж. Жорес восклицает: «Но как опасна такая попытка! Какие диктаторские привычки привьет она Франции! И как рискует она отождествить в глазах других народов национальную свободу с былым порабощением!» (Там же). Все закончилось диктатурой Наполеона, а в СССР — Сталина.

Обе революции были борьбой идеологии за власть, и в этом их сходство, хотя содержательно они различны: одна — идеология свободы, другая — идеология равенства. А как же с теми, кто не подчинится завоевателям, несущим свободу? «Тогда и отношение будет к ним, как к врагам, раз они не хотят ни свободы, ни равенства» (Там же. С. 158). Это было названо революционной диктатурой Франции и революционным протекторатом Франции над народами (доктрина Камбона, объявленная 15 декабря 1792 г. и утвержденная Конвентом). Великая французская революция была образцом идеологической революции. Ее аналог — Октябрьская революция 1917 г. в России.

Есть такое выражение: «Революция пожирает своих детей». Французская революция закончилась гибелью тех, кто ее организовал. Но идеология победила. Аналогична ситуация в России в XX в. Большинство активных сторонников коммунистической идеологии погибли или до революции, или во время ее, или после, в сталинских лагерях. Они оказались жертвами, на крови которых взошла идеология.

Идеология вступила в борьбу за власть в конце XVIII в., когда летели головы ее сторонников и противников, но окончательно укрепилась после Первой мировой войны, победили в которой идеологические державы — Англия, Франция и США, а побежденные взяли на вооружение другие идеологии — Россия в 1917 г., Италия в 1922 г., Германия в 1933 г.

Те, кто отдавал свои жизни за свободу, равенство и братство, подпитывали своей энергией идеологию до того момента, когда она, победив с помощью жертв, сама не отвечала репрессиями против своих противников. Примером является французская революция, но это свойственно всем идеологиям. Гибли тысячи борцов за рабочее дело, угнетенный народ и свободу, и жертвы не пропали даром. Из них родилось господство идеологии в трех формах — **либерально-капиталистической, националистической и социалистической**. Каждая обещала счастье, и большинство людей верило и надеялось. Ни одна не оправдала надежд. Почему? Объяснение может быть трех типов: историческое рациональное, историческое нерациональное и метаисторическое. Если ограничиться

первым, то ни одна из идеологий не выполнила обещаний в силу расщепленности единого идеала и из-за подмены в попытке насильственного приведения людей к счастью.

ЛИБЕРАЛЬНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Для либерально-капиталистической идеологии главное слово «свобода» — первое из троицы Великой французской революции. За этим скрывалось стремление третьего сословия ликвидировать привилегии аристократии и духовенства и достичь одинаковых с ними юридических прав. Когда это произошло, был брошен лозунг «Обогащайтесь!» и возникла новая форма неравенства, основанная на богатстве одних и бедности других.

Ахиллесова пята идеологии — насилие. Чем больше насилия в теории и практике идеологии, тем быстрее приходит она к гибели. Порой она еще находится у власти, но ей уже никто не верит. Наиболее хитрая идеология — либерально-капиталистическая, насилие которой не прямое, а косвенное, денежное, которое ей удастся скрывать. Недаром в обширном труде «Открытое общество и его враги» апологет капитализма **К. Поппер** лишь один раз употребляет слово «деньги», да и то в примечании. Поистине гегелевская «хитрость разума» — управлять не путем грубого насилия, а посредством денег. Деньги хороши как средство самореализации, когда не отняты у других. Но именно это происходит в капиталистическом обществе, построенном на эксплуатации людей, идей и природы, где высший стимул — прибыль. Однажды в качестве примечания К. Поппер говорил о том, что на деньги можно купить политическую власть, но это разбивает его предыдущие построения. Капиталистическое общество открыто для имеющего деньги. Без денег оно закрыто. «А деньги — что ж, это те же гвозди и так же тянутся к нашим рукам» (**А. Башлачев**).

Данную идеологию можно назвать либерально-капиталистической, потому что начинается она с лозунга свободы, еще наполненного гуманистическим содержанием эпохи Возрождения, затем переходит к пониманию свободы как свободы предпринимательства и формальных прав личности и собственности, а заканчивает проповедью потребительства. Либерализм основан на экономическом видении человеческого поведения, когда экономика понимается как приоритетная сфера по сравнению с политикой. Эта идеология господствует в большинстве развитых европейских стран.

Либерально-капиталистическая идеология взяла кое-что из других идеологий, а именно: люди должны быть равны (но фактически люди твоего класса или нации). За счет этого синтеза она вырвалась вперед и сейчас стала лидирующей в мире.

Либерально-капиталистическая идеология анонимна. Она пытается скрыть даже свое имя, в то время как обе другие работают с открытым забралом. По мнению Р. Барта, «отречение буржуазии от своего имени не является иллюзорным, случайным, побочным, естественным или ничего не значащим фактом; оно составляет сущность буржуазной идеологии, акт, с помощью которого буржуазия трансформирует реальный мир в его образ, Историю в Природу» (*Барт Р. Избранные работы.* М., 1991. С. 110). Миф помогает идеологии.

Большая жизнестойкость либерально-капиталистической идеологии в том, что она не берется открыто противопоставлять себя достижениям других отраслей культуры, прежде всего науке, а также искусству, философии, религии, как делают две другие идеологии.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Этот тип идеологии вдохновлен другим словом Великой французской революции, известным со времен Конфуция, — «братство» (имеется в виду близость людей одной нации). Борясь за национальное государство, многие становились героями и жертвовали собой. От этого так далеко до стремления к мировому господству, как от Гарибальди до Муссолини. Личный шофер А. Гитлера писал, что по-человечески фюрер был одинок. То же говорили о И. Сталине. Мао называл себя одиноким путником, бредущим с дырявым зонтиком. Как ни парадоксально, чем большей властью обладает политик, тем более одиноким он себя чувствует, да и является на самом деле. Причина кроется в разъединяющем людей насилии, тогда как настоящая культура объединяет их. Для идеологов живой человек — ничто по сравнению с нацией, классом или даже его правами.

Апофеозом насилия является националистическая идеология, которая начинается с провозглашения прав собственной нации на самоопределение, а заканчивается откровенно агрессивным стремлением к покорению и уничтожению других наций, что в наибольшей степени присуще немецкому фашизму, развязавшему Вторую мировую войну и провозгласившему цель завоевания жизненного пространства и уничтожения целых народов.

В противоположность либерально-капиталистической идеологии фашизм, как писал Б. Муссолини «подчеркивает права Государства как выразителя настоящей сущности индивида... Фашистская концепция Государства всеобъемлюща; вне его не существует ни человеческих, ни духовных ценностей... таким образом, фашизм тоталитарен... фашизм

противоположен социализму, которому неизвестно единство внутри Государства, сливающего классы в единую экономическую и этическую реальность... реальные потребности заняли должное место в корпоративной системе, где противоположные интересы координируются и гармонизируются в единстве государства» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 237—238). Б. Муссолини пишет о классовом сотрудничестве и корпоративности экономики как синтезе двух элементов: капиталиста и пролетария. Причем классовое сотрудничество устанавливается не путем уничтожения буржуазии, а посредством подчинения ее интересам государства.

Три другие черты националистической идеологии близки к идеологии социалистической: включение в государство экономической деятельности и образования, планирование, всеобщая мобилизация населения.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Эта идеология вдохновлена словом «равенство» и является земной религией угнетенных масс. Идеология равенства возникла во времена Великой французской революции (**Бабёф, Маршалль, Сильвен**), но обоснована в полной мере К. Марксом в XIX в. Маркса обвиняют в том, что он некритически воспользовался системой Гегеля, но если бы он ее не взял, то не создал бы идеологию, что является его главной заслугой.

К. Маркс и Ф. Энгельс тоже пытались затушевать идеологичность своей концепции, выступив с острой критикой идеологии как таковой. Но они же создали новую идеологию, что признали их последователи.

Социалистическая идеология возникла как отрицательная реакция на либерально-капиталистическую, но в ней есть и общая с ней основа — примат экономики. В социалистической идеологии социальная сфера занимает большее место, чем в либерально-капиталистической, но экономика остается преобладающей над политикой, особенно коммунистической, марксистской разновидностью, где политика рассматривается как надстройка над экономикой.

На алтарь идеологии положено много жертв. Коммунистическая идеология совершала триумфальное шествие в СССР, подмятая под себя остальные отрасли культуры. Наука, религия и философия в определенной степени воздействовали на идеологию, но определяла поведение людей именно последняя. Провал попыток идеологии применить науку и технику к социальной жизни объясняется тем, что идеология пытается насильственно внедрить свои схемы, вступая в столкновение с жизнью, которую она хочет преобразовать. Столкновение с жизнью — научно-техническое или идеологическое — чревато опасностью, причем

идеологическое чревато опасностью не меньшей, чем научно-техническое. Оно чревато социальными потрясениями и катастрофами.

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ: АПОФЕОЗ ПОДМЕН

Идеология защищает интересы определенных групп общества, но не каждого и всех в целом, поэтому все хорошие слова остаются невыполненными. На этапе становления идеология (как любая отрасль культуры, претендующая на господство) использует весь интеллектуальный и нравственный багаж для создания привлекательного образа. В дальнейшем демагогическая составляющая отбрасывается под причитания ортодоксов: «Разве вы не помните, что классик написал то-то там-то?»

Кризис культуры в лице идеологии заключается в том, что слова остаются словами, более того, их значение искажается и извращается. Сначала происходит подмена смыслов, а потом реальности. Подавляющее (в буквальном смысле) большинство старается для себя. Общие интересы подменяются частными.

Из всех отраслей культуры идеология наиболее демагогична. У нее самый большой замах — поднять всех на построение рая на земле, и с ней же связаны самые тяжелые подмены. Очевидно, что так и должно быть, так как она намеренно снижает свой духовный уровень, чтобы быть понятной всем, и, добиваясь этого, больше всего связана с материальной действительностью, являющейся главным источником подмен.

Идеология возникает тогда, когда определенные слои общества готовы жертвовать собой во имя народа, и начинает переживать кризис, когда носители ее, придя к власти, начинают уничтожать несогласных. В конце концов сами проводники идеологии перестают верить в идеалы (если они у них были) и их уверения становятся ложью, видимой всем. Материальные средства искажают духовные цели и делают их неосуществимыми.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОБЩЕСТВА

Рассмотрим пять основных социально-политических типов общества, основанных на традициях, религии, идеологиях: 1) либерально-капиталистический; 2) националистический; 3) социалистический; 4) христианский; 5) традиционный. Выделим следующие признаки: отношение к ресурсам, отношение к своей и другим нациям, высшая цен-

ность, отношение к правам и обязанностям личности, тип производства, отношение к собственности (табл. 3).

Таблица 3

Социально-политические типы общества

Социально-политический тип	Отношение к ресурсам	Отношение к нациям	Высшая ценность	Отношение к правам и обязанностям	Тип производства	Отношение к собственности
Либерально-капиталистический	Потребительство	Интернационализм	Человек	Приоритет прав	Товарное	Частная собственность
Националистический	Потребительство	Национализм	Государство	Приоритет обязанностей	Товарное	Частная собственность
Коммунистический	Потребительство	Интернационализм	Класс	Приоритет обязанностей	Товарное	Общественная собственность
Христианский		Интернационализм	Бог	Приоритет обязанностей		
Традиционный	Самоограничение	Интернационализм		Приоритет обязанностей	Натуральное	

Прокомментируем табл. 3. У каждого типа свой особый, неповторимый признак: у либерально-капиталистического — приоритет прав человека, у националистического — национализм, у коммунистического — общественная собственность, у христианского — Бог как высшая ценность, у традиционного — самоограничение и натуральное хозяйство. Эту схему можно сделать динамической: христианство при возникновении совпадало с традиционным типом по всем пунктам, но потом, став господствующим в Византии и на Западе, все дальше отходило от него. Оно ушло от самоограничения, хотя и не пришло полностью к потребительству; ушло от постулата «Не противься злему» к постулату «Не мир пришел Я принести, но меч».

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

Помимо идеологий деятельность партий протекает в рамках политических течений, которые существуют в определенных идеологиях или промежуточны, или вообще находятся вне идеологий.

Г. Рормозер пишет, что «проблема политической власти решается либерализмом путем замены власти на право. Либеральное государство специфично тем, что оно само ограничивает свою власть, чтобы обеспечить и гарантировать основные права гражданина. Основная проблема либеральной философии — это проблема ограничения власти. Либерализм стремится к сведению власти до минимума, к ее нейтрализации, в этом состоит его долгосрочная стратегия» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 754). Либерализм идет от естественных прав личности. «Представление о том, что государство и политика могут представлять собой нечто большее, чем службу по согласованию интересов различных сторон, чуждо либерализму совершенно» (Там же. С. 755). Либералы всегда подчеркивали «равенство перед законом, всеобщее избирательное право и политические свободы» (Там же. С. 797). Теперь же нужно обеспечить всем минимальный уровень существования. Признание этого отличает новый либерализм от классического. Достижения либерализма, по Рормозеру, — правовое государство, конкурентная экономика, разделение между государством и обществом, исключение из политических споров вопроса об истине. Рормозер считает, что либертариизм, в который переродился классический либерализм, отказался в принципе от ответа на вопрос об истине.

Либертариизм — это либерализм, ставший законченно экономико-центричным, впадшим в апологетику естественного рыночного отбора.

«Экономически „незаинтересованное“ большинство рассматривается им как планетарный балласт... Либертариизм берет у классического либерализма одну составляющую — постулат об ограничении вмешательства государства в экономическую и социальную жизнь; другие составляющие либерализма, относящиеся к плюрализму, терпимости, консенсусу, отставлены в сторону» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 321, 395). Исследование современного либертариизма особенно важно в России, так как модернизационный проект, осуществляющийся в нашей стране (реформы), основывается во многом на данной концепции.

В потреблении, технике, гедонизме буржуазное общество утратило смысл жизни, и из-за перерождения либерализма в либертариизм возник тоталитаризм. Либерализм функционирует, пишет Рормозер, когда в обществе сохраняется нормальное положение и достигнут относительно

высокий уровень благосостояния. С ненормальной ситуацией — в Веймарской республике, в нынешней России, по Рормозеру, либерализм не может справиться.

Г. Бэккер — представитель чикагской школы, получивший Нобелевскую премию за работу «Человеческий капитал» (1964), исходит из того, что сфера властно-политических отношений будет уменьшаться, уступая место отношениям гражданского партнерского обмена. Само словосочетание «человеческий капитал» можно трактовать двояко: как опущение человека до уровня капитала (такой человек и будет человеком-потребителем) и как поднятие капитала до уровня человека. По-видимому, в работе Бэккера мы имеем дело с первым. Бэккер теоретически обосновал и доказал математически, что рентабельные вложения в науку, образование, здравоохранение дают более высокую экономическую отдачу, чем инвестиции во внутрипроизводственные сферы. Но кто должен делать «капиталовложения» в человека, как не государство?

Г. Бэккер распространяет закон экономии времени с производственной сферы на потребительскую. Как в сфере производства сокращается время изготовления товара, так и в сфере потребления сокращается время удовлетворения потребностей. Например, человек предпочитает хранить продукты в холодильнике, вместо того чтобы готовить пищу ежедневно.

Падение рождаемости объясняется экономическим законом предельной полезности. В традиционном обществе дети рассматривались как вложенный капитал, который дает скорую отдачу. В цивилизованном обществе родители уже не надеются на помощь детей в старости и поэтому не стремятся обзаводиться потомством. Это абсолютизация экономической теории и ее распространение на все сферы жизни.

Чикагская школа освобождает гражданские отношения от всего гражданского, интимно-личного, морального, духовного. Лидер чикагской школы **М. Фридман** рекомендует заменить государственные службы частными, оплачиваемыми не из бюджета, а адресным образом: конкретным потребителям за конкретную услугу. Это распространяется и на государственную полицию, которую предлагают заменить частной системой охраны, и на государственный эмиссионный банк, который предлагают заменить системой конкурирующих банков, выпускающих каждый свою валюту, и т.п. Неолиберальная утопия чикагской школы о неизбежном сужении сферы властно-политических отношений сродни марксистской утопии об отмирании государства.

Противоположный либерализму в рамках либерально-капиталистической идеологии консерватизм всегда подчеркивал роль государства и традиционных ценностей — семейных, исторических, религиозных, моральных, культурных.

«Только государство, сильное государство может обеспечить относительное равенство шансов конкурентов» (Там же. С. 753). Без «христианского нравственного воспитания свобода в обществе и государстве не имела бы основания» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 756). При «потере нравственности свобода теряет свое содержание» (Там же). Для просвещенного консерватизма «человек не только существо, озабоченное своим материальным благополучием, но и культурное существо... Человеку недостаточно одного лишь удовлетворения материальных потребностей и признания его как индивидуума. Он хочет также получить признание своей принадлежности к национальным и другим коллективам. То есть он нуждается в признании как культурное существо. Между тем либерализм не в состоянии дать такое понятие культуры» (Там же. С. 757).

В эпоху экономического кризиса главное не свобода, а сохранение, а стало быть, консерватизм. «И все задуманные изменения нужно проверять, соответствуют ли они императиву сохранения, тем самым ограничивая их» (Там же. С. 761). Консерватор в отличие от либерала мыслит исторически. Аналогично новому либерализму появляется и новый консерватизм, вбирающий в себя классический либерализм.

Два основных течения в рамках социалистической идеологии — социализм и коммунизм — различаются не столько по конечным целям — обеспечению социального равенства людей, сколько по средствам их достижения. Коммунизм отдает приоритет революционным действиям и меньше надежд возлагает на мирные демократические преобразования.

Основные течения в рамках националистической идеологии — фашизм (в традиционной трактовке Муссолини) и национал-социализм (господствовавший в Германии с 1933 по 1945 г.). Второму присуща наибольшая степень агрессивности и милитаризма (рис. 7).

Рис. 7. Разновидности идеологий

Многие партии берут не одну, а две идеологические основы, и отсюда двойное название (рис. 8)

Рис. 8. Типы партий и их идеологические основы

Социал-реформизм своим названием подчеркивает, что в стремлении к осуществлению социалистических идеалов он будет идти никоим образом не революционным путем (как коммунизм), а реформаторским. Выделяют также радикальные течения, которые выступают за быстрые коренные изменения общественного положения. Еще дальше уходит экстремизм, который считает, что лишь революционное насилие и террор способны изменить ситуацию в нужную сторону. Радикализм и экстремизм бывают правыми и левыми.

Партии могут объединяться или, наоборот, возникать из общественно-политических движений – более аморфных образований, необязательно имеющих программу. На выборах партии и общественно-политические движения могут группироваться исходя из общих целей борьбы за власть в предвыборные блоки, а после успешного завершения выборов создавать правительственные коалиции, совместно реализуя властные полномочия.

Лекция 11

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Понятие политической культуры ввел в XVIII в. **И. Гердер**, и появление его в эпоху Просвещения неслучайно.

Современное ее определение таково: «**Политическая культура** — это разнообразные, но устойчиво повторяющиеся, когнитивные, аффективные и оценочные ориентации относительно политической системы вообще, ее аспектов „на входе“ и „на выходе“ и себя как политического актора» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 597).

Политическая культура двигает политические решения и одновременно противостоит им. Это та среда, в которой принимаются политические решения. Выделяют следующие функции политической культуры: «**когнитивную**, связанную с пониманием современного мира, истолкованием его реальностей и тенденций; **мотивационную**, связанную с особыми, эмоционально окрашенными стимулами политического поведения; **нормативную**, связанную с выстраиванием определенного культурного (не опирающегося на юридические санкции) „законодательства“ — эталонов поведения, воплощающих представление о должном и престижном; **проективную**, связанную с ответами на вызовы будущего и представлениями о лучшем обществе, о перспективах собственной нации и всего человечества» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 329).

Политическая культура включает в себя следующие элементы: 1) наличие определенного уровня знаний о политике; 2) умение давать

самостоятельную оценку событиям; 3) способность участвовать в политической деятельности; 4) умение управлять эмоциональной стороной политических действий. «Когда мы говорим о политической культуре какого-либо общества, — пишет Г. Алмонд, — мы подразумеваем политическую систему, усвоенную в сознании, чувствах и оценках населения» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 594). В политическую культуру входят знания, вера, чувства, суждения и мнения.

Отличие политической культуры от политического сознания в том, что культура может проявляться на бессознательном уровне и, таким образом, представляет собой более широкое понятие.

Политическое сознание — совокупность взглядов и установок, выражающих отношение людей к государству и партиям, политическим ценностям и целям развития, традициям и нормам политической жизни.

Основу политического сознания представляют знания и идеология. Возможно выделить три уровня соотношения политики и сознания.

1. **Идеологический** — уровень «ложного сознания», по К. Марксу, на котором функционируют различные социальные мифы.

2. **Прагматический** — уровень бессознательный по преимуществу, на котором политик заботится о том, чтобы удержаться у власти, а подданный о том, как защитить свои интересы.

3. **Политологический** — уровень истинного сознания, на котором происходит прояснение, объяснение и рационализация политических реалий.

Политическая культура общества зависит от многих факторов: от общей культуры и менталитета народа, степени рациональности его представителей, престижа политики в государстве, прав и обязанностей граждан. В свою очередь от уровня политической культуры зависит политическое сознание отдельных людей. Конечно, о таком уровне политической культуры, какой был в Древней Греции в период существования городов-государств, можно лишь мечтать. Там был высочайший уровень культуры в целом, в том числе рациональных разделов культуры, а занятие политикой — высшей честью и обязанностью граждан. Почему уровень политической культуры со временем не поднимается, а, наоборот, падает? Это связано с одним на первый взгляд парадоксальным обстоятельством. Дело в том, что цель политики — управление населением.

В кибернетике сформулирован закон необходимого разнообразия, в соответствии с которым эффективное управление возможно в том случае, если разно-

образии управляющей подсистемы выше разнообразия управляемой подсистемы. Чтобы сделать управление более эффективным, правящая элита стремится (чаще неосознанно) к уменьшению разнообразия подданных, т.е. действует в сторону усреднения, унификации человеческих характеристик. Элита стремится уменьшить не только политическое участие, но и интеллектуальный уровень людей, а стало быть, их способность разбираться в политических событиях, формировать собственную точку зрения на политику.

Отсюда нацеленность на манипулирование общественным мнением с помощью создания удобных политических мифов, пригодных для общего пользования. К наиболее распространенным политическим мифам в развитых странах относят следующие: 1) об эгоистической природе человека и его склонности к приобретательству; 2) об отсутствии социальных конфликтов и эксплуатации; 3) об индивидуальной свободе и личном выборе граждан; 4) об объективности действий государства и СМИ; 5) о плюрализме СМИ.

Совершенствование СМИ облегчает распространение и пропаганду мифов, и манипуляция сознанием приобретает угрожающие размеры. Правящей элите не нужно, чтобы подлинно свободные люди участвовали в принятии политических решений, но ей выгодно, чтобы люди думали, что они свободны и сами решают свою судьбу. От того, насколько удастся внушить это массам, зависит прочность власти элиты и стабильность управляемого ею общества.

ТИПЫ И ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. Алмонд выделяет три типа политической культуры.

1. **Провинциалистский** (традиционный) — идущий из догосударственных отношений, в соответствии с которым человек интересуется лишь тем, что происходит в его местности (провинции), но не проблемами государства в целом.

2. **Подданнический** (монархический) — идущий от первичных этапов существования государства, в соответствии с которым человек всегда голосует за кандидатов, которые имеют власть в данный момент. Он основан на вере в «хорошего барина», который придет и все рассудит по правде; царя, который желает добра народу, но которого обманывают приближенные бояре. Принадлежащий к данному типу может критически относиться к правителю, но голосовать все равно будет за него (подсчитано, что к этому типу принадлежит 8—10% населения).

3. Партиципаторный (сознательно участвующий) — тип современного политического поведения, в соответствии с которым человек стремится к активному участию в политике на основе индивидуальных представлений. Данный тип реализуется при наличии высокой политической культуры и отсутствии мешающих ее становлению препятствий. Этот тип не может довлеть над другими даже в современном обществе, так как его широкое распространение препятствует бесперебойной работе существующей государственной машины.

Г. Алмонд выделяет также виды политической культуры, которые различаются по степени сходства взглядов представителей разных слоев общества.

1. Гомогенный (США и Великобритания) — большинство населения разделяет принципы устройства данной политической системы и терпимо относится к разногласиям.

2. Фрагментированный (континентальная Европа) — согласие по основным политическим вопросам отсутствует; общество разделено на субкультуры, часто не совмещающиеся друг с другом.

3. Доиндустриальный (модернизирующиеся развивающиеся страны) — новые политические реалии (парламент и т.п.), смешанный с традиционным политическим поведением.

4. Тоталитарный (коммунистические и националистические страны) — гомогенность присутствует, но искусственная, жестко, насильственно навязанная сверху.

Из данных видов устойчив первый, а четвертый устойчив по видимости. В двух остальных гомогенность отсутствует, что делает их нестабильными, особенно третий вид, при котором очень большие различия между компонентами системы.

Американская политическая культура гомогенна, поскольку жители США всегда существовали при одной политической системе. Совсем иное в других западных странах, которые прошли длительный монархический этап правления. Еще сложнее ситуация в модернизирующихся странах и нынешней Российской Федерации.

Другое, более содержательное разделение — на либерально-индивидуалистический и консервативно-коллективистский виды. При первом — субъекты выступают против вмешательства государства в дела граждан, при втором — имеет место повышенное ожидание заботы от государства, обожествление главы и т.д.

Исходя из того, что «установки политического поведения связаны не столько с фатализмом культурно-исторической наследственности, с давлением „среды“, сколько с самоопределением в отношении буду-

щего и своего места в нем» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 329), А. Панарин дает свою классификацию типов политической культуры. Он выделяет **экономико-центристский, этноцентристский и социоцентристский** типы политической культуры.

Экономико-ориентированный человек ставит во главу угла материальные ценности, которые он получает в результате своей деятельности, а все остальное считает второстепенным. Его успехи главным образом материального характера — зарплата, дивиденды; его неудачи — это главным образом недостаток материальных благ. Здесь провинциализм особого рода — уход в экономико-центризм как в «провинцию». Представителю такой культуры нет дела до политической борьбы, если она не приносит непосредственных материальных благ. Экономико-ориентированным может быть и политик, если рассматривает политическую борьбу и свой успех в ней как способ увеличить свое материальное благосостояние.

«В этноцентристской политической культуре главной мотивирующей ценностью явилась не развитость, а этническая „самостийность“. Наиболее вдохновительные мотивы связаны не с проектом будущего, ожидающего всех, а с культурной памятью, в которой находит свой „дом бытия“ данный конкретный этнос, пуще всего боящийся обезличенности и растворения в более масштабной общности суперэтнического типа» (Там же. С. 352). Примерами такого типа политической культуры являются современный религиозный фундаментализм и стремление к национальной обособленности.

Эти два типа политической культуры — крайности обезличивающего глобализма и местного этноцентризма. Как писал **Н.С. Трубецкой**, «между чересчур конкретным народом и чересчур отвлеченным человечеством лежит понятие „особый мир“. Совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства...» (*Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995. С. 441).

Социоцентризм «означает владение таким механизмом, который вместо того, чтобы разрывать экономику, культуру и мораль, позволяет осознавать их взаимозависимость в рамках нерасторжимого целого, называемого *социальностью*» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 367). «Великие суперэтнические общности, ныне разрушаемые глобалистами и этноцентристами, отстаивали ценности и воодушевительные смыслы не на этническом, а на *гражданском* уровне» (Там же. С. 374).

Социоцентристская политическая культура отождествляет онтологию и этику. Она сменяет модель космоса как кладовой ресурсов на модель органического, живого космоса, который открывает «культуроценозы — невидимые целостности, скрепленные подобно биоценозам в природе какими-то тонкими взаимоподдерживающими нитями» (Там же. С. 370) — любви, доверия, самопожертвования, социальной солидарности, сострадательности, сотрудничества и ответственности. «Если обратиться к М. Веберу, различающему два типа рационального поведения: рационального по цели, т.е. прагматически-утилитарного, и рационального по ценности, то становится ясно, что культура высокой гражданственности, несомненно, тяготеет к последнему типу» (Там же. С. 374). Данный тип политической культуры близок к демократии участия и объединяет «не наиболее приспособленных, а наиболее совестливых и чувствительных к проблемам социальной и нравственной неустроенности современного мира» (Там же. С. 376). Представители данного типа политической культуры связывают социальную защиту не с деятельностью государства, а с гражданской самодеятельностью, с низовым политическим творчеством.

АВТОРИТАРНАЯ, ТОТАЛИТАРНАЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Политологи выделяют также типы личности по их отношению к политическим взглядам. Различают недемократическую (авторитарную, по терминологии **Т. Адорно**) и демократическую личности. Для первой характерны следующие черты.

1. Преувеличенная вера в могущество политических лидеров и готовность к абсолютному подчинению.

2. Ненависть к тем, чье поведение выходит за официально установленные рамки.

3. Широкое распространение чувства враждебности и понятия вины.

4. Подозрение и недоверие к другим людям.

5. Догматизм и отсутствие гибкости в оценках.

Т. Адорно добавляет к характеристике авторитарной личности недоверие к ценностям индивидуальной духовной жизни, склонность к стереотипам и социальной мифологии, дух разрушения.

В список черт авторитарной личности включают свойства консервативного (архаичного), конформистского (соглашательского) и агрессивно самоутверждающегося (нигилистического) типа личности.

Авторитарность бывает традиционалистской и модернизаторской. «Традиционалистский тип авторитарности склонен самоотожествляться с объектом управления, который для него — не столько механический объект, сколько „родная органика“, едва ли не семья... Напротив, авторитарист модернизаторского типа ... активно обращается во внешнюю „передовую“ среду — туда, где он нашел свой эталон и референтную группу» (Панарин А.С. Цит. соч. С. 221), с которой он берет пример.

В противоположность этому демократическая личность, по А. Инкельсу, обладает рядом характеристик.

1. Свобода от традиционных авторитетов.

2. Интерес к общественным проблемам и желание быть информированным.

3. Ориентация на политические процессы, которые признают необходимость и делают возможными рациональные процедуры.

Преимуществом личности демократического типа является осознание того, что точно выразил Гете:

«Лишь тот достоин счастья и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой».

Этот принцип вошел в теорию политологии. Дж.С. Милль писал, что «права и интересы каждой личности уважаются лишь в том случае, если эта личность сама способна и по обыкновению склонна защищать их» (Даль Р. Цит. соч. С. 55).

Можно также выделить в соответствии с тремя политическими режимами тип тоталитарной личности. Он имеет те же характеристики, что и авторитарный тип, плюс склонность придерживаться точки зрения большинства населения. Тоталитарная личность склонна отказываться (сознательно или бессознательно) от собственных взглядов, солидаризируясь с большинством. Общество, в котором доминирует такая личность, конечно, более монолитно и устойчиво, чем состоящее из личностей других типов, но лишь тогда, когда социальная система функционирует нормально. Если же наступает бедственный (по П.А. Сорокину) период, когда рушатся общепринятые ориентиры, то в этом случае преобладание людей тоталитарного типа будет способствовать дальнейшему уменьшению стабильности социальной системы.

Авторитарно-тоталитарные люди сохраняют религиозно-морализирующее отношение к политике, видя в ней столкновение сил Добра и Зла (Прогресса и Реакции). Авторитарно-тоталитарный человек может быть героем. Демократический человек прежде всего терпим (толерантен) к мнению другого и настроен на совместное обсуждение возникающих проблем.

Как соотносятся с этими типами человека представители различных социальных слоев? Интеллигенция больше тяготеет к типу

демократической личности, поскольку специфика ее работы связана с рационализацией, а последняя связана с демократизацией. Авторитарная личность ближе к традиционной деятельности (сельскохозяйственному, промышленному производству). Тоталитарный человек (тоталитарий) является современным вариантом авторитарной личности, вовлеченной в политическую сферу и прошедшей обработку современными средствами массовой информации.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Социализацией называют процесс усвоения индивидом социальных норм и ценностей данного общества. **Политической социализацией** будет усвоение политических норм и ценностей.

Этапы политической социализации представляют собой процесс усвоения идей, взглядов и образцов поведения в детстве и юности, обусловленный политическим окружением. Формирование политических взглядов начинается, по **Н. Смелзеру**, в возрасте от 9 до 13 лет. Дети доверяют правительству, считая, что оно действует на благо народа, и отождествляя правительство с определенной личностью. Мальчики предпочитают стать мэрами, а девочки судьями. Часто детское восприятие остается на всю жизнь, а порой от внезапного разочарования оно переходит в юношеский нигилизм.

От степени политической социализации и от того, какой тип политической культуры преобладает в данном обществе, зависит, какие политические типы личности будут формироваться. Степень политической социализации можно оценить по участию населения в политической жизни.

В приведенной табл. 4 показано, как население США участвует в различных формах политической деятельности — от голосования до членства в политических организациях.

Таблица 4

Участие в политической деятельности (Смелзер Н. Социология. М., 1998. С. 537)

Вид политической деятельности	Доля граждан, %
Регулярное участие в голосовании на президентских выборах	72
Постоянное участие в местных выборах	47
Активное участие в деятельности по крайней мере одной организации, занятой проблемами общности	32
Старание убедить других в целесообразности участия в голосовании	28
Присутствие хотя бы на одном политическом собрании или съезде за последние три года	19

Вид политической деятельности	Доля граждан, %
Участие в создании группы или организации для решения некоторых проблем местного значения	14
Членство в политическом клубе или организации	8

В других странах данные, конечно, будут отличаться, но просматривается определенная тенденция: чем сложнее форма участия, тем менее люди склонны ею заниматься.

От степени политического сознания в большой мере зависит устойчивость государства и общества в целом. В то же время ни в какой другой области общественной жизни не обострена столь сильно проблема соотношения социализации и самоактуализации, так как на политическую социализацию индивида оказывают воздействие идеология и конкретная политика, стремящаяся манипулировать общественным мнением.

Ни в какой другой сфере человека не стремятся так сильно сделать конформистом, как в политической. Специальный инструмент, стремящийся предотвратить самоактуализацию людей, — массовая культура, и в сфере политики требуется больше, чем в любой другой, осознание существующей ситуации.

Много насмешек вызывали слова В.И. Ленина о том, что «кухарка будет управлять государством». Но смысл их в том, что каждый гражданин должен обладать необходимым минимумом знаний для того, чтобы принимать государственные решения. Конечно, реализация этого — дело далекого будущего.

Лекция 12

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН

В условиях, когда прямая демократия невозможна, основное значение приобретает выбор населением людей, которые будут затем от их имени принимать политические решения. По новой теории демократии Й. Шумпетера, главную роль в демократической системе играет именно процедура выборов, а не то, что осуществляется воля народа, наличие и выполнение которой поставлено под сомнение критиками классической теории демократии. «Система выборов, — пишет Шумпетер, — практически единственный возможный способ борьбы за лидерство» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 224).

Одно из важнейших политических прав человека — право голоса, хотя, как писал русский философ **И.А. Ильин**, не каждый народ способен выделить лучших представителей с помощью всенародного голосования. Условие правильного выбора в числе прочих, по **К. Ясперсу**, — умение критически мыслить.

Современная избирательная система характеризуется рядом свойств.

1. **Всеобщность** — все достигшие определенного возраста участвуют в голосовании.

2. **Непосредственность** — выбирают именно те, кто потом будет принимать политические решения.

3. **Тайность** — каждый избиратель имеет право сохранить свое решение в тайне.

4. **Равность** — каждый депутат представляет одинаковое число избирателей. Данное условие признается в принципе, хотя осуществить его точно невозможно, так как избирательные округа никогда не равны

по численности электората (в России округа включают от 172 тыс. до 400 тыс. избирателей).

Специфическая «нарезка» избирательных округов, преследующая политические цели, издавна практикуется в США и получила особое название «джерримандеризма» по фамилии губернатора Массачусетса Э. Джерри, который прославился такой «нарезкой», которая помогла демократической партии одержать победу в законодательное собрание штата. В ответ на замечание, что один из округов напоминает своими очертаниями саламандру, кто-то пошутил: «Скорей уж Джерримандру», что и привело к появлению вошедшего в американский политический лексикон слова. Прославилась в этом отношении и Франция, правящие круги которой несколько раз меняли «нарезку» округов после Второй мировой войны, чтобы уменьшить представительство левых партий в парламенте.

ПРОБЛЕМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Проблема представительства — одна из сложнейших проблем политологии. Еще от Ж.-Ж. Руссо, превыше всего ставившего общую волю народа, идет различие фракционного (если суверенитетом обладает каждый человек) и национального представительства (если суверен — нация в целом). Можно различать местные представительства (когда депутат представляет и защищает интересы данной территории и ее населения) и фактическое представительство (когда депутат защищает интересы всего государства и выступает от всей нации). Перед кем ответствен политик — перед страной или ее жителями? Это вопрос подчеркнут **Ш. де Голлем**: «В политике приходится предавать свою страну или своих избирателей. Я предпочитаю второе». Наконец, важно, подотчетен ли депутат народу, т.е. обязан ли выполнять волю электората (так считается в избирательной системе США), или он отвечает лишь перед своей совестью (такие представления господствуют в Великобритании).

Сталкиваются два принципа: «Начальник (власть имущий) всегда прав» и «Избиратель всегда прав». И то, какому из них отдается предпочтение, определяет значение избирательного процесса: будет ли он видимостью выборов, когда результаты заранее известны, или действительными выборами. В реальности может иметь место борьба между данными принципами, избирателями и властью имущими.

Современная представительская демократия отличается и от античной прямой демократии, и от представительской демократии средневековых городов. «В профессиональной корпорации Средневековья

каждое сообщество прекрасно знало, кто есть кто по своим профессиональным, деловым и нравственным качествам. Купечество такого-то города-республики не могло себе позволить быть представленным в городском собрании (ландтагах, вече и т.п.) сомнительными личностями — это был бы позор всему купеческому сословию. Аналогичным образом обстоит дело с корпорациями ремесленников, духовенства и т.п. Делегирующие своего депутата в ассамблею корпорации делали это с ясным незамутненным рекламными манипуляциями сознанием, ибо репутация их представителей не создавалась в ходе избирательной кампании как искусственно произведенный (на чьи-то деньги!) продукт, а была известна заранее. И сегодня различные профессиональные сообщества — научные, политические и другие — прекрасно знают своих истинных неформальных лидеров, заслуживших свою репутацию деловыми, профессиональными и моральными качествами. По-видимому, эти преимущества корпоративно-представительной системы предстоит учесть в работе по совершенствованию современной политической демократии» (*Панарин А.С.* Цит. соч. С. 278—279).

В реальности сталкиваются представительская политика и политическая индустрия, «связанная с более или менее произвольно интерпретированными социальными заказами и другими порождениями политической искусственности (в частности, „раскрученными“ именами претендентов, за которыми стоят финансирующие всю эту индустрию тайные заказчики)» (Там же. С. 279). В результате происходит «превращение граждан в манипулируемый объект, а политики — в производство, управляемое не избирателями, а финансирующими его „акционерами“» (Там же). Как преодолеть эту деформацию представительского принципа? Может быть, вернуться к представительской системе Средневековья? Интересно, что повышение роли корпоративных принципов для преодоления негативных аспектов функционирования общества предлагал в конце XIX в. французский социолог **Э. Дюркгейм**. Однако никаких изменений в этом отношении, на которые он надеялся, не произошло, что, по-видимому, еще раз подтверждает закон необратимости эволюции.

Данный экскурс в историю показывает, насколько важна проблема представительства, но если согласиться с предложением снять ее совсем, то рухнет фундамент современной избирательной системы. В связи с тем, что проблема представительства теоретически не решена, можно говорить о представительстве лишь в относительном смысле — о представительстве заинтересованных групп и т.д.

ВИДЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Две основные избирательные системы — **мажоритарная** и **пропорциональная**.

При мажоритарной системе выигравшим считается кандидат, набравший абсолютное большинство голосов (на выборах президента) или наибольшее число голосов среди всех кандидатов (на выборах в парламент). Такая система действует в США, Великобритании, Франции, Японии.

При пропорциональной системе выбираются несколько депутатов от округа в пропорции от количества полученных голосов. Данная система основывается на принципе «пропорционального представительства» и считается более демократичной.

В Германии, Италии и Новой Зеландии половина депутатов избирается по мажоритарной системе, а половина — по пропорциональной.

Во Франции, где имеет место смешанный тип республики, действует модифицированная мажоритарная система. Если при выборах в Национальное собрание ни один из кандидатов не набирает большинства голосов, проводятся повторные выборы. Во втором туре участвуют все кандидаты, получившие свыше 12,5% голосов.

Каждая из избирательных систем имеет свои особенности, влияющие в значительной степени на результаты выборов (еще подтверждение сложности проблемы представительства). **М. Дюверже** сформулировал три социальных закона взаимосвязи избирательной и партийной системы.

1. Мажоритарная система в один тур способствует установлению двухпартийности.

2. Мажоритарные выборы в два тура ведут к объединению многочисленных, относительно стабильных партий в две коалиции.

3. Пропорциональное представительство способствует развитию многопартийности, т.е. становлению системы многочисленных независимых партий. Увеличение порога прохождения в парламент стабилизирует общество, но одновременно консервирует его. Здесь есть свои и положительные, и отрицательные стороны. Введение 5% или даже 10% порога прохождения в парламент имеет целью вывести из политической борьбы и маргинализировать новационные политические меньшинства, а они важны, поскольку откликаются на новые потребности и интересы общества. Это же, но в еще большей степени имеет место при переходе от выборов к назначению (как это было до недавнего времени с главами регионов Российской Федерации).

Р. Даль анализирует три возможные комбинации избирательных систем и видов государственного устройства.

1. Парламентская республика и система пропорционального представительства (*континентальный европейский вариант*). Он преобладает в странах «старой демократии» и встречается чаще других.

2. Парламентская республика и мажоритарная избирательная система. Этому варианту верны Великобритания, Канада, Австралия, т.е. страны Британского Содружества, и он называется *британским*.

3. Президентская республика и мажоритарная избирательная система. Этот вариант называется *американским*, поскольку из «старых демократий» он используется только в США, хотя его предпочли и некоторые страны «новых демократий».

4. Президентская республика и система пропорционального представительства. Этот вариант называется *латиноамериканским*, поскольку наиболее распространен в Латинской Америке, где существует президентская республика по примеру США, но выборы проводятся по европейской избирательной системе.

Наиболее демократичным вариантом Р. Даль считает первый, обе составляющие которого, с его точки зрения, лучше соответствуют принципам демократии: и парламентская республика, которая дальше всего от опасности узурпации власти, и пропорциональная избирательная система, позволяющая учесть права меньшинств. Британский вариант учитывает традиции Великобритании и в данных условиях вполне устойчив. США взяли у англичан мажоритарную систему, но предпочли президентскую республику, и в условиях США это сочетание также функционирует вполне устойчиво. Наиболее неустойчива из данных систем последняя, но это может быть связано не столько с самой по себе формой устройства, сколько с содержательными аспектами функционирования демократии в Латинской Америке.

ПРАВИЛА ВЕДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Для реализации избирательных прав граждан необходимо соблюдение правил проведения избирательной кампании и выборов. Одним из главных принципов является равенство возможностей кандидатов. Конечно, кандидаты не равны по личным качествам, взглядам, политическому весу. Речь идет об уравнении других характеристик, которые могут помешать избранию лучшего. Здесь следует отметить необходимость нейтральности государственного аппарата, который должен организовывать выборы, но не влиять на их результаты. Это обеспечивается дея-

тельностью избирательных комиссий, а в случае необходимости судами различных инстанций. Закон о выборах, устанавливающий правила борьбы, выделяет кандидатам одинаковые финансовые средства на ведение избирательной кампании, устанавливает равный максимальный лимит расходов, правила частного финансирования и расходования средств (запрещается обходить дома и делать подарки избирателям, т.е., попросту говоря, покупать их голоса), определяет величину равного бесплатного времени, представляемого кандидатам в СМИ, и т.п. Запрещается публикация результатов опросов общественного мнения за две недели до выборов, чтобы не повлиять этим на волеизъявление избирателей.

Большое значение имеет предотвращение фальсификации результатов выборов. С этой целью в избирательные комиссии вводятся представители от кандидатов, партий и блоков, а также независимые наблюдатели, в том числе от международных организаций.

Существуют избирательные технологии, помогающие в конкурентной борьбе за голоса. Они обеспечивают: 1) мониторинг, т.е. дают информацию о мнении избирателей, их социальном и профессиональном положении; 2) адресные рекомендации, т.е. предложения о том, что интересует избирателей и что следует говорить кандидату, обращаясь к данной аудитории; 3) имидж, т.е. наиболее выгодный образ кандидата (этим занимаются специальные имиджмейкеры). Выборную инженерию осуществляет избирательный штаб, который помимо выше приведенных функций составляет вместе с кандидатом предвыборную программу, организует и распределяет денежный фонд.

Различают два типа конкуренции: *гомогенный*, когда кандидат или партия имеют своего избирателя и отражают его интересы, и *гетерогенный*, когда каждая партия оспаривает поддержку всего электората.

К сожалению, правила ведения предвыборной борьбы зачастую не выполняются, что еще больше осложняет проблему представительства. Имеет место использование неучтенных средств сверх установленных лимитов и подкуп избирателей, и нечестное (мягко говоря) отношение к конкурентам, использование ложных сведений о них, которые трудно отличить от истинных в потоке компромата, и т.д. Все это хорошо известно, и избиратель снова и снова сталкивается с этим на каждых выборах, что не прибавляет им популярности и уважения в глазах населения. Имеется тенденция снижать порог явки избирателей, при котором выборы считаются действительными. Этим облегчается жизнь организаторов выборов, голосующих на них, но мешает реализации политических инноваций.

ОТНОШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ К ВЫБОРАМ

Отношение к выборам зависит от политической культуры общества, политического сознания масс, традиций данного народа, организации выборов. В целом о степени участия в выборах (на примере США) свидетельствуют следующие данные: активисты организаций и партийные функционеры составляют 0,25% электората; их помощники (посещающие собрания, дающие деньги) — 5%; лидеры общественного мнения и просто рассуждающие о политике составляют 25%; полностью аполитичны — до 7%.

Можно выделить следующие типы отношения к выборам.

1. Среди участвующих в голосовании: подданничество; политическое участие; случайное неполитическое участие; заимствование точки зрения (дома, у друзей, посредством СМИ); традиционализм (ходят на выборы по традиции); частно-материальное отношение (продажа голоса); негативное участие (голосование против того, кто отвергается); активная аномия (голосование против всех).

2. Среди неучаствующих в голосовании: провинциализм; аполитичность (равнодушие к политике); абсентизм — неучастие как форма протеста (потеря надежды и отрицание смысла); пассивная аномия; депривация.

Как видно, больше типов, участвующих в голосовании (иначе выборов вообще не могло бы быть), но среди участвующих лишь один тип действительно активный, позитивный и стремящийся самостоятельно разобраться в политической ситуации. Распространенность подданнического типа отношения к власти позволяет правящей элите удерживать власть (даже при отрицательной оценке ее носителей большинством населения) неограниченно долго.

ПРОБЛЕМА КОНТРОЛЯ И ОТЗЫВА ДЕПУТАТОВ

Проблема контроля за деятельностью выборных органов и отзыва депутатов остается одной из самых сложных для концепции представительства. Как писал Г. Маркузе, «свободные выборы господ не отменяют противоположности господ и рабов» (Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 391). Ему вторит Р. Михельс: «Нет никакого сомнения в том, что в процессе развития партии демократическая система сжимается в конечном счете до прав масс самим выбирать себе в данный период

времени господ, которым они после их избрания обязаны оказывать послушание» (Там же. С. 196—197).

Эта проблема даже на теоретическом уровне остается нерешенной, поскольку современные политологи расходятся во мнении относительно целесообразности и оправданности введения контроля и обеспечения права отзыва депутатов. Ведутся споры на политологическом и политическом уровне и в нашей стране. Некоторые политики предлагают принять закон об ответственности за невыполнение предвыборных обещаний и установить механизм отзыва выборных представителей, но то, что до сих пор этого нет, свидетельствует, что большинство депутатов не на их стороне. Как образно сказал **Г.А. Явлинский**, депутат — это купленный товар, который не подлежит замене.

Трудность заключается в том, что принять закон об отзыве должны сами депутаты, но они не заинтересованы в том, чтобы принимать законы, направленные по сути (или которые могут быть использованы) против них самих. Это ахиллесова пята демократии неоднократно подвергалась законной критике, и сами критики не только требовали соответствующих изменений, но включали их в свои программы (например, в программе большевиков говорилось об отзыве депутатов). Но это так и оставалось на бумаге. Причина в том, что контроль за деятельностью выборных органов и право их отзыва всерьез ударяют по власти элиты. Без подобного решения, однако, вряд ли можно относиться серьезно к названию нынешних режимов демократическими.

Как сделать, чтобы деятельность выборных представителей была в интересах всех? За это отвечает государство. Оно может контролировать любые виды деятельности, но ему трудно контролировать самого себя. Здесь возникает ключевой момент — контролирование государства гражданами. Попытки его осуществления делались с «Великой хартии вольностей», которую можно назвать «Великой хартией контроля», и в настоящее время это остается одной из важнейших политических задач и проблем политологии.

Литература

- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.
- Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1997.
- Аристотель.* Политика. Афинская полития. М., 1997.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1991.
- Даль Р.* О демократии. М., 2000.
- Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М., 1994.
- Миллс Р.* Властвующая элита. М., 1959.
- Платон.* Государство. Законы. Политик. М., 1998.
- Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1994.
- Хомский Н.* Прибыль на людях. М., 2002.

Тематическая подборка издательства «КНОРУС»

- Буренко В.И.* Политология (для бакалавров) : учебник. М. : КНОРУС, 2013.
- Гуманова Ю.Л.* Just English. The State of Britain. Английский для юристов и политологов. Углубленный курс : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2010.
- Демидов Н.М.* Основы социологии и политологии (для ссузов) : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2010.

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

КОДЕКСЫ

СБОРНИКИ

СБОРНИКИ

• ПРОСПЕКТ •

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ
ФИНАНСЫ

КОММЕНТАРИИ

ОТЧЕТНОСТЬ

ФИЛОСОФИЯ

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

ОТЧЕТНОСТЬ

КОММЕНТАРИИ

ЗАКОНЫ

• ПРОСПЕКТ •

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

СБОРНИКИ

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

ПСИХОЛОГИЯ

КОММЕНТАРИИ

КОММЕНТАРИИ

ЭКОНОМИКА

ОТЧЕТНОСТЬ

ЗАКОНЫ

КОДЕКСЫ ЗАКОНЫ

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

• ПРОСПЕКТ •

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

КОДЕКСЫ

ИСТОРИЯ

УЧЕТ

ЭКОНОМИКА ФИНАНСЫ

• ПРОСПЕКТ •

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

КОММЕНТАРИИ

ФИЛОСОФИЯ

ПСИХОЛОГИЯ

• ПРОСПЕКТ •

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСПЕКТ»

111020, Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4

(495) 967-1572

e-mail: mail@prospekt.org

www.prospekt.org